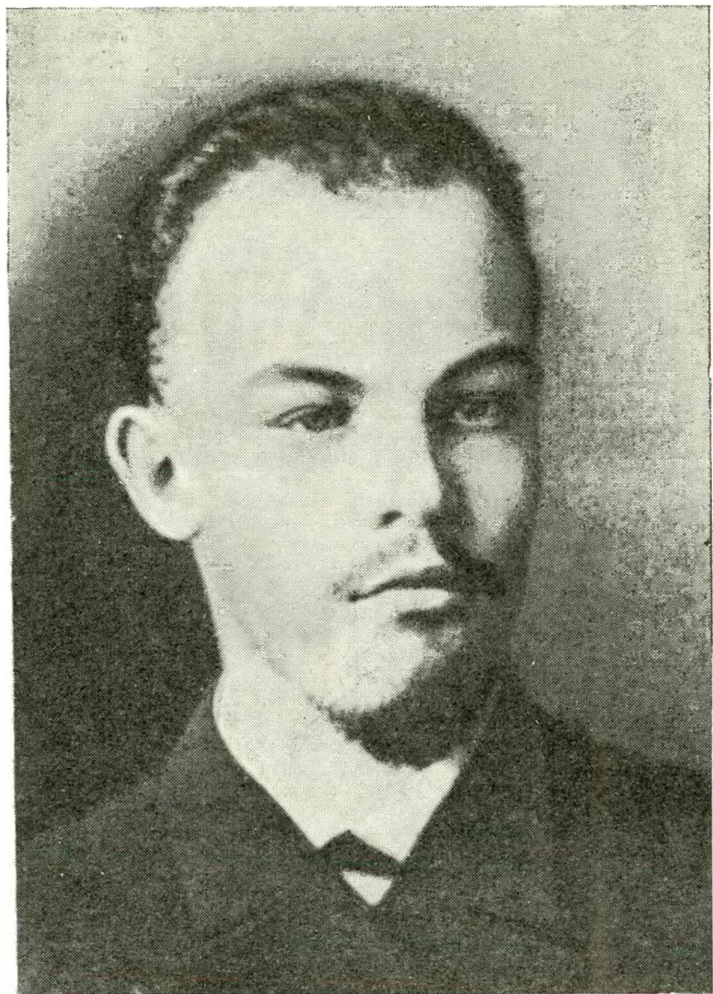




В. И. ЛЕНИН В САМАРЕ

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ

КУЙБЫШЕВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1980



В. И. Ленин. 1891 год.

Предисловие

Владимир Ильич Ленин... Все, что определяет грядущее — свободу, мир, прогресс, счастье, — люди труда связывают с именем бесконечно дорогого им человека.

Ленин велик во всем: в глубине познания жизни, в научном предвидении ее будущего, в масштабах начатых под его руководством революционных преобразований общества, он велик по складу своей удивительно цельной личности, ставшей идеалом человека коммунистического завтра. Продолжая дело основоположников научного коммунизма Карла Маркса и Фридриха Энгельса, он указал путь к новой жизни миллионам тружеников, которым по законам общественного развития принадлежат все духовные и материальные ценности на земле.

В. И. Ленин с самой ранней молодости всего себя отдавал делу революции, делу рабочего класса. Его жизнь — это постоянный, ежедневный подвиг, подчиненный одной великой цели — борьбе за счастье трудящихся. С гениальной прозорливостью Владимир Ильич постиг огромный духовный потенциал народа, поднял массы к самостоятельному историческому творчеству. Обращенная к лучшим, благородным чертам человеческой природы, правда Ленина, ленинской партии будет вечной и бессмертной.

«...Каковы бы ни были высоты, на которые поднимается человечество, — сказал Генеральный секретарь

ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — оно всегда будет помнить, что у истоков коммунистической цивилизации стоит исполинская фигура Ленина — мыслителя и революционера»¹.

В. И. Ленин приехал в наши края девятнадцатилетним юношей 4 (16) мая 1889 года и жил в Самаре и на хуторе близ деревни Алакаевки до 20 августа (1 сентября) 1893 года².

Самарский период в жизни и деятельности В. И. Ленина занимает особое место. В эти годы сложились и оформились его марксистские убеждения. В Самаре В. И. Ленин начинает борьбу против народничества, усиленно ведет пропаганду коммунистических идей в революционных кружках, делает первые попытки применить теорию Маркса к изучению российской действительности. Здесь он создал первый марксистский кружок и написал свои первые теоретические работы. В эти годы В. И. Ленин установил связи с марксистами Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Владимира, Казани, Сызрани и других городов.

Многие десятилетия историки и краеведы по крупицам собирают материалы о жизни и деятельности Владимира Ульянова в Самаре и Самарской губернии. Уточняются детали биографии юного Ленина, с большей вероятностью позволяющие говорить о формировании его революционных взглядов в самарский период, изучается круг здешних знакомств Ульяновых, общественно-политических и литературных интересов семьи.

Бесценным источником для глубокого и всестороннего изучения жизни и деятельности В. И. Ленина в нашем крае являются воспоминания родных и соратников Владимира Ильича. Они с исключительной силой раскрывают характерные ленинские черты: ненависть к рабству и угнетению, преданность делу борьбы за счастье трудящихся, непримиримость к врагам пролетарской революции, твердую веру в творческие силы масс. Особую ценность представляют воспоминания сестер и брата Владимира Ильича. Непосредственные

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. — М., 1970, т. 2, с. 604.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. — М.: Политиздат, 1970, т. 1, с. 42, 77; Ленин и Самара: Сборник документов и материалов. — Куйбышев, кн. изд., 1966, с. 229, 274.

свидетели его жизни, его юношеских лет, формирования его мировоззрения и начала его революционной деятельности, они ярко рисуют семейную обстановку, ту атмосферу, в которой В. И. Ленин жил и работал в Самаре и Алакаевке.

Воспоминания Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича Ульяновых — это живые иллюстрации, воссоздающие те или иные эпизоды, факты жизни В. И. Ленина в Самарской губернии. На конкретных примерах показана целеустремленность, непреклонная, все преодолевающая воля Владимира Ильича. Характерна в этом отношении его подготовка к сдаче экзаменов за университетский курс. Будучи исключенным из Казанского университета за активное участие в студенческой сходке, он после долгих хлопот добился разрешения сдавать экзамены за юридический факультет при Петербургском университете. Самостоятельно за полтора года проштудировал в Самаре и Алакаевке всю четырехлетнюю университетскую программу. В 1891 году в весеннюю и осеннюю сессии В. И. Ленин сдал экстерном экзамены и получил диплом первой степени.

Поездки в Петербург для сдачи экзаменов Владимир Ильич использовал и для того, чтобы связаться с марксистами столицы, через них запастись марксистской литературой. Адреса петербургских марксистов Владимиру Ильичу дал его близкий знакомый А. А. Шухт¹, проживавший в то время, после отбытия сибирской ссылки, в Самаре.

С большим интересом читатель прочтет очерк «Случай с купцом Арефьевым». Здесь отразились выдержка и принципиальность Ленина, его непримиримость в борьбе со всякого рода несправедливостью и произволом.

В воспоминаниях Анны Ильиничны наша свое отражение революционная деятельность Владимира Ильича в Самаре. Со страниц ее мемуаров В. И. Ленин предстает пламенным пропагандистом марксизма, твор-

¹ С А. А. Шухтом и его семьей Владимир Ильич был связан до конца своей жизни. Шухт в 1917 году вступил в большевистскую партию. В 1918 году по рекомендации Ленина была принята в партию его дочь. Другая дочь Шухта стала женой одного из основателей и руководителей Итальянской коммунистической партии — Антонио Грамши — *Ред.*

чески применявшим великое учение к условиям России, развивавшим его в новой исторической эпохе. Анна Ильинична убедительно показала, как «развивался и рос... тот Ленин, который заложил основы РКП(б) и повел ее к победе, а после победы — к строительству на этих основах»¹.

Рассказывая о знакомых и товарищах Владимира Ильича по Самаре, Анна Ильинична дает нам яркую характеристику А. П. Скляренко, с которым Владимир Ильич познакомился осенью 1889 года и быстро подружился. Опытный пропагандист, широко эрудированный и энергичный человек, Скляренко пользовался большим авторитетом среди молодежи, «у него были все данные для организатора и агитатора молодежи»².

Владимир Ильич подолгу беседовал со Скляренко и членами его кружка, спорил, доказывал, разъяснял, убеждал и помог им избавиться от народнических взглядов, стать на марксистские позиции. Он многократно выступал в марксистских кружках с теоретическими докладами, читал подготовленные им статьи, в которых содержались многочисленные критические замечания о трудах видных идеологов народничества. Анна Ильинична писала: «Рефераты Владимира Ильича о сочинениях В. В., Южакова, Михайловского, читанные в самарских кружках, позднее подвергшись некоторой обработке, составили три тетради под общим заглавием: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Одна из таких тетрадей до сих пор не найдена, а две другие вошли в Полное собрание его сочинений³ и... заключают уже в себе все главные основы развитых им позднее взглядов, основы ленинизма»⁴.

Внимательно следил Владимир Ильич за событиями международной жизни, развитием зарубежного, особенно немецкого рабочего движения. В 1891 году при отъ-

¹ Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. — В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине: В 5-ти томах. — 2-е изд. Т. 1. Воспоминания родных. — М., 1979, с. 32.

² Елизарова А. И. Мои воспоминания об А. П. Скляренко. — В кн.: Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916 гг.). — М.: Госиздат, 1922, с. 22.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 125—345. — *Ред.*

⁴ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 30—31.

езде В. А. Бухгольца из Самары в Берлин Ленин просил его писать возможно подробнее о берлинском рабочем движении, о работе Германской социал-демократической партии¹. Он радовался, когда под напором массового и все усиливающегося рабочего движения в Германии был отменен введенный в 1878 году исключительный закон против социалистов. Анна Ильинична вспоминала: «Помню, как торжествовал Владимир Ильич в 1890 г., когда закончился срок исключительного закона, и с какой живой радостью следили мы за сказочным ростом этой партии... мы изловчились найти адреса, по которым доходил бы теоретический орган германских социал-демократов ...«Neue Zeit»².

В сборнике опубликованы воспоминания соратников В. И. Ленина по самарскому периоду его жизни, написанные ими в 20—30-х годах, когда время еще не успело стереть в памяти детали революционной борьбы, биографические подробности жизни Владимира Ильича.

М. П. Голубева (Ясневá), М. И. Семенов (Блан), И. Х. Лалаянц, А. А. Преображенский, А. А. Беляков — это не только свидетели, но и непосредственные участники описываемых ими событий. Они характеризуют Ленина как человека, сочетавшего в себе высокую принципиальность и гибкость, революционную деловитость и настойчивость, непоколебимую убежденность в победе дела коммунизма и ясное понимание путей, которыми человечество придет к новой жизни.

М. И. Семенов подробно прослеживает, как под влиянием В. И. Ленина молодые самарские революционеры «начинают коренным образом изменять свою партийную окраску и превращаться из народовольцев в марксистов»³.

Об исключительном авторитете В. И. Ленина среди единомышленников рассказывает И. Х. Лалаянц: «В этом 23-летнем человеке удивительнейшим образом сочетались простота, чуткость, жизнерадостность и зазорность, с одной стороны, и солидность, глубина зна-

¹ См.: Летопись марксизма, 1926, № 1, с. 81.

² Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче: Сб. статей. — М., 1934, с. 147—148.

³ Семенов М. И. (Блан М.). Памяти друга. — В кн.: Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916 гг.), с. 10.

ний, беспощадная логическая последовательность, ясность и четкость суждения и определений — с другой»¹.

В мемуарах родных и соратников В. И. Ленина убедительно показано, как под руководством В. И. Ленина в Самаре выросла целая группа молодых марксистов, преданных идеалам социализма, связавших свои судьбы с делом борьбы за освобождение рабочего класса. «Марксистская закваска, оставленная в Самаре Владимиром Ильичем и т. Скляренко, — вспоминает М. И. Семенов, — превратила этот город на ряд последующих годов в провинциальный штаб марксизма»².

В воспоминаниях содержатся биографические подробности, помогающие читателю ближе познакомиться с обаятельным образом Владимира Ильича Ленина, его привычками, вкусами, думами и переживаниями. Многие страницы повествуют о том, с какой трогательной заботой Владимир Ильич относился к своей матери, родным, товарищам.

В сборник включены отрывки из воспоминаний жены, самого близкого друга, соратника В. И. Ленина Н. К. Крупской, старейшего деятеля революционного движения Г. М. Кржижановского, а также лиц, встречавшихся с Владимиром Ильичем в Самаре и в первые месяцы после его отъезда из нашего города осенью 1893 года. Они вспоминают о впечатлении, произведенном Лениным на революционную молодежь Нижнего Новгорода, Москвы, Петербурга. Два-три представляющих определенный интерес отрывка из воспоминаний, написанных людьми чуждых нам политических взглядов, особо оговорены. Составители сборника стремились к тому, чтобы не пропал «ни один штрих, годный для обрисовки этой феноменальной личности»³.

В целом сборник дает представление о жизни Ленина в Самаре, о его работе, связях, теоретических интересах, первых идейных боях.

Воспоминания о В. И. Ленине имеют огромное не только познавательное, но и воспитательное значение, особенно для молодежи. Они воссоздают неповтори-

¹ Воспоминания о В. И. Ленине. — М.: Госполитиздат, 1956, ч. 1, с. 102.

² Семенов М. И. (Блан М.). Памяти друга, с. 12.

³ Клеменц Г. А. Воспоминания о В. И. Ленине. — Коммуна. — Самара, 1924, 23 апреля.

мые черты великого образа Владимира Ильича, которые увлекают читателя, побуждают его следовать ленинским заветам, воспитывают в нем человека будущего, коммунистического общества. Образ Ленина — Мыслителя, Революционера, Человека с большой буквы вызывает в молодых сердцах страстную мечту стать на него похожим, благородное стремление к последовательному и целенаправленному самоусовершенствованию личности.

Все материалы тщательно сверены с источниками. Часть из них дана с небольшими сокращениями.

В конце каждого материала указана его первая публикация и источник, по которому он печатается.

На соответствующих страницах даны примечания, подписанные инициалами автора воспоминаний, а также редакционные фактические справки, ссылки на произведения В. И. Ленина и краткие пояснения отдельных мест текста.

Некоторые факты из жизни и деятельности В. И. Ленина в самарский период не получили достаточного освещения в мемуарной литературе. Поэтому в сборнике дается более полная по сравнению с предыдущими изданиями публикация дат жизни и деятельности В. И. Ленина в Самаре и Самарской губернии. Она составлена на основе первого тома биографической хроники Владимира Ильича Ленина, подготовленной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. На богатом документальном материале освещается юридическая деятельность В. И. Ленина, показываются трудные условия строжайшего надзора полиции, жандармов и чиновников, в каких пришлось жить и работать ему в Самаре.

Сборник «В. И. Ленин в Самаре» завершается публикацией кратких биографических сведений об авторах и указателя имен, встречающихся в тексте.

Составитель выражает благодарность старшему научному сотруднику Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Д. С. Кислик, краеведу В. Н. Арнольду, всем тем, кто оказывал помощь в работе над книгой.

М. И. Ульянова

ИЗ САМАРСКОГО
(АЛАКАЕВСКОГО)
ПЕРИОДА
(1889 — 1893 годы)

В деревне и в городе

В мае 1889 года мы переехали из Казани в Самару. На деньги, вырученные от продажи симбирского дома, мать надумала купить небольшой хутор. При содействии М. Т. Елизарова¹, жениха, а позднее мужа старшей сестры хутор был куплен в 50 верстах от Самары у некоего К. М. Сибирякова. Это был богатый сибирский золотопромышленник, скупивший в середине 70-х годов у обедневших самарских помещиков большое количество земли с целью организации крупного, технически рационального хозяйства. Человек левых либеральных убеждений—может быть даже левее,—Сибиряков, по-видимому, имел в виду и революционную пропаганду в народе. Во всяком случае, та или иная связь с политическими у него была.

Он широко помогал народникам, которые еще с конца 70-х годов вели в округе Алакаевки (так называли наш хутор по имени прилегавшей к нему деревни) непрерывную революционную работу. Во второй половине 70-х годов в одной из деревень Сибирякова — Сколкове, его резиденции, жил Глеб Успенский вместе со своей женой, которая занимала место учительницы в построенной Сибиряковым начальной школе. Здесь Успенский написал свой известный

¹ Елизаров Марк Тимофеевич (1863—1919) — профессиональный революционер, советский государственный деятель. — *Ред.*

рассказ «Три деревни», описав в нем деревни Сколково, Заглядино и Гвардейцы и подлинных жителей этих деревень. В этом же округе было, одна за другой, несколько попыток со стороны народников организовать земледельческие колонии¹ (кавказцы — группа Орлова, позднее ставшего эсером, организовавшего такую же колонию на Кавказе, тоже на земле Сибирякова, и колония А. А. Преображенского, которая была организована на хуторе Шарнеля, в трех верстах от Алакаевки, и существовала еще при нас).



М. И. Ульянова.

Задуманное в широком масштабе сельскохозяйственное предприятие не пошло у Сибирякова, хотя на организацию его и были затрачены большие суммы. За границей он закупил усовершенствованные земледельческие орудия — были куплены даже два паровых плуга, — соорудил громадные кирпичные и саманные постройки при хуторах для скота и земледельческих орудий и т. п. Хозяйство приносило, однако, лишь убыток, и Сибирякову пришлось отказаться от своей затеи. Земледельческие орудия были проданы за бесценок какому-то немцу, имевшему в Самаре торговлю мелким слесарным инструментом и земледельческими орудиями. Начал распродавать Сибиряков и земли, оставив лишь некоторое количество земли, достаточное для содержания сельскохозяйственной школы, которую он решил организовать. На Константиновском хуторе, в двух верстах от Алакаевки, было построено здание для этой школы, подбирались уже и кадр учителей. Среди них был толстовец Алексеев, живший ранее в Ясной Поляне у Льва Толстого,

¹ Колония эта описана Карониным (Петропавловским) в его рассказе «Борская колония». — М. У. (См.: Каронин С. (Петропавловский Н. Е.). Соч.: в 2-х томах. Т. 2, — М., 1958, с. 269—358). — *Ред*

Зубрилин, окончивший Петровско-Разумовскую академию, и другие, но открыть школу не разрешили. В этом запрещении сыграла, несомненно, определенную роль связь Сибирякова с политическими, хотя и вообще-то Свербеев, бывший тогда самарским губернатором, не был сторонником такого рода культурных начинаний. Как бы то ни было, а после этого Сибиряков стал ликвидировать все и переехал в Петербург (впрочем, и раньше он бывал в Самарской губернии лишь наездами).

В эти-то края и забросила нас судьба.

Покупая это имение¹, мать надеялась, что Владимир Ильич заинтересуется сельским хозяйством. Но склонности у Владимира Ильича к последнему не было. Позднее, по словам Надежды Константиновны, он говорил ей как-то: «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался. Я начал было, да вижу, нельзя, отношения с крестьянами ненормальные становятся».

Но если хозяйство не пошло и от него скоро отказались, то как дача Алакаевка была очень хороша, и мы проводили в ней каждое лето. Особенно хороши там были степной воздух и тишина кругом.

В нескольких десятках саженей от старого одноэтажного дома был старый запущенный сад, обрывом спускавшийся к ручью. У каждого из нас был там свой любимый уголок. «Олин клен», — говорили мы. И действительно, вторую мою сестру чаще всего можно было застать за книгой около высокого старого клена. Анна Ильинична больше любила березовую аллею. В старой липовой аллее, лучше всего сохранившейся, было слишком много тени: верхушки деревьев почти сходились, образуя точно купол. На этой аллее сидели и гуляли больше по вечерам. Минутах в десяти ходьбы от дома был пруд, ку-

¹ В рукописи далее следует: «...мать надеялась, между прочим, предохранить Владимира Ильича от нового ареста. Из университета его исключили, на него и на всю нашу семью после казни старшего брата полиция смотрела косо, и мать боялась, что, живя в Казани, он опять попадет в какую-нибудь «историю», и действительно, он, по всей вероятности, влетел бы летом 1889 года, как говорил и сам, — при аресте в Казани кружка т. Н. Е. Федосеева». Надеялась мать немного и на то, что Владимир Ильич заинтересуется сельским хозяйством». — *Ред.*

да мы ходили купаться. А кругом раздолье: доли, холмы, леса! Невдалеке был так называемый Муравельный лес, в котором было много лесной малины, и мы нередко отправлялись за ней. Ходил туда с нами и Владимир Ильич. Природу он очень любил, и всегда самым лучшим удовольствием и отдыхом для него являлось хождение по глухим, нелюдимым местам «с настоящей природой»¹, как он выражался, описывая свои прогулки за границей.

Террасы в доме не было, ее заменяло крылечко с крышей, достаточно, впрочем, большое для того, чтобы наша семья могла разместиться на нем за самоваром. По вечерам на этом крылечке, чтобы в комнаты не налетали комары, зажигалась лампа, и вся молодежь усаживалась за стол с книгами.

Старшая сестра, Анна Ильинична, так описывает это в одном своем стихотворном опыте:

Ночь давно уж, все-то дремлет,
Все кругом молчит.
Мрак ночной поля объемлет,
И деревня спит.
Под покровом темной тучки
Спряталась луна.
Нет и звездочек, порой лишь
Чуть блеснет одна.
В хуторке лишь, на крылечке,
Светит огонек,
И за чтением серьезный
Собрался кружок.
Все сидят, уткнувшись в книги.
Строго все молчат,
Хоть Манюшины глазенки
Больно спать хотят.
Хоть кружится, развлекаая,
Неустанный рой —
Бабочек, букашек стая,
Что из тьмы ночной
Жадно так стремятся к свету,
Пляшут вокруг него.
Теплотой его согреты
Мнят, что вновь вернулось лето,
Что идет тепло.

На этом же крылечке мы ужинали по вечерам молоком, балакирь (горшок) которого приносился, нам из погреба, и серым пшеничным хлебом.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 223. — *Ред.*

Направо от маленькой прихожей, к которой примыкало крылечко, была комнатка Владимира Ильича. В этой комнате, впрочем, он проводил только ночь. Утром, напившись чаю, он забирал книги, тетради и словари и отправлялся заниматься в сад. А в комнате на это время все окна завешивались темными синими занавесками или одеялами «от мух», с которыми Владимир Ильич постоянно воевал.

В саду у Владимира Ильича был свой уголок. Там он устроил себе в тени лип деревянный стол, скамейку и в некотором отдалении трапецию. В этом уголке Владимир Ильич проводил все время до обеда за серьезной работой. Работать Владимир Ильич умел, работать систематически и усидчиво. Книги он не только читал, он изучал, прорабатывал их. Читал по определенному плану. Помню, уже в более поздние годы он говорил, что просто читать разные книги — мало толку. В одном из своих писем из Сибири, спрашивая, работает ли брат Дмитрий, который сидел в то время в тюрьме, Владимир Ильич писал: «Ему бы заняться чем-нибудь регулярным, а то ведь так «читать» вообще — мало проку»¹.

Владимир Ильич считал, что надо выбрать какой-нибудь один вопрос и работать по нему систематически. Такой систематической его работа была всегда. С утра, на свежую голову, он штудировал более серьезные вещи. Не только читал, но и конспектировал прочитанное, делал заметки и выписки. Иногда он оставлял книги и прохаживался взад и вперед по аллейке около стола, видимо обдумывал прочитанное. Потом садился и опять углублялся в чтение.

В этот уголок сада я прибегала к Владимиру Ильичу по утрам заниматься языками. Я читала и переводила ему французскую или немецкую книгу, причем Ильич всегда настаивал, чтобы я работала возможно более самостоятельно, сама додумывалась до смысла, прибегая к его помощи лишь в особо трудных местах. Слов незнакомых я не выписывала в особую тетрадь, как это обычно делается, но значение их брат спрашивал меня на другой день, обращая на них

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 92. — *Ред.*

мое внимание и при дальнейшем чтении, когда они попадались в тексте.

После обеда Владимир Ильич иногда тоже сидел в своем любимом уголке, но читал уже более легкие книги. Иногда к нему присоединялась сестра Ольга¹, и они читали вместе (из книг, которые они читали вместе, мне запомнился Глеб Успенский). По возрасту Ольга более всего подходила к Владимиру Ильичу, и они жили в то время общими интересами.

По вечерам в алакаевском домике раздавалось иногда пение, это Владимир Ильич пел под аккомпанемент Ольги Ильиничны. Он очень любил музыку и пение, охотно пел сам и слушал пение других: М. Т. Елизарова или хоровое пение. Помню обычный финал его пения, когда он принимался за романс: «У тебя есть прелестные глазки». На высоких нотах — «от них я совсем погибаю» — он смеялся, махал рукой и говорил: «Погиб, погиб».

Прося выслать ноты для пения Г. М. Кржижановскому, Владимир Ильич писал из Сибири: «На вопросы Маняши: какой у Глеба голос?.. Гм, гм! Должно быть, баритон — что ли. Да он те же вещи поет, что и мы, бывало, с Марком «кричали» (как няня² выражалась)»³.

¹ Далее в рукописи следует: «...которая жила вместе с нами до осени 1890 года, когда она поступила на Высшие Бестужевские курсы в Петербурге». — *Ред.*

² В. Г. Сарбатова. — *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 73.

Далее в рукописи: «Настоящего голоса у нас в семье ни у кого не было, но музыку мы все любили и немного ей учились. В детские годы учился играть на рояле и Владимир Ильич, но рано бросил это занятие и потом жалел об этом.

По возрасту Ольга Ильинична больше всего подходила к Владимиру Ильичу, и жили они в то время общими интересами. Иногда они читали вместе. Помню это потому, что у нас с Олей была установлена очередь мыть посуду после обеденного чая: один день мыла я, другой — она. Случалось, что она просила меня заменить ее в этой не очень-то приятной для нас обязанности, чтобы идти читать вместе с Володей. Чаще, впрочем, он читал один.

По вечерам обыкновенно Владимир Ильич отправлялся гулять. Иногда к нему присоединялся кто-нибудь из нас. На этих прогулках, бывало, строились планы будущего, говорилось о прочитанном, иногда Владимир Ильич шел молча, точно обдумывал что-то. Он любил гулять и предпочитал ветреную погоду». — *Ред.*

Ольга Ильинична только два лета жила с нами в Алакаевке. Это была девушка с незаурядными способностями и огромной трудоспособностью. Кончив гимназию с золотой медалью, она много и усидчиво работала над своим самообразованием: изучала английский язык, серьезно занималась музыкой, много читала¹. Стремясь изучать медицину, она решила ехать в Гельсингфорс, так как Женский медицинский институт в Петербурге был в то время закрыт, и принялась за изучение шведского языка. Усвоила она его основательно, делала и переводы со шведского, но в Гельсингфорсский университет все же не попала, так как выяснилось, что кроме шведского языка нужен был еще и финский. Чтобы не терять времени на его изучение, она поступила на физико-математическое отделение Высших (Бестужевских) курсов в Петербурге². В напряженной работе прошла для нее там зима 1890/91 года, а весной Ольга Ильинична заболела брюшным тифом³, осложнившимся к тому же рожей, и 8 мая ее не стало⁴.

Как все в нашей семье, Владимир Ильич был засенчив, и когда—что случилось крайне редко—к нам

¹ В рукописи: «По некоторым сохранившимся ее запискам видно, как много и систематически она работала. В одной тетрадке, например, она каждый день записывала все, что сделала за этот день, отмечая, сколько страниц прочла она в той или другой книге. Насколько двинула вперед занятия языками и пр.» — *Ред.*

² В рукописи далее следует: «Много работала она и там, и З. П. Кржижановская, и А. А. Якубова, учившиеся вместе с ней, отзывались о ней как об очень выдающейся девушке». — *Ред.*

³ В рукописи далее: «В моей памяти до сих пор сохранился текст телеграммы, которую Владимир Ильич, сдававший тогда экстерном государственные экзамены в Петербурге, прислал нам: «Олей брюшной тиф, лежит в больнице, уход хорош, доктор надеется на благополучный исход».

Помню беспокойство матери, ее колебания, ехать ли тотчас же или подождать следующих сообщений. Но скоро пришла другая телеграмма от Владимира Ильича: «Оле хуже. Не лучше ли маме ехать завтра».

Мать тотчас же собралась и уехала. Но ей не удалось выходить сестру: тиф у нее оказался тяжелый...» — *Ред.*

⁴ В рукописи далее сказано: «Из моей совместной жизни с Ольгой Ильиничной у меня больше всего остались в памяти ее рассказы. Она часто рассказывала мне прочитанные ею рассказы и повести, и это было одним из любимых моих времяпрепровождений. Рассказывала она очень хорошо, и я с нетерпением ожидала очередного продолжения». — *Ред.*

приезжал кто-нибудь из малознакомых, он или оставался в своей комнате, или через окно удирал в сад. Так поступал он и при посещении малоинтересных для него людей. В Алакаевке мы жили уединенно. Знакомых было мало. Но кое с кем из местных жителей Владимир Ильич поддерживал знакомство.

В трех верстах от Алакаевки была, как я уже указывала, колония «кавказцев», как звали их крестьяне. Несколько народников село на землю, купив ее на льготных условиях у Сибирякова, с целью создать образцовую земледельческую коммуну. Дело, впрочем, не шло у них на лад, и скоро, за исключением А. А. Преображенского, все разбежались. С Преображенским же Владимир Ильич видался и много спорил, прогуливаясь иногда до поздней ночи по дороге от нашего хутора до хутора Шарнеля.

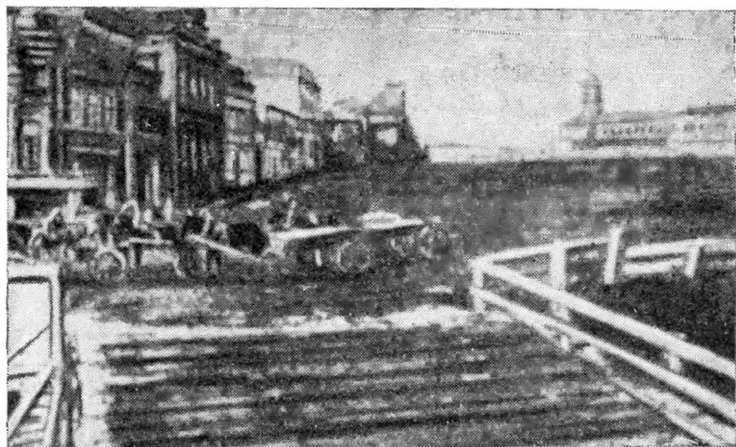
Преображенский же познакомил Владимира Ильича с некоторыми интересными крестьянами-самородками.

Видался Владимир Ильич и с Д. А. Гончаровым, студентом-медиком, исключенным в 1887 г. из Казанского университета за участие в демонстрации. Он служил фельдшером в Тростянке в 8—10 верстах от Алакаевки¹. Гончаров не принадлежал в то время ни к какой политической партии, но настроен был очень радикально. К Владимиру Ильичу он относился с огромным уважением².

На зиму мы переезжали в Самару, где жили вместе с замужней сестрой и ее мужем М. Т. Елизаровым. Я училась тогда в гимназии, и Владимир Ильич часто помогал мне в уроках. Если ему нужно было уходить куда-нибудь вечером, он обыкновенно предупреждал меня об этом и предлагал прийти раньше, пока он дома. От этих занятий у меня осталась в памяти его необыкновенная добросовестность ко всякому делу, за которое он брался, к чему он старался приучить и меня. Помню, как мне задали на дом по географии начертить карту Европы. Повозившись с этим, я

¹ В рукописи далее следует: «...и лишь позднее, в 1892 году, сдал государственные экзамены на звание врача при Киевском университете». — *Ред.*

² В рукописи далее: «Гончаров умер от сыпного тифа в Самарской губернии в 1918 году, а Преображенский под влиянием Владимира Ильича стал позднее марксистом». — *Ред.*



Самара. Полицейская площадь.

принесла показать свой чертеж Владимиру Ильичу, но он забраковал мою работу и предложил мне переделать ее. При этом он подробно рассказал, как надо взять циркуль и наметить им на бумаге все расстояния, а не рисовать «на глаз», как было сделано в моей первой работе. С жаром принялась я за дело и была удовлетворена одобрением Владимира Ильича. Но гораздо важнее уменья рисовать карты был полученный мной от этой совместной работы пример того, каков должен быть вообще подход ко всякому делу, за которое берешься. Не кое-как, лишь бы скорее с плеч долой, а по обдуманному, взвешенному плану, аккуратно и настойчиво, пока не выйдет действительно хорошо, пока сделанная работа не даст удовлетворения.

Пунктуальность и аккуратность Владимира Ильича проявлялись иногда даже в мелочах. Делая себе как-то тетрадку для занятий, я схватила первую попавшуюся мне катушку с нитками и стала сшивать свою тетрадку черной ниткой. Ильич, который был при этом, остановил меня, заметив, что это некрасиво и что надо найти белую нитку.

Из посещавших нашу квартиру в Самаре кроме А. П. Скляренко, И. Х. Лалаянца, В. В. Водозова,

который приходил больше к старшей сестре — они читали вместе по-итальянски, — М. И. Лебедевой и М. П. Голубевой помню еще В. А. Ионова и А. И. Ерамасова. Последний был знаком с М. Т. Елизаровым и Ионовым по Сызрани, и они затащили его как-то к нам. Вот как описывает А. И. Ерамасов свое первое посещение нашей семьи:

«Я испытывал какое-то особенное чувство при первом посещении ульяновской семьи, перенесшей такое тяжелое горе... Жили тогда Елизаровы в районе Почтовой и Сокольничьей улиц, т. е. недалеко от района «выселенцев», по выражению одного губернатора, кажется Брянчанинова, т. е. недалеко от района, где селилась обычно революционная интеллигенция. Помню, пришли мы вечером и попали прямо к чаю. Вся семья собралась уже в столовой. Здесь я познакомился с Марией Александровной, Анной Ильиничной, Марией Ильиничной и Владимиром Ильичем. Кроме того, за столом был племянник Марка Тимофеевича, который жил у дяди и учился в гимназии.

Разговор шел на обычные в то время темы: о родничестве, о судьбах капитализма, о В. В. и Николае — Юне¹ и пр. Владимир Ильич выделялся не только знанием литературы, но и какой-то особой способностью находить слабые места у народников, субъективистов толка Михайловского и пр. После чая мы перешли в комнату Владимира Ильича, где продолжали разговор. В этом разговоре принимал участие и мой приятель Ионов, который много работал над вопросом о развитии капитализма в России и дифференциации крестьянства, собирая материалы по этим вопросам и из статистических сборников и из личного изучения положения крестьянства. Марк Тимофеевич делился своими постоянными наблюдениями из жизни крестьян в Самарской губернии, где тогда уже резко проявлялась дифференциация крестьянства. В разговоре, помню, принимала участие и Анна Ильинична.

Из всей обстановки комнаты мне до сих пор помнятся комплекты «Русских ведомостей», которые висели на стене перед столиком. Владимир Ильич

¹ Имеются в виду В. П. Воронцов и Н. Ф. Даниельсон — идеологи либерального народничества 80—90-х годов XIX века. — *Ред.*

хранил все прочитанные газеты и отмечал номера, чем-либо заинтересовавшие его».

После этого первого посещения А. И. Ерамасов заглядывал к нам и в другие свои приезды в Самару¹.

В своих воспоминаниях об этом периоде самарской жизни А. И. Ерамасов сообщает о переводе «Коммунистического манифеста», сделанном Владимиром Ильичем.

«В то время Владимир Ильич сделал прекрасный перевод «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса, — пишет он. — Перевод этот в рукописи ходил по рукам, завезли мы его и в Сызрань. Здесь я отдал тетрадь знакомому учителю, который считался у начальства неблагонадежным. По какому-то делу этого учителя вызвали в Симбирск к директору народных училищ. Мать учителя испугалась, что нагрянут с обыском, и уничтожила тетрадь. Такова судьба этого перевода Ильича. Мне так совестно вспоминать об этом, так как я был отчасти виновником гибели прекрасного перевода».



А. И. Ерамасов.

Хотя А. И. Ерамасов был довольно редким нашим посетителем в Самаре — жил он постоянно в Сызрани, — но связь с ним установилась крепко, на всю жизнь. Не принимая сам непосредственного участия в революционной работе, он за все время подпольной борьбы снабжал партию средствами — он был тогда довольно богатым человеком, — и в трудные времена мы всегда обращались за помощью к «монаху», как прозвал его Ильич.

¹ Затем в рукописи М. И. Ульяновой приводится выдержка из воспоминаний А. И. Ерамасова: «При дальнейших посещениях Самары я познакомился там с революционной интеллигенцией, особенно помнится мне А. П. Скляренко, который все время оставался другом Ильича и всей семьи Ульяновых-Елизаровых». — *Ред.*

После революции А. И. Ерамасов был некоторое время в партии, но вышел из нее по болезни (туберкулез легких и почек), короткое время работал в Музее народного образования, но вынужден был оставить работу по той же причине. Не имея заработка, он находился в стесненных материальных условиях, но сам ни разу не написал об этом ни Владимиру Ильичу, ни кому-либо другому из членов нашей семьи — так велика была его скромность,—пока мы сами не разыскали его и не выхлопотали ему пенсию. После этого А. И. Ерамасов прожил недолго и весной 1927 года умер в Сызрани.

В Самаре Владимир Ильич много работал над подготовкой к экзаменам, которые он сдал экстерном в Петербурге в 1891 году. По окончании их он возвратился в Самару и занимался немного юридической практикой (по назначению) в качестве помощника присяжного поверенного, работая у А. Н. Хардина¹.

В самарский период у нас в доме процветала игра в шахматы. Хорошо играл и Владимир Ильич, и младший брат Дмитрий Ильич, и Марк Тимофеевич. Сильного партнера нашли они в лице А. Н. Хардина, который был первоклассным шахматистом. У нас на квартире нередко устраивались шахматные вечера. Позднее Владимир Ильич играл в шахматы очень редко, а потом совсем бросил.

Осенью 1893 года Владимир Ильич переехал в Петербург, остальные же члены нашей семьи — в Москву, где брат Дмитрий поступил в университет. Пришлось продать и Алакаевку, которая не могла уже служить нам дачей. Купил ее местный купец Данилин, которого интересовала только земля и мельница;

¹ Хардин Андрей Николаевич (1842—1910). Окончил университет со званием кандидата прав. Был председателем Самарской губернской земской управы. Уволен с этой должности «по высшему повелению» 27 марта 1873 года за оказание губернатору «явного неуважения». Заведовал Самарской земской фельдшерской школой, «привлекал к преподаванию лиц политически неблагонадежных». С конца 1870-х годов — присяжный поверенный в Самаре. Был арестован в конце апреля 1879 года в связи с делом о пребывании в Самарской губернии А. К. Соловьева, казненного 28 мая 1879 года за покушение на Александра II. — *Ред.*

от дома и сада осталось скоро одно воспоминание: дом был перенесен Данилиным в Неяловку, а сад вырублен. В 1905 или 1906 году Данилин был убит крестьянами.

* * *

Мне пришлось побывать в Алакаевке в 1927 году, и я нашла там у местных крестьян самый сердечный прием. Наперебой расспрашивали они меня о Владимире Ильиче, повторяя: «Жаль, мы тогда не знали, кто с нами живет». Расспрашивали они и про Анну Ильиничну, которая в 1892 году, когда в Самарской губернии свирепствовала холера, положила немало трудов на помощь больным лекарствами и указаниями.

При деревне Алакаевке организован теперь колхоз «Уголок Ленина»¹, и в память Ильича надо принять все меры, чтобы превратить его в показательный. Во главе этого колхоза, председателем его состоит «дядя Костя» — Константин Димитриевич Филиппов, присутствовавший на первом съезде колхозников-ударников в Москве в 1933 году. «Дядя Костя» уже не молод, но работает он подлинно по-ударному, и в значительной степени его усилиям обязан колхоз своими достижениями. По инициативе колхозников колхоза «Уголок Ленина» на месте деревянного домика, где Владимир Ильич жил по летам, подготавливаясь к революционной работе, построена теперь школа его имени².

Впервые напечатано в кн.: Ульяновы Д. И. и М. И. О Ленине: Отрывки из воспоминаний. — М.: Партиздат, 1934, с. 13—28.

Печатается по кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти томах. — 2-е изд. Т. 1. Воспоминания родных. — М.: Политиздат, 1979, с. 142—151.

¹ В настоящее время Алакаевка является центром плодосовхоза «Ленинский». — *Ред.*

² В 1934 году дом Ульяновых возвращен в Алакаевку и восстановлен на прежнем месте. В нем открыт Дом-музей В. И. Ленина. — *Ред.*

В АПАКАЕВКЕ

В начале лета 1889 года наша семья и Владимир Ильич переехали из Казани в Самару и поселились на хуторе близ деревни Алакаевки, где мать купила небольшой участок земли. Мы жили в небольшом деревянном доме, к которому примыкал густой, запущенный сад, отдаленный от поля рвом. В северо-западном углу сада был «Володин уголок» — деревянный столик и скамья, укрепленные в земле; этот уголок был весь в зелени, и солнце почти не заглядывало туда. Около столика Володя очень скоро протоптал дорожку в 10—15 шагов, по которой часто ходил, обдумывая прочитанное. Обычно около девяти часов утра он приходил сюда с книгами и тетрадами и работал до двух часов без перерыва. В течение пяти лет, с 1889 по 1893 год, это был настоящий рабочий кабинет Ильича. Занятия были настолько систематичны, что я с трудом могу вспомнить то утро, когда он не работал там. Шагах в пятнадцати от столика он устроил себе гимнастику, как он называл, — рэк¹. Это нечто вроде трапеции, только без веревок, круглая, неподвижно укрепленная на двух столбах палка. Владимир Ильич любил в те годы упражняться на рэке; он его устраивал из кленовой, хорошо обструганной палки и укреплял на высоте около сажени, так, чтобы, поднявшись на носки, едва касаться палки концами пальцев. Небольшой прыжок... Хватает палку

¹ Реск (нем.) — перекладина, турник. — Ред.



Д. И. Ульянов.

руками, подтягивается на мускулах, забрасывает ноги вперед и ложится на палку животом. Затем усаживается и приступает к различным упражнениям. Один номер — влезать на рэк не животом, а спиной — долго ему не давался. Нужно было видеть, с какой настойчивостью он много раз, но безуспешно пытался преодолеть его! Наконец однажды с торжеством и лукавой улыбкой он говорит мне: «Пойдем на рэк, вчера вечером и сегодня утром я, наконец, сбалансиро-

вал. Гляди!» И трудный номер удаётся вполне: Владимир Ильич, тяжело дыша, с довольным лицом сидит на рэке. Номер состоял в том, чтобы, подтянувшись и повиснув на коленках, продвигаться вперед сначала бедрами, а потом спиной, не теряя равновесия, и затем сесть. Мне эта штука так и не далась, хотя, впрочем, я и редко упражнялся на его рэке.

Алакаевка расположена верстах в пятидесяти на восток от Самары. Общий характер местности — степной, но под самой Алакаевкой тогда были леса: крестьянский — под названием «Муравельный» и бывший Удельного ведомства — «Гремячий». Из города в деревню мы часть пути ехали по железной дороге до станции Смышляевка Самаро-Златоустовской железной дороги, другую часть, верст тридцать, на лошади, на своей Буланке. Довольно часто выезжал на станцию я. Когда приходилось возить Володю, надо было держать ухо востро: он отмечал время по часам и в сухую погоду требовал ехать быстро. Для этого надо было настраивать ленивую Буланку при помощи кнута и все время следить за ней. Править лошадьё сам Володя не любил, и вообще у него никогда не замечалось особого пристрастия к лошадям. Вся дорога шла степью и полями, и только под Алакаевкой начинался лес. И какой же чудный воздух был там, особенно после пыльной Самары!

Реки близко от Алакаевки не было, но вблизи дома находился большой пруд, сильно заросший, особенно по берегам, водяными растениями. Сюда мы ходили раза по два в день купаться, для чего у нас была приспособлена на чистом месте дощатая разделка. Володя хорошо умел плавать и артистически лежать неподвижно на воде, подложив руки под голову. Я ходил на пруд ловить карасей и стрелять уток. Ильич не любил рыбной ловли, а охоту признавал только тогда, когда она соединялась с хорошей прогулкой. Поэтому на охоту в алакаевский период мы ходили с ним в соседние леса, главным образом за тетеревами.

Однако Володя чаще предпринимал прогулки без ружья, ходил один, или с кем-нибудь из нас, или компанией с сестрами, с матерью, с Марком Елизаровым, когда последний живал в Алакаевке.

По вечерам обычно Владимир Ильич и все мы устраивались на терраске вокруг большой лампы, около которой в изобилии кружились ночные бабочки и жуки. Кто читал, кто играл в шахматы. Здесь я видел у Володи Рикардо на английском языке, которого он читал при помощи словаря. Затем Гизо в русском переводе — «История цивилизации во Франции», многотомный труд, который он брал, кажется, в Самарской городской библиотеке.

В Самаре в эти годы жил В. В. Водовозов, — сын известной писательницы Е. Н. Водовозовой, автора книги «Жизнь европейских народов». Перед Самарой Водовозов был в административной ссылке в Шенкурске, Архангельской губернии. В первое время нашей жизни в Самаре он частенько заходил к нам, но потом почти перестал бывать. Владимир Ильич недолго любил его. У этого Водовозова была большая библиотека, так что вся его комната до отказа была заставлена книжными шкафами, все книги были чистенькие, в новых переплетах. Он очень дорожил своей библиотекой, и казалось, что книги любил больше, чем живых людей. По своей начитанности он, вероятно, был первым в городе, но эта начитанность, очевидно, так давила на его мозг, что сам он не представлял из себя ничего оригинального. Он не был ни марксистом, ни народником, а так, какой-то ходячей энциклопедией. К нему

приходилось заходить не из-за него самого, а из-за его книг. Мне передавали, что, когда старший брат, Александр Ильич, был арестован по обвинению в покушении на жизнь царя, первыми словами Водовозова были: «Ах, как жаль, он взял у меня такую-то ценную книгу, она, пожалуй, теперь пропадет...»

Как-то в начале 90-х годов был уволен со службы некий губернатор Косич (кажется, саратовский); про него говорили, что он был большой либерал и благоволил к политическим ссыльным. Об этом, в частности, рассказывал Водовозов, и от него и его группы исходило предложение поднести адрес названному Косичу от политических и вообще левых элементов. Это предложение вызвало споры в Самаре. Когда же Ильич узнал о нем, он категорически и очень резко высказался против. Так, кажется, и не был поднесен адрес.

Из товарищей брата по самарскому периоду хорошо помню Скляренко Алексея Павловича, Лалаянца Исаака Христофоровича, которого Марк Тимофеевич Елизаров прозвал Колумбом — он так и остался под этой кличкой в последующие годы революционной работы, — Ионова Вадима Андреевича, рано умершего. Помню также Марию Петровну Голубеву, часто бывавшую у нас и принимавшую живое участие в спорах на политические темы.

У Скляренко гимназисты и семинаристы старших классов получали полулегальную литературу: Писарева, Чернышевского и т. п. Он для нас, юнцов, был окружен какой-то особой таинственностью. Внешностью он также импонировал нам: высокий, сильный, неразлучная суковатая палка и темное пенсне.

Владимир Ильич в эти годы много работал по статистике крестьянского хозяйства. Статистические данные (распределение крестьянского хозяйства на группы по количеству рабочего скота, размеру посева, аренды земли и пр.) говорили о росте экономического неравенства в крестьянской среде, о расслоении крестьянства на состоятельную, экономически крепкую группу и бедноту, на сельскую буржуазию и пролетарскую или полупролетарскую массу крестьян. Эти выводы разбивали народническую утопию об однородности крестьянства, они доказывали с очевид-

ностью факт развития капитализма в России. Эти выводы подтверждали правильность марксистской линии в политике русских революционеров.

Товарищи Ильича — Спяренко, Лалаянц и Ионов — также занимались тогда разработкой статистических материалов по тем же вопросам, что и Владимир Ильич. У меня сохранилась списанная мною в 1893 году небольшая рукопись Спяренко, являющаяся интересным образцом работы группы Владимира Ильича.

Помнится, в том же 1893 году я познакомился со статьей Федосеева «Причины падения крепостного права в России», которая в рукописном виде ходила по рукам самарских марксистов. Кто именно дал мне ее, не помню, но переписать ее я, к сожалению, не мог, так как она была довольно объемиста и дали мне ее на очень короткий срок. В этой очень интересной статье Федосеев доказывал, что реформа 1861 года вызвана, конечно, менее всего либеральным настроением верхов и не столько политическими соображениями, что, мол, лучше «освободить» крестьян сверху, чем ждать, когда начнется освобождение снизу, а причинами чисто экономическими. За «освобождение» стояли помещики наиболее крупных и культурных хозяйств, которым выгоднее был переход на вольнонаемные отношения. Крепостнические отношения стали стеснять дальнейшее развитие более интенсивного, рационального сельского хозяйства. В то время, сорок лет тому назад, когда еще крепко держались, особенно в либеральном обществе и частью в народе, нелепые предрассудки о свободолюбии царя и его ближайших помощников, для молодого марксиста, каким был Федосеев, очень важно было опровергнуть эти вредные для трудящихся масс предрассудки, эту неправду об «освобождении» крестьян и доказать, что реформа была проведена в интересах господствующего класса, и если не всего в целом, то, во всяком случае, наиболее богатой, экономически сильной его части. Пользуясь многотомным трудом Скребицкого «Крестьянское дело в царствование Александра II», Федосеев доказывал, что наиболее крупные помещики, в частности прибалтийские, с хозяйством более высокого типа (по интенсификации и рационализации), сплошь были за

«освобождение», т. е. за новую, более выгодную для них капиталистическую форму порабощения. Помещики отсталых, мелких задолжавших хозяйств были против реформы.

В настоящее время это ясно каждому грамотному марксисту, тогда, сорок лет назад, это требовалось доказывать. Недаром Владимир Ильич так ценил работы Федосеева и, как известно, искал знакомства с ним¹.

Впервые напечатано в кн.:
В. И. Ленин в Самаре.
1889—1893: Сборник воспоминаний. — М.: Партиздат, 1933,
с. 83—87.

Печатается по кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти томах. — 2-е изд. Т. 1. Воспоминания родных. — М.: Политиздат, 1979,
с. 94—97.

ШАХМАТЫ²

Играть в шахматы Владимир Ильич начал лет восьми-деяти. Играл с отцом, который был первым его учителем, со старшим братом Александром Ильичем, затем впоследствии с нами, меньшими, — сестрой Олей и со мной. Для меня он был учителем, и очень строгим, поэтому я больше любил играть с отцом, который снисходительно разрешал мне брать ходы обратно.

У Владимира Ильича было прекрасное правило, которого он сам всегда придерживался и строго требовал от своего партнера: обратно ходов ни в коем случае не брать, взялся за фигуру — ею и ходи. У любителей это правило очень часто нарушается, ходы берутся назад, положения переигрываются. Этот скверный обычай страшно портит и игру, и игрока. Вмес-

¹ Для встречи с Н. Е. Федосеевым В. И. Ленин 24 августа (5 сентября) 1893 года заезжал во Владимир, но встреча не состоялась, так как Федосеев в это время находился в тюрьме. — *Ред*

² Печатается с сокращениями. — *Ред.*

то того чтобы, не касаясь фигур, продумывать тщательно различные комбинации, что и дает интерес игре, приучает точно рассчитывать за несколько ходов вперед, люди тыкают фигуры не подумавши, топропятся, придают игре нервность, азарт.

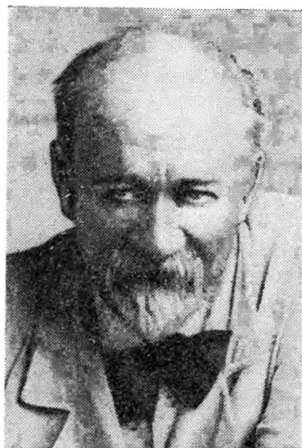
Помню как анекдот следующий случай на шахматном вечере в Самаре. Играли на нескольких досках, некоторые наблюдали за игрой. За одной из досок сидело двое толстяков, брали ходы назад, спорили, горячились, шумели. Один нечаянно подставил под бой свою королеву, другой в мгновение ока схватил ее и сжал в кулаке. Поднялся невообразимый шум и крик, оба вскочили из-за стола, и потерпевший старался отнять свою фигуру. При общем хохоте Владимир Ильич крикнул: «Спрячьте ее в карман!».

Он обыкновенно играл серьезно и не любил так называемых легких партий. Играя со слабейшими игроками, чтобы уравновесить силы, давал вперед ту или другую фигуру. Когда же партнер из самолюбия отказывался, Владимир Ильич обычно заявлял: «Какой же интерес для меня играть на равных силах, когда нет надобности думать, бороться, выкручиваться». Он даже предпочитал быть несколько слабее того, кому давал вперед. Когда без туры я стал выигрывать у него чаще и просил перейти на коня, он поставил условие: «Выиграй подряд три партии, тогда перейдем».

Обычно наблюдается обратное: больше нравится выигрывать, хотя бы и без особых усилий и труда. Владимир Ильич смотрел иначе: у него главный интерес в шахматах состоял в упорной борьбе, чтобы сделать наилучший ход, в том, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения; выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие хорошие ходы противника, а не слабые. Бывало, когда сделаешь в игре глупость и этим дашь ему легкий выигрыш, он говорил смеясь: «Ну, это не я выиграл, а ты проиграл»...

... Марк Тимофеевич Елизаров организовал партию по переписке¹ между Владимиром Ильичем и

¹ Это было зимой 1888/89 года, когда Владимир Ильич жил в Казани. — *Ред.*



А. Н. Хардин.

сильным самарским шахматистом А. Н. Хардиным. Ходы передавались по почте, обыкновенно открытками. После одного своего хода Владимир Ильич, ожидая ответного письма, несколько раз расставлял шахматы и говорил: «Интересно, что же он теперь сделает, как выпутается из этого положения, я, по крайней мере, не нахожу удовлетворительного ответа»... Пришел наконец ответ, которого долго ждали. Немедленно были расставлены шахматы. Мне, уже заинтересовавшемуся их игрой, ход Хардина казался нелепым.

Владимир Ильич вначале тоже недоумевал, но потом очень скоро продумал положение и сказал: «Н-да, это игрок — чертовская сила!» Нужно сказать, что Хардин был действительно очень крупной шахматной величиной. В 80-х годах он побил лучших московских игроков, а затем с большим успехом состязался с Чигориным. Хотя Хардин и не выступал на больших турнирах, Чигорин считал его одним из лучших шахматистов в России (см., например, перевод Дюффрена, примечание Чигорина). Владимир Ильич партию по переписке проиграл, затем, после переезда из Казани в Самару (весной 1889 года), лично познакомился с Хардиным, и тот давал ему первое время коня вперед. Через год-два Владимир Ильич стал побеждать, и они перешли на пешку и ход, но при таком соотношении Владимир Ильич чаще проигрывал.

Андрей Николаевич Хардин был присяжным поверенным и страстно любил шахматы. Он выписывал массу иностранной шахматной литературы и мог часами просиживать один за доской. По его словам, он выучился хорошо играть благодаря тому, что, попав куда-то в глушь и имея много досуга, целыми днями просиживал за шахматной литературой и теорией этой игры. В течение приблизительно года или немно-

го больше он ни с кем не играл, а после этого сидения, встретившись с Чигориным, показал себя первоклассным игроком.

Зиму 1889/90 года мы жили всей семьей в Самаре на Заводской улице в доме Каткова, у самой Волги; в это время Владимир Ильич, больше чем когда-нибудь, увлекался шахматами. Он играл главным образом с Хардиным, но также и с другими самарскими шахматистами. Был организован турнир с участием восьми — десяти человек. Играли, давая фигуры вперед, так как участники были разной силы. В первой категории (разряде) был один Хардин, во второй — Владимир Ильич и еще один игрок, остальные — в третьем и четвертом разрядах. Победителем турнира вышел Владимир Ильич. Первый приз был что-то около 15 рублей. Никакой вещи они не купили, и один из участников принес призеру эти деньги, Владимир Ильич категорически отказался их взять, и по его предложению они были пожертвованы на что-то.

Владимир Ильич любил бывать у Хардина — первое время больше из-за шахмат, а потом, когда он сдавал экзамены по юридическому факультету и записался у Хардина помощником присяжного поверенного, их связывали также общие дела судебного характера.

Лучшего партнера в шахматы, чем Хардин, нечего было и желать, и Владимир Ильич, конечно, мог бы скоро сравняться с ним и пойти дальше, если бы он серьезно взялся за шахматную литературу, если бы, например, летние месяцы, которые он в эти годы проводил в деревне Алакаевке, он посвятил шахматам и теории этой игры. При своей систематичности, настойчивости и по своим умственным силам он бы в несколько лет сделался крупнейшей шахматной величиной, это несомненно. Но Владимир Ильич всегда относился к шахматам только как к развлечению, к игре.

...Шахматам посвящались послеобеденные и отчасти вечерние часы. Так и впоследствии, когда Владимир Ильич жил в Алакаевке, утро было занято более серьезной работой. В старом, запущенном саду среди густой листвы у него были стол и скамейка, там раскладывались с раннего утра книги, рядом была утоптанная дорожка шагов в десять-пятнадцать, по которой он

шагал, обдумывая прочитанное. Ни о каких шахматах, ни о каком развлечении здесь не могло быть речи. Здесь нужно было работать, учиться, готовить себя не для шахмат, а для другой, более серьезной борьбы. За все пять лет, которые мы провели в Алакаевке, я с трудом могу вспомнить три-четыре дня, когда Владимир Ильич нарушил свой порядок и изменил своему столику в саду с книгами и утоптанной дорожке.

Начиная с 1893 года Владимир Ильич все реже и реже играет в шахматы. Про его игру в сибирской ссылке с Кржижановским, Старковым, Лепешинским можно прочесть в статье П. Н. Лепешинского¹.

Последний раз я играл с Владимиром Ильичем в 1903 году в Женеве. Дома у него не оказалось даже шахмат, мы нашли какую-то кофейню, где и уселись за игру. Владимир Ильич спросил меня, что я буду пить; я высказался за мюнхенское пиво. Он подозвал кельнершу и заказал кружку пива и стакан черного кофе. «Пива что-то не хочется», — сказал он с хитрым огоньком в глазах... Играли четыре с лишним часа одну партию, так сосредоточенно, что окружающие начали под конец посмеиваться над нами.

После революции Владимир Ильич почти совершенно не играл в шахматы, говоря, что это слишком утомительно; он предпочитал в свободное время городки, прогулки, охоту.

Впервые напечатано в журн.:
Прожектор, 1926, № 3 (73),
с. 19—21.

Печатается по кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти томах.—2-е изд. Т. 1. Воспоминания родных.— М.: Политиздат, 1979, с. 98—103.

СЛУЧАЙ С КУПЦОМ АРЕФЬЕВЫМ

Более тридцати лет тому назад с Владимиром Ильичем произошел следующий случай, о котором я хочу вам рассказать.

¹ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти томах — 2-е изд. Т. 2. — М.: Политиздат, 1979, с. 69—70. — *Ред.*

Этот случай показывает, что не только в больших, великих делах, но и в мелочах, подобно описанной, Владимир Ильич проявлял силу воли и настойчивость, что, раз взявшись за какое-нибудь дело, он доводил его до конца, какие бы препятствия ни стояли ему на дороге.

В начале 90-х годов мы жили всей семьей в Самаре вместе с матерью. Владимир Ильич был помощником присяжного поверенного. Мы с Марией Ильиничной учились в гимназии. С нами жили также Анна Ильинична и ее муж, Марк Тимофеевич Елизаров, занимавший какое-то, небольшое место, помнится, в казенной палате.

Летом 1892 года Владимир Ильич вместе с Елизаровым был в Сызрани. Оттуда они собрались проехать на несколько дней в деревню Бестужевку, где брат Марка Елизарова крестьянствовал¹. Для этого надо было проехать на левый берег Волги.

В то время в Сызрани переправу через Волгу монополюно арендовал богатый купец Арефьев. У него был небольшой пароходик с баржей, на которых перевозились и люди, и лошади, и повозки. Купец запрещал лодочникам заниматься переправой, ревниво оберегая свои монополюные права. Поэтому каждый раз, когда лодочник набирал пассажиров, его лодку по распоряжению Арефьева нагонял пароходик и отвозил всех обратно.

Владимиру Ильичу не хотелось ждать перевоза, и он уговорил Марка Елизарова ехать на лодке. Лодочники не соглашались везти, боясь купца и заявляя, что все равно он воротит их обратно. Однако Владимиру Ильичу удалось-таки уговорить одного из них



М. Т. Елизаров.

¹ Имеется в виду П. Т. Елизаров. — *Ред.*

поехать, причем он энергично доказывал, что если Арефьев вернет лодку, то будет предан суду за самоуправство.

Сели в лодку и двинулись на перевал. Арефьев, увидев с пристани, где он сидел за самоваром на балконе, крикнул Марку, с которым был знаком как земляк:

— Бросьте, Марк Тимофеевич, эту затею. Ведь вы знаете, что я за переправу аренду плачу и не позволяю лодочникам перевозить на ту сторону. Идите лучше со мной чай пить и знакомого вашего ведите. Все равно поедете на пароходе, велю вас воротить.

Владимир Ильич стал настаивать, теперь еще более решительно, продолжать путь и не слушать самодура. Лодочник уныло говорил:

— Все равно воротит, зря едем, сейчас пароход нагонит, баграми нас к борту, и вас ссадят на пароход.

— Да поймите вы, — сказал Владимир Ильич, — что он не имеет права этого делать. Если он лодку задержит и силой заставит нас вернуться, будет сидеть в тюрьме за самоуправство.

— Сколько раз он так проделывал, и никогда суда не бывало. Да и кто станет с ним судиться: очень большую силу забрал в Сызрани, и судьи-то у него, должно быть, все свои. Он, слышь, откупил Волгу у города, аренду платит, а нам вот что хочешь, то и делай.

Лодка по настоянию Владимира Ильича продолжала свой путь на левый берег, хотя было совершенно ясно, что Арефьев приведет свою угрозу в исполнение. Едва лодка достигла середины реки, послышался свисток пароходика, который, отцепив баржу, быстро погнался за лодкой.

— Ну вот вам и переехали, — произнес лодочник. — Сейчас обратно поедете. И никакой суд ничего сделать не может, он всегда правый будет.

Пароход, догнав лодку, остановил машину. Два-три матроса, привычно работая баграми, подтянули лодку к борту и предложили пассажирам перебираться на пароход.

Владимир Ильич стал разъяснять служащим, что они не имеют права задерживать их и будут преданы суду за самоуправство, за что грозит тюрьма.

— Никакого значения, — доказывал он, — не имеет то обстоятельство, что Арефьев арендовал переправу через реку, это его дело, а не наше, и это ни в каком случае не дает права ни ему, ни вам бесчинствовать на Волге и силой задерживать людей.

На это капитан возразил:

— Ничего мы не знаем: нам приказал хозяин парохода, и мы обязаны слушаться и исполнять его распоряжения. Пожалуйста, пересаживайтесь, мы не дадим вам ехать дальше.

Пришлось подчиниться. Но Владимир Ильич сейчас же записал имена и фамилии всех служащих, принимавших участие в задержке лодки, а также лодочника и других свидетелей.

На сызранском берегу пришлось ждать некоторое время перевоза, и опять слышно было, как Арефьев в победном тоне продолжал свои рассуждения о том, что он платит аренду, что лодочники не имеют права перевозить на тот берег, а потому он задерживает лодки и возвращает людей обратно.

Несомненно, были люди, которые не могли не видеть, что купец действует незаконно, но не решались или не хотели тягаться с ним по судам. Одним это было невыгодно с материальной стороны, другие же, предвидя кучу хлопот, судебную волокиту и т. д., по инертности и «русской» лени отказывались от борьбы.

Нужно было Владимиру Ильичу столкнуться всего на несколько часов с этим стоячим обывательским болотом, чтобы основательно встряхнуть его, наказать главного виновника и научить лодочников, как надо бороться за свои права.

По возвращении через несколько дней в Самару Владимир Ильич подал жалобу на Арефьева, обвиняя его в самоуправстве. Суть дела была ясна до очевидности, ни один юрист не мог рассматривать его действия иначе как самоуправство, а за самоуправство по тогдашним законам полагалась тюрьма без замены штрафом.

Однако добиться этого Владимиру Ильичу стоило еще немало хлопот. Дело разбиралось у земского начальника где-то под Сызранью, верст за сто от Самары, куда должен был поехать Владимир Ильич в

качестве обвинителя. Несмотря на совершенную ясность дела, земский начальник под каким-то предлогом отложил разбор дела. Второй раз, уже холодной осенью, дело было вновь назначено к слушанию. Владимир Ильич опять поехал туда, но и на этот раз при помощи разных формальных крючкотворств земский отложил дело.

Очевидно, Арефьев, зная о безнадежности своего положения и грозившей ему каре, пустил в ход все свои связи, чтобы оттянуть по возможности дело. Ему и его защитникам казалось, что бросит же, наконец, этот беспокойный человек ездить за сотню верст без всякой для себя выгоды, без всякой пользы с их точки зрения. Не знали они, что этот человек не меряется обычной меркой, доступной их пониманию, что чем больше препятствий встречает он на своем пути, тем тверже и непреклонней становится его решение.

На третий разбор дела Владимир Ильич получил повестку уже зимой, в конце 1892 года. Он стал собираться в путь. Поезд отходил что-то очень рано утром или даже ночью; предстояли бессонная ночь, скучнейшие ожидания в камере земского начальника, на вокзалах и т. д. Хорошо помню, как мать всячески уговаривала брата не ехать.

— Брось ты этого купца, они опять отложат дело, и ты напрасно проездишь, только мучить себя будешь. Кроме того, имей в виду, они там злы на тебя.

— Нет, раз я уж начал дело, должен довести его до конца. На этот раз им не удастся еще оттягивать. И он стал успокаивать мать.

Действительно, в третий раз земскому начальнику не удалось отложить решение дела: он и защитник Арефьева встретили во Владимире Ильиче серьезного противника, хорошо подготовившегося к предстоящему бою, и земский начальник волей-неволей вынужден был согласно закону вынести приговор: месяц тюрьмы.

Года два спустя после описанной истории я, проезжая в поезде близко от Сызрани, случайно встретил в вагоне одного из сызранских знакомых Марка Елизарова. В разговоре он расспрашивал про него и его семью и чрезвычайно интересовался Владимиром Ильичем.

— А ведь Арефьев-то просидел тогда месяц в арестном доме. Как ни крутился, а не ушел. Позор для него, весь город знал, а на пристани-то сколько разговора было. До сих пор не может забыть.

Впервые напечатано в газ.:
Правда, 1924, 24 февраля,
№ 45.

Печатается по кн.: *Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 томах. — 2-е изд. Т. 1. Воспоминания родных.*— М.: Политиздат, 1979, с. 104—107.

ЛЮБОВЬ К МУЗЫКЕ¹

Мальчиком Владимир Ильич учился играть на рояле. У него, по словам матери, был великолепный слух, и музыка давалась ему легко. В возрасте восьми-девяти лет он бойко играл многие детские пьесы, а также с матерью и со старшими в четыре руки.

...В 1888—1890 годах Владимир Ильич часто пел под рояль с Ольгой Ильиничной, которая хорошо играла, имела голос и умела петь. О ней мало известно, между тем, в годы детства и юношества это был самый близкий, лучший товарищ Владимира Ильича. Она была моложе брата на полтора года, но не отставала от него по-развитию. Восемнадцати лет она владела немецким, французским, английским и шведским языками. Шведский она изучила с той целью, чтобы ехать учиться в Финляндию в высшее учебное заведение (преподавание велось на шведском языке). Она читала массу книг, серьезные — конспектировала, приступила к изучению первого тома «Капитала» Маркса, любила математику, которую знала для своего возраста прекрасно. Она отличалась редким трудолюбием и

¹ Печатается с сокращениями. — *Ред.*

отрывалась от книг только для музыки, которую очень любила, но и музыкой она занималась серьезно (в Казани училась в консерватории роялю и теории музыки). Про Ольгу Ильиничну можно сказать, что она не работала только тогда, когда спала. В мае 1891 года она умерла от брюшного тифа.

Владимир Ильич поражался ее трудолюбию и способностям.

Они пели дуэтом «Нелюдию наше море». И помню последний куплет:

Но туда выносят волны только сильного душой!..
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой!

Любил Володя «Свадьбу», кажется, Даргомыжского:

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!
Венчала нас полночь средь мрачного бора!

Затем он пел «Чудесные глазки». Слова Гейне...

У тебя есть алмазы и жемчуг,
Все, что люди привыкли искать,
И еще есть прелестные глазки,
Милый друг, чего больше желать...

Дальше:

Эти чудные глазки на сердце
Наложили мне скорби печать,
От них я совсем погибаю,
Милый друг, чего ж больше искать.

«Погибаю» — надо было брать очень высокую ноту, и Владимир Ильич говорил, вытянув ее: «Уже погиб, погиб совсем». В его репертуаре была еще песня: «Так и рвется душа из груди молодой, просит воли она, просит жизни другой». Далее в песне оказывалось, что «воля и другая жизнь» — это сидеть вместе с милым дружкой и т. д. и т. п. Владимир Ильич смеялся: «Вон, оказывается, куда душа-то рвется!» Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Пелось ведь

не для этого, не только для слов. Пелось потому, что душа его действительно рвалась к другой жизни. Пела. Но не изнывала, не грустила. У Владимира Ильича я почти не помню в пении минора. Наоборот, у него всегда звучали отвага, удаля, высокий подъем, призыв!

Он пел в это время также арию Валентина из «Фауста»¹: «Бог всемогущий, бог любви...» Пел то, что положено по нотам, произнося те слова, которые нельзя выкинуть из песни, но одно место из этой арии у него выходило лучше, красивее — конечно, не благодаря его голосу, а потому, что он невольно вкладывал в это частицу своего боевого духа:

Там, в кровавой борьбе, в час сраженья,
Клянусь, буду первым я в первых рядах...

И постоянно, когда я слушал и теперь, много лет спустя, слушаю арию Валентина в опере, на концерте и т. д., мне всякий раз вспоминается далекое время, как Владимир Ильич пел это место.

Летом 1889 или 1890 года я в первый раз услышал «Интернационал». Тот «Интернационал», который теперь знают все, который тогда в России, можно сказать, не знал никто. Было это на хуторе около деревни Алакаевки Самарской губернии. Ольга Ильинична играла на рояле и закончила свою музыку «Марсельезой». Я подбежал к роялю и просил ее повторить. Вдруг неожиданно, так как это было утром, когда Владимир Ильич не отрывался обычно от книг, он подошел к нам и сказал, что надо спеть «Интернационал». Они вместе стали подбирать на рояле новую для меня песню, а затем тихо петь по-французски: «*Debout, les damnés de la terre! Debout, les forçats de la faim...*»

На мою просьбу перевести Владимир Ильич спел: «Вставайте, каторжники мира...» — и затем:

Это будет последний
И решительный бой!
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

¹ Ария Валентина из оперы Ш. Гуно «Фауст». — О. У.

Некоторое время они путались с припевом, но потом наладились¹.

Мария Ильинична говорила мне, что в это время, в начале 90-х годов, Владимир Ильич выражал сожаление, что он не научился играть на рояле или на скрипке.

Гимназистами в старших классах в Самаре мы пели хором обычные, ходовые в то время песни, вроде «Коперника», «Быстры, как волны», «Из страны далекой» и т. д. Владимир Ильич добавил нам куплет к «Копернику»: «Монах стучится в двери рая, апостол Петр ему в ответ: «Куда ты, харя проклятая, здесь для тебя ведь места нет». Кто-то из товарищей научил нас новой песне:

Молодой кузнец гуляет
Вдоль по кузнице своей,
Себе молот выбирает
И зовет своих друзей.
Стук, стук, стук!
Стук, стук!
В десять рук, в десять рук!
Приударим, братцы, вдруг!

Владимир Ильич неожиданно захлопал из своей комнаты, где сидел за работой, и просил повторить. Мы, весьма польщенные его похвалой, повторили и спели также другой куплет из той же песни: «Богач золотом гордится и не терпит бедняка, а бедняк день-ночь трудится из-за насущного куска».

Мотив песни веселый, бравурный. После я несколько раз слышал, как Владимир Ильич насвистывал его.

Он насвистывал особенно, сквозь зубы, при едв

¹ В одном из вариантов воспоминаний Дмитрия Ильича написано: «Летом 1889 года я в первый раз услышал «Интернационал». Было это в такой обстановке... Алакаевка... Оля.: «Марсельеза»: Подходит Володя, они начинают что-то подбирать и петь по-французски: «Debout, les damnés de la terre...». Владимир Ильич поет по-русски: «Вставайте, каторжники мира...» И потом: «C'est la lutte finale...» — О. У.

В архиве Дмитрия Ильича, хранящемся у его дочери О. Д. Ульяновой, есть рукопись «Интернационала», переписанная рукой Марии Ильиничны Ульяновой в 1895 году. (См.: Кузнецкая Л. Нотная библиотека семьи Ульяновых). — М.: Советский композитор, 1978, с. 16. — *Ред.*

открытом рте. Вероятно, многие помнят это насвистывание, чрезвычайно характерное у него. Насвистывал он только тогда, когда был в веселом или хорошем настроении. При игре в шахматы, когда его дела шли хорошо или он выдумывал хорошую, красивую комбинацию, он задорно, смеющимися глазами смотрел на партнера и, улыбаясь, продолжал насвистывать...

Впервые (в отрывках) напечатано в газ.: Правда, 1941, 21 января, № 21.

Печатается по кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти томах. — 2-е изд. Т. 1. Воспоминания родных. — М.: Политиздат, 1979, с. 108—112.

ЛЕНИН
(УЛЬЯНОВ)
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Из биографического очерка¹

...С весны 1889 года Владимир Ильич переезжает с семьей на хутор Алакаевку Самарской губ., а с осени — в Самару. Этот самарский период его жизни продолжался четыре с лишним года. Он был посвящен изучению марксизма — Владимир Ильич перечитал за это время все основные сочинения Маркса и Энгельса на русском и иностранных языках и реферировал некоторые из них для кружка молодежи, организовавшегося вокруг него в Самаре. Это была все более юная, менее определенная и начитанная, чем Владимир Ильич, публика, так что Владимир Ильич считался в ее среде теоретиком и авторитетом. Вообще социал-демократизм был тогда, особенно по провинциям, только пробивающимся революционным течением и был представлен обычно одной молодежью. За описываемый период Владимир Ильич познакомился (в 1891 или 1892 г.) только с одним сформировавшимся, зрелым марксистом — с П. Н. Скворцовым, проездом через Нижний Новгород. Это знакомство очень интересовало его, и он рассказывал потом с удовольствием о беседе с этим марксистом, но тут же подчеркнул, что Скворцов стоит лишь теоретически на почве марксизма и что революционера из

¹ Печатается с сокращениями. — *Ред.*

него никогда не выработается¹.

Из революционно настроенной публики в Самаре жили в те годы поднадзорные, возвращавшиеся из Сибири,— все, конечно, народники или народовольцы. Со всеми ними наша семья была в более или менее тесных отношениях. Чаше других видался Владимир Ильич с Н. Долговым², участником еще долгушенского процесса, и с супругами Ливановыми³, представлявшими собой типичных народовольцев, очень цельных и идейных. Владимир Ильич любил беседовать с ними и, не сходясь в путях, заимствовал от них революционный опыт, изучал, так сказать, по их рассказам, историю нашего революционного движения за полным почти отсутствием нелегальной литературы в нашей провинции. А по поводу основных воззрений спорил как с ними, так и с другими представителями народни-



А. И. Ульянова-Елизарова

¹ Скворцов П. Н. — статистик, «легальный марксист», печатал свои работы в «Юридическом вестнике» и «Научном обозрении» в 80—90-х годах XIX века. В статье «Товарный фетишизм», опубликованной в «Научном обозрении» № 12 за 1899 год выступил с враждебной критикой на книгу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Рецензия была разбита и опровергнута в ответной статье В. И. Ленина «Некритическая критика» (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 611—636). — *Ред.*

² Долгов Н. С. — в 1869 году член основного кружка Нечаева «Народная расправа», в 1871 году был судим по долгушенскому процессу, выслан в Архангельск, откуда в 1873 году переведен в Самару. — *Ред.*

³ Ливанов А. И. — член петербургского долгушенского кружка. В 1878 году по процессу 193-х, охватившему наиболее видных народников (в том числе кружок Н. Чайковского), был приговорен к ссылке, по возвращении из которой жил в Самаре. Виттен (Ливанова) В. И. — революционерка, судившаяся в 1878 году по процессу И. М. Ковальского (пытавшегося оказать вооруженное сопротивление при аресте). Кружок Ковальского вел революционную пропаганду среди рабочих Одессы. — *Ред.*

чества разного толка все ожесточеннее и в этих спорах все прочнее выковывал и лучше научался обосновывать свои взгляды. Одним из оппонентов его был проживавший один год под надзором в Самаре В. В. Водовозов¹. Вся эта более солидная публика была немало шокирована большой дерзостью, проявляемой в спорах этим юношей, но часто пасовала перед ним. Немало беседовал Владимир Ильич также с находившейся в то время под надзором в Самаре М. И. Ясневой (Голубевой), представительницей русского якобинства, ставшей, под влиянием Владимира Ильича, социал-демократкой.

Наряду с выработкой своего революционного мировоззрения Владимир Ильич двигал в эти годы в Самаре и официальную науку. Обратное поступление в университет ему не разрешалось, получались отказы и на ходатайство поехать учиться за границу, и, наконец, только через три года после исключения, в 1890 г., матери его удалось добиться для него разрешения сдать экзамен экстерном. Тогда Владимир Ильич засел вплотную за работу и совершенно самостоятельно подготовился в 1½ года к этому экзамену, который сдал в два срока весной и осенью 1891 г. при Петербургском университете. Сдал прекрасно, не отстав при этом ни на один год от своих однокурсников, не покидавших университета.

При поездках в Петербург для сдачи экзаменов Владимир Ильич видался там с некоторыми марксистами и у одного из них, преподавателя Технологического института по фамилии как будто Явейн², получал и привозил с собой в Самару марксистскую ли-

¹ Водовозов В. В. (1864—1933) — за участие в революционных кружках в 1887 году был сослан на 5 лет в Архангельскую губ., позднее жил в Самаре; в революцию 1905 года был сначала полукadetом, полуменьшевиком, потом трудовиком. В 1917 году — сотрудник основанного на средства банков «Дня». Озлобленный противник большевизма. — *Ред.*

² Явейн Людвиг Юльевич (1853—1911) окончил реформатское училище, а затем, в 1878 году, физико-математический факультет Петербургского университета. В 1880 году поступил на должность лаборанта в Технологический институт. Здесь он проработал всю жизнь, став профессором химии. Имел связи с заграничными социал-демократами и лично знал Вильгельма Либкнехта и Фридриха Энгельса. — *Ред.*

тературу — между прочим, журнал «Neue Zeit»¹ еже-недельник «Für soziale Gesetzgebung und Statistik»².

По получении диплома Владимир Ильич записался помощником к присяжному поверенному Хардину, видному представителю тогдашнего либерального общества в Самаре, человеку очень умному, которого Владимир Ильич ценил. Несколько раз пришлось ему выступать по процессам. Это были мелкие процессы, не бравшие много времени на подготовку и интересовавшие Владимира Ильича в очень умеренной степени. Запись в адвокаты давала ему профессию, которая могла доставлять в будущем средства к существованию, но главная энергия и силы были направлены на изучение марксизма, русской действительности и на подготовку к революционной работе. К этому же — самарскому — периоду относятся первые литературные работы Владимира Ильича: реферат о книге Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство»³, напечатанный только недавно, через 30 лет, и те тетради с критикой писателей-народников, В. В.⁴, Южакова, Карышева, которые выросли позднее в его первую крупную работу: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»⁵ — в ту работу, в которой заложены основы всего его миро-созерцания.

Впервые напечатано: Энциклопедический словарь Гранат.— 7-е изд. Т. 41, ч. 1.— М.: 1927, с. 309—311 (Приложение).

Печатается по кн.: В. И. Ленин в Самаре. 1889—1893: Сборник воспоминаний. — М.: Партиздат, 1933, с. 5—8.

¹ «Neue Zeit» — теоретический орган германской социал-демократии. — *Ред.*

² «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik» выходил с 1888 года. В 1904 году переименован в Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», издавался Генрихом Брауном. В журнале сотрудничали критики марксизма, например, В. Зомбарт, П. Б. Струве, С. Н. Булгаков. — *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 1—66.

⁴ Воронцов В. П. — *Ред.*

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 125—346.

IV. Жизнь в Самаре

Владимир Ильич стремился поступить вновь в университет, но ему упорно отказывали в этом, а когда разрешили наконец вместо того сдать окончательный экзамен при университете, то он засел вплотную за зубрежку разных юридических наук и в 1891 году сдал экзамен при Петербургском университете. Тогда многие удивлялись, что, будучи исключенным из университета, он в какой-нибудь год без всякой посторонней помощи, не сдавая никаких курсовых и полукурсовых испытаний, подготовился так хорошо, что сдал вместе со своим курсом. Кроме прекрасных способностей, Владимиру Ильичу помогла в этом большая трудоспособность.

Помню, как летом в Самарской губернии он устроил себе уединенный кабинет в густой липовой аллее, где дал вкопать в землю скамейку и стол. Туда уходил он, нагруженный книгами, после утреннего чая с такой точностью, как будто бы его ожидал строгий учитель, и там, в полном уединении, проводил все время до обеда, до 3 часов.

Никто не ходил в ту аллею, чтобы не мешать ему.

Кончая с учебой в утренние часы, он после обеда уходил в тот же уголок с книгой по общественным вопросам — так, помню, читал по-немецки Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». А потом прогуляет, выкупается, и после вечернего чая выносятся лампа на крыльцо, чтобы комары в комнату не налетели, — и опять Володина голова склонена над книгой. Но если усиленные занятия не делали Владимира Ильича угрюмым, книжным человеком в более поздние годы, то тем более не делали его таким в молодости. В свободное время, за обедом, гуляя, он обычно шутил и болтал, развеселяя всех других, заражая своим смехом окружающих.

Умея работать, как никто, он умел и отдыхать, как никто.

В Самаре революционно настроенной молодежи было, конечно, меньше, чем в Казани — городе уни-

¹ Печатаются IV и V разделы. — *Ред.*

верситетском, но и там она была. Были, кроме того, и пожилые люди, бывшие ссыльные, возвращавшиеся из Сибири, и поднадзорные. Эти последние были, конечно, все направления народнического и народовольческого. Для них социал-демократия была новым революционным течением; им казалось, что для нее нет достаточной почвы в России. В глухих ссыльных местах, в улусах Сибири они не могли следить за теми изменениями в общественной жизни, в ходе развития нашей страны, которые происходили без них и начинали создаваться в крупных центрах. Да и в центрах представителей социал-демократического направления, начало которому было положено еще в 1883 году группой «Освобождение труда» за границей, было еще немного — главным образом, это была молодежь.

Направление это лишь пробивало себе путь. Столпами общественной мысли были еще народники. Воронцов (В. В.), Южаков, Кривенко, а властителем дум — критик и публицист Михайловский, имевший раньше тесные связи с народовольцами. Этот последний выступил, как известно, в 1894 году с открытой борьбой против социал-демократов в самом передовом тогдашнем журнале «Русское богатство». Для борьбы с устоявшимися взглядами надо было прежде всего вооружиться как теоретическим знанием — изучением Маркса, так и материалом по приложению этого знания русской действительности — изучением статистических исследований развития нашей промышленности, нашего землевладения и т. п. Обобщающих работ в этом смысле почти не было: надо было изучать первоисточники и строить на основании их свои выводы. За эту большую и непечатую работу взялся в Самаре Владимир Ильич.

Продолжая серьезное изучение всех сочинений Маркса и Энгельса (некоторые из них, как «Нищета философии», имелись тогда лишь на иностранных языках), он познакомился и со всеми сочинениями народников и взялся для проверки и для выяснения возможности социал-демократии в России за статистические исследования. Новые данные самарского отдела Истпарта показывают нам, какое большое число книг брал по этим вопросам Владимир Ильич из го-

Новые хозяйственные движения
в крестьянской жизни.

По поводу книги Д. С. Постникова
«Южно-русское крестьянское хозяйство»

I

Вот надпись в архивном году кн. Д. С. Постникова —
«Южно-русское крестьянское хозяйство» (Москва, 1891 г. Сир.
№ 111 + 39) предисловиях к ней сего произведения под редак-
цией и редактированием известного крестьянского хозяйствен-
ника в губерниях Могилевской, Брестской, Бессарабской,
Славянской, преимущественно же в южно-русских (ко-
вельских) губерниях Могилевской губернии. Описание же
основано, во 1-ю — на личном опыте — на личном
наблюдении и на изучении крестьянских хозяйств
губерний, во 2-ю — на изучении крестьянских хозяйств,
наблюдениях и на опыте по делу хозяйства, от-

Данный труд представляет по существу обзор, составленный
по Могилевской губернии.

Первая страница работы «Новые хозяйственные движения
в крестьянской жизни». 1893 год.

родской библиотеки. Читая и изучая, он писал и ре-
фераты по прочитанному. Одним из таких рефератов,
разросшихся в объемистую тетрадь, является его ра-
бота о книге Постникова «Южно-русское крестьянское
хозяйство» под заглавием: «Новые хозяйственные дви-
жения в крестьянской жизни»¹.

Как известно на юге России крупное капиталисти-
ческое хозяйство в земледелии стало развиваться

¹ Помещена в 1-м томе Сочинений Ленина. — А. Е. (Поля-
собр. соч., т. I, с. 1—66. — *Ред.*)

раньше, чем в центре и на севере, — там возникли крупные сельскохозяйственные экономии с большим количеством безземельных рабочих-батраков. Поэтому положение земледелия на юге России было особенно интересно с точки зрения того, в какую сторону развивается наше хозяйство. Постников стоял, конечно, далеко не на революционной точке зрения, и Владимир Ильич оставил без рассмотрения его указания на разные реформы: он взял у него фактический материал и сделал из него свои выводы.

Этот реферат, как и другие ранее написанные рефераты, по изучению марксизма (например, краткое изложение «Нищеты философии» и против народников — В. В. (Воронцова, Южакова), читался Владимиром Ильичем в кружках местной молодежи. Раньше других Владимир Ильич познакомился в Самаре с Вадимом Андреевичем Ионовым, приятелем Марка Тимофеевича Елизарова, моего мужа. Ионов был старше Владимира Ильича и стоял на народовольческой точке зрения. В то время он был, пожалуй, самой видной фигурой среди самарской молодежи и пользовался влиянием. Владимир Ильич постепенно перетянул его на свою сторону. Вполне своим стал сразу одноклассник¹ Владимира Ильича Алексей Павлович Скляренко (Попов), исключенный из Самарской гимназии и отбывший уже заключение в «Крестах» по своему первому делу². Вокруг Скляренко группировалась молодежь из семинаристов, учениц фельдшерской школы. В этом кружке, а также в народнических и выступал Владимир Ильич; в последних велись страстные прения. Много споров бывало также при встречах и беседах со старыми народовольцами. Из них всего чаще видался Владимир Ильич с Александром Ивановичем Ливановым, которого очень ценил за его революционный закал.

Умея брать отовсюду все лучшее, Владимир Ильич не только оспаривал воззрения Ливанова и других на-

¹ Скляренко родился 25 октября (6 ноября) 1869 года. — *Ред.*

² О Скляренко см. подробнее в сборнике Истпарта «Старый товарищ А. П. Скляренко». — А. Е. (Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916 гг.): Сборник статей. — М.: Госиздат, 1922. — *Ред.*)

родовольцев, он впитывал от них революционные навыки, с интересом выслушивал и запоминал рассказы о приемах революционной борьбы, о методах конспирации, об условиях тюремного сидения, о сношениях оттуда; слушал рассказы о процессах народников и родовольцев. Располагали очень к Александру Ивановичу чуткость и деликатность, отсутствие того подчеркивания, что молод, мол, ты, зелен, которое было свойственно многим старикам. Большая смелость и непримиримость Владимира Ильича казались большинству спорщиков лишь молодым задором и чрезмерной самоуверенностью. И в самарские годы и позднее ему не прощались резкие нападки на таких признанных столпов общественного мнения, как Михайловский, В. В., Кареев и др. И во все четыре зимы, проведенные Владимиром Ильичем в Самаре, более солидные слои передового общества смотрели на него как на очень способного, но чересчур самонадеянного и резкого юношу. Лишь в кружках молодежи, будущих социал-демократов, пользовался он безграничным уважением. Рефераты Владимира Ильича о сочинениях В. В., Южакова, Михайловского, читанные в самарских кружках, позднее подвергшись некоторой обработке, составили три тетради под общим заглавием: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Одна из таких тетрадей до сих пор не найдена, а две другие вошли в Полное собрание его сочинений¹ и, как справедливо указывалось, заключают уже в себе все главные основы развитых им позднее взглядов, основы ленинизма.

Но в самарский период Владимир Ильич прошел не только теоретическую школу. Жизнь его в этой, такой типичной для русского крестьянства губернии дала ему много того званья и понимания этого общественного слоя, которое так удивляло всех нас позднее. Как в формулировке аграрной части нашей программы и во всей дореволюционной борьбе, так и в строительстве нашей партии после победы это знание сыграло огромную роль. А черпать его Владимир Ильич умел отовсюду.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 125—346. — *Ред.*

Скляренко служил секретарем у мирового судьи Самойлова, человека идейного и передового. Вместе со своим патроном ему приходилось выезжать на разбор дел по деревням, принимать приезжавших в город с жалобами крестьян и получать таким образом, ценные данные о положении крестьянства в уезде. Он делился этими наблюдениями с Владимиром Ильичем. Беседовал по этому вопросу Владимир Ильич и с самим Самойловым и с остальными знакомыми, у которых было много связей в крестьянстве. Но больше всего материала почерпал он из рассказов Марка Тимофеевича Елизарова, происходившего из крестьян Самарской губернии и сохранившего тесную связь со своими односельчанами. Беседовал он и со старшим братом Марка Тимофеевича, Павлом Тимофеевичем. Это был так называемый «крепкий» крестьянин, разбогатевший арендой близлежащих удельных (т. е. принадлежащих царскому дому) земель и пересдачей их крестьянам. Самое популярное лицо в деревне, он бессленно выбирался в земские гласные. Как все люди его типа, он стремился к округлению капиталов, лез в купцы, чего позднее и добился. Помню, что меня удивляло, как подолгу, с каким интересом мог говорить Володя с этим полуграмотным, чуждым каких бы то ни было идеалов кулаком, и лишь позднее поняла я, что он почерпал у него данные о положении крестьян, о расслоении, идущем среди них, о взглядах и стремлениях этой экономической верхушки деревни. Заразительно, как всегда, хохотал он над некоторыми рассказами купца, и тот был чрезвычайно доволен оказываемым ему вниманием и проникнут большим уважением к уму Владимира Ильича. Но он не мог понять, что хохочет Володя часто не над тем, как ловко устраивают свои делишки деревенские купчины, а над народниками, над их наивной верой в крепость крестьянского уклада, в крепость общины, в возможность привить крестьянам социализм.

В этих разговорах проявлялось характерное для Ильича умение разговаривать со всякой публикой, вытягивать из каждого нужное ему; умение не отрываться от почвы, не быть задавленным теорией, а трезво вглядываться в окружающую его жизнь и чутко при-

слушиваться к ее звукам. В этом умении стать стойким последователем известной теории и в то же время трезво учитывать все особенности и все изменения неустанно бьющей вокруг него жизненной волны, ни на минуту не терять из виду общей принципиальной линии, а также ни на момент не отрываться от родной российской почвы, на которой он стоял, — в этом сочетании, как уже не раз указывалось, заключался главный источник силы и значения Ильича. Но в его юные годы за оживленной болтовней и шутками, за беззаботно звучащим смехом вряд ли кто заметил бы этот источник. Он никогда не говорил книжно, никому не навязывал своей теории, он умел быть веселым, бесхитростным товарищем в часы досуга, но и досуг этот он умел использовать для чуткого прислушивания к окружающей жизни и выбора из нее всего ценного и нужного для своего пути, для задачи своей жизни.

Много заимствовал Владимир Ильич и из непосредственного общения с крестьянами в Алакаевке, где он провел пять летних сезонов подряд по 3—4 месяца в год, а также и в деревне Бестужевке, куда ездил с Марком Тимофеевичем к родным последнего. Но, знакомясь в разговорах с общим положением крестьян, Ильич старался больше узнать от них, чем говорил сам, — во всяком случае, убеждений своих не высказывал. И не только потому, что ему приходилось считаться с поднадзорным положением. Нет, он знал, что крестьян непосредственно революцией и социализмом не проймешь, что с этим надо идти к другому слою, к слою промышленных рабочих; он берег себя для них. Ему была чужда всякая фраза, а дела, он знал, из разговора с крестьянами в то время не вышло бы.

Таким образом развивался и рос незаметно в провинциальном городе и в тиши уединенного хуторка тот Ленин, который заложил основы РКП(б) и повел ее к победе, а после победы — к строительству на этих основах.

Годы жизни в Самаре и еще ранее год в Казани являлись лишь подготовительными для его работы, разлившейся затем так широко. Но эти годы были вместе с тем самыми важными, пожалуй, годами в жизни Владимира Ильича: в это время складывалась

и оформилась окончательно его революционная физиономия.

Впервые напечатано в кн.: Ульянова - Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. — М.: Новая Москва, 1926.

Печатается по кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти томах. — 2-е изд. Т. 1. Воспоминания родных. — М.: Политиздат, 1979. с. 28—32.

V. Начало революционной работы Владимира Ильича Ульянова (В. Ленина)

1. ИЗ САМАРЫ В ПЕТЕРБУРГ¹

Владимир Ильич переехал из Самары в Петербург осенью 1893 года² с целью взяться за революционную работу. Окончательные экзамены при университете были им сданы еще в 1891 году. Самара не могла дать простор его деятельности, она давала слишком мало пищи его уму. Теоретическое изучение марксизма, которое он мог взять и в Самаре, было уж взято им³.

Почему же не уехал он с осени 1892 года, когда уже окончил университетский курс, зачем сидел еще год в Самаре?

На этот вопрос я могу ответить: сидел для матери.

Я говорила уже в описании его детских и юношеских лет, каким большим авторитетом, какой горячей любовью пользовалась и с его стороны, как и со сто-

¹ Печатается с сокращениями. — *Ред.*

² В. И. Ленин приехал в Петербург 31 августа (12 сентября) 1893 года. — *Ред.*

³ Далее в рукописи следует:

«Он начал изучать русскую действительность, прилагая к ней метод Маркса; он написал частью разбор сочинений народников, который вошел потом в его работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в эту работу, в которой, как правильно указывали, заключается уже в основном все его позднейшее учение. И городскую самарскую библиотеку — библиотеку для провинциального города хорошую — он во всем для себя существенном уже использовал». — *Ред.*



О. И. Ульянова

роны всех нас, наша мать. Той твердости, с которой она переносила свои тяжелые несчастья, удивлялись все, кто ее знал, — тем более чувствовали это дети. Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она выказала так много силы воли, что, скрывая, по возможности, свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, еще больше, чем прежде, о детях, потому что после смерти мужа ей одной приходилось заботиться о них.

Она старалась, по мере возможности, не омрачать их молодую жизнь, давать им строить свое будущее, свое счастье.. И она понимала их революционные стремления.

Эти заботы были так удивительны, пример, который она показывала детям, был так прекрасен, что и им хотелось еще больше, чем прежде, скрасить ей жизнь, облегчить ее горе. А в год окончания Владимиром Ильичем университета над семьей стряслось новое несчастье: умерла в Петербурге от брюшного тифа его сестра Ольга. Владимир Ильич приехал как раз тогда, весной, для сдачи первой половины своих экзаменов. Ему пришлось отвезти сестру в больницу (попала, к несчастью, в очень плохую), потом, когда ей стало плохо, вызвать телеграммой мать. Владимир Ильич был один с матерью в первые, самые тяжелые, дни. Он привез ее домой в Самару. Он видел, как и при этом, новом ударе проявилось ее мужество, ее чуткость к другим прежде всего.

Стараясь преодолеть свое горе, мать все же, конечно, сильно страдала. Ольга была прекрасная, с выдающимися способностями и большой энергией девушка¹.

¹ Далее А. И. Ульянова-Елизарова в своей книге «Воспоминания об Ильиче» (М.: Новая Москва, 1926, с. 30—31) пишет: «Она кончила в один год с Володей и так же, как и он, с золотой медалью гимназию, где была очень любима подругами». — *Ред.*

Осенью 1890 года она поехала в Петербург на Высшие женские курсы. Ни в Казани, ни тем более в Самаре высшего женского заведения не было, а она страстно рвалась к учению. На курсах она выдвинулась в первый же год своими знаниями, своей работоспособностью, и подруги ее — З. П. Невзорова-Кржижановская, Торгонская, покойная А. А. Якубова — говорили о ней как о выдающейся девушке, бывшей центром их курса. Со всем неясным или непонятным подруги шли к ней, и она повредила себе тем, что, уже больная, объясняла им по химии и другим предметам к начавшимся экзаменам. Она искала также пути и для общественной работы, и из нее вышла бы, несомненно, выдающаяся и преданная революционерка. После ее потери одно могло облегчить несколько горе матери: близость к ней остальных детей. И Володя остался еще на год дома, в Самаре.

Но к концу этой последней зимы он уже иногда порядочно скучал, стремясь к более оживленному центру, к простору для революционной работы: Самара в те годы была как бы только станцией из Сибири, из настоящей ссылки, в центры умственной жизни, которыми были столицы и университетские города...

Впервые напечатано в кн.:
Ульянова - Елизарова
А. И. Воспоминания об Ильиче.
— М.: Новая Москва,
1926.

Печатается по кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти томах. — 2-е изд. Т. 1. Воспоминания родных. — М.: Политиздат, 1979, с. 33—34.

САМАРА И
ПОДПОЛЬНЫЕ
КРУЖКИ
ЛЕНИНСКОГО
ПЕРИОДА¹

Биографы В. И. Ленина, описывая самарский период его жизни, нередко изображают Самару того времени как глухой, сонный, провинциальный типичный губернский город, десятки которых были разбросаны по великой российской равнине. Однако это неправильно. Самара как торговый город, непохожий на многие другие губернские города средней полосы России, была создана волжской хлебной буржуазией — купцами и волжской вольницей — рабочим людом, прежде убежавшим сюда от помещичьей кабалы и царского гнета для привольной жизни на большой реке, а позднее стекавшимся в Поволжье в поисках заработка на необозримых заволжских хлебородных степях, на водном транспорте, рыбных промыслах, в хлебных лабазах и т. п.

Губернским городом Самара стала только со второй половины XIX столетия (1851 год), и с этого времени она начинает строиться и приобретать вид культурного центра. Однако эта культура была весьма примитивна и заметно обнаруживалась разве только в правильной, прямоугольной распланировке улиц и площадей города. Канализации в городе не было, вода водопровода имела такой высокий показатель жесткости, что ее можно было употреблять для питья только после осаждения извести химическим путем. Известняк, которым были замощены некоторые улицы,

¹ Печатается с сокращениями. — *Ред.*

давал огромную массу тончайшей пыли, а немощные улицы, которых было очень много даже в центральных частях города, были полны глубокого сыпучего песка, как, например, Николаевская улица (ныне Чапаевская), или же утопали в непролазной грязи, особенно весной и осенью.

В жаркие летние дни, когда до города доходило знойное дыхание юго-восточных степей, тучи белой пыли носились по улицам. В такие дни самарский гигиенист доктор В. О. Португалов появлялся на улице в полном санитарно-гигиеническом вооружении: в белом балахоне, с белым зонтом в руках и в очках с защитными сетками. Ни трамвая, ни даже конки в городе не было. Зелени также не было, если не считать Струковского сада, расположенного на краю города, на берегу Волги, и Александровского. Сквер, разбитый вокруг нового собора (ныне площадь имени Куйбышева), представлял собой куртины жалкого кустарника, отделенные друг от друга ухабистыми дорожками, замощенными тем же булыжником, что и улицы.

В Самаре не было того патриархального, помещичьего уклада жизни, как в старых губернских городах средней полосы России, не было дворянских традиций. Физиономию города определяли купец — хлебный король и «горчишник» — потомок понизовой волжской вольницы, который пытался когда-то осесть на землю и разводить, по примеру сарептских меноннитов¹, горчицу, но потерпел в своем предприятии неудачу и получил по этой причине свое насмешливое прозвище.

¹ Менонниты — протестантская секта, возникшая на рубеже 30—40-х годов XVI века в Нидерландах. Менонниты расселились по многим странам, с конца XVIII века стали проникать и в Россию, заселяя в качестве колонистов окраинные земли. — *Ред.*



М. И. Семенов.



Самара. 1893 год.

В Самаре почти совсем не было родовых дворянских домов, но богатых купцов даже сейчас, по памяти, я могу назвать более десятка. Фамилии Шихобаловых, Аржановых, Башкировых, Беспаловых, Савиновых, Угловых, Субботиных, Грачевых, Курлиных, Чельшевых и других были широко известны во всем Среднем Поволжье. Некоторые из этих купеческих семей владели миллионным имуществом и благодаря этому определяли основной тон самарской общественной жизни.

Купцы строили здесь паровые мельницы, элеваторы, пароходы, церкви, вешали на колокольнях двухсотпудовые колокола, в «патриотическом усердии» поставили памятник царю-«освободителю» на Алексеевской площади, скупали у крестьян хлеб и гнали его баржами и пароходами вверх по Волге, а с верховьев Волги сплавливали на свои пристани лес. Они же как представители растущего и крепнущего в 80-х годах капитализма насаждали здесь и культуру, открыв средние учебные заведения, а впоследствии провели в городе и трамвай.

На другом полюсе социальной пирамиды были рабочие и «горчишники», до пота лица своего работавшие в лабазах, на пристанях, в ремесленных мастерских. Ночью с тяжелой тальянкой или саратовской, окованной медью гармоникой, с колокольчиками,



Самара. Алексеевская площадь.

«горчишники» оглашали улицы залихватскими напевами «матани», разбивали пивные, трактиры и «минерашки»¹, дебоширили в Струковском и Александровском садах.

Часто пьяные дебоши устраивались на правом берегу Волги, в селе Рождествено. Здесь пьяная компания «горчишников», нередко с участием чинов самарской полиции, воровала у крестьян барана, увозила его на отмель или на остров и устраивала ночные пиршества. Полицейские чины считали возможным участвовать в подобных предприятиях потому, что село Рождествено находилось в Симбирской губернии, то есть вне пределов ведения и ответственности самарской полиции.

Такие происшествия нам, самарской интеллигентной молодежи, нередко приходилось наблюдать во время прогулок на лодках по Волге и Самаре, особенно в мае месяце, в период половодья, когда по широко распространенному в Самаре обычаю начинались массовые катанья на лодках, а подпольщики, кроме

¹ Лавочки для продажи минеральных вод, которые чаще всего были тайными притонами и торговали главным образом водкой. — М. С.

того, начиная с 1892 года, устраивали первомайские собрания на полянках в береговых зарослях или на островах.

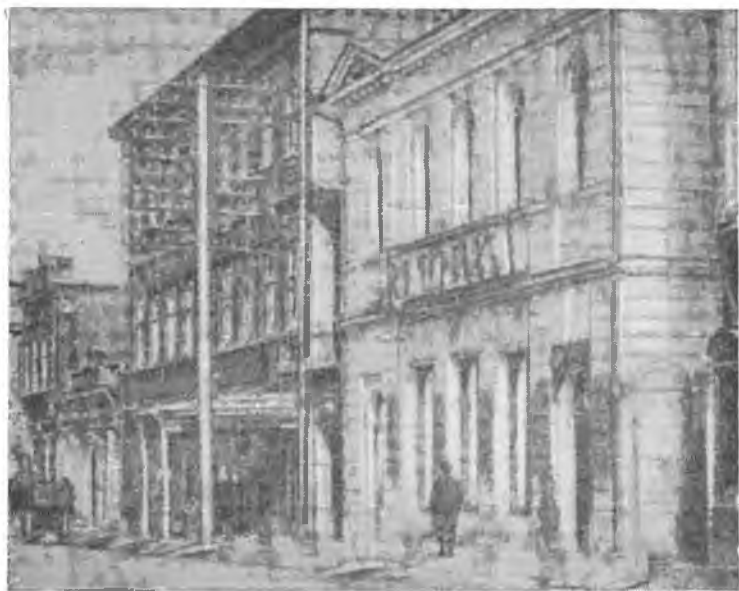
«Горчишники» — это прослойка весьма разнообразная по своему социальному составу. Здесь были представители рабочего и служилого люда, кустарей, ремесленников и вообще городской бедноты. Это явление весьма характерно для периода роста и укрепления капиталистического строя в условиях самодержавного режима, когда угнетаемые массы городского трудового люда еще не совсем дифференцировались, рабочие еще не осознали своих классовых интересов и не объединились в классовые организации. В больших городах России в ту эпоху почти везде можно было наблюдать подобные явления. Например, между персонажами Глеба Успенского в его «Нравах Растеряевой улицы», где описываются, как известно, окраины Тулы, можно найти типы, близкие к самарским «горчишникам».

Рабочих, пролетариев в собственном смысле слова, в Самаре было очень мало. Небольшой гвоздильный завод и железнодорожные мастерские, пожалуй, исчерпывали все предприятия, имевшие рабочих городского типа. Мукомольные мельницы, парходные и лесные пристани концентрировали вокруг себя преимущественно сезонных рабочих, тесно связанных с деревней, хотя и среди них можно было встретить типичных городских пролетариев. Были еще мелкие промышленные предприятия, как, например, кирпичные, мыловаренные и тому подобные заводы.

В самарском обществе можно было найти либерально настроенных купцов. Вместе с этим можно указать и на революционеров, деградировавших до идеологии и поведения «горчишников». К последним относилась группа так называемых огарков.

В городе имелись две общественные библиотеки — Публичная и Купеческого клуба, называвшегося Благородным собранием. Клуб был основан помещиками, но «благородное» дворянство очень скоро уступило свое место в нем подлинному хозяину города — купцу, предпринимателю.

Публичной библиотекой заведовали две сестры Богомолы, очень культурные общественные работ-



Александровская публичная библиотека.

ницы, заметно выделявшиеся на фоне тусклой жизни губернского города. Библиотека не отличалась богатством книжного фонда, но ее читальня была всегда переполнена всяческим людом. Здесь находила приют бездомная городская беднота, поднадзорные и даже лица, находившиеся на нелегальном положении. Некоторые заходили сюда погреться во время зимних морозов, а подпольщики назначали здесь деловые свидания, обменивались нелегальной литературой и т. д. Бывал здесь и Ленин.

Как известно, В. И. Ленин пользовался книгами публичной библиотеки по абонементу Анны Ильиничны. Но он получал также книги и из библиотеки Благородного собрания, в которой был более богатый фонд толстых журналов и иностранной литературы. Хотя этой библиотекой пользовались только члены клуба, но при желании всегда можно было найти такого человека, который предоставлял свой абонемент другим лицам. А. П. Скляренко, например, пользовался аба-



Самарская пристань. 1900-е годы.

нементом А. И. Самойлова, а Владимир Ильич мог пользоваться абонементом А. Н. Хардина или какого-либо другого своего знакомого, состоявшего членом клуба.

Самара имела в описываемое время несколько средних школ. Это были гимназия — мужская и женская, реальное училище, земская школа сельских учительниц, железнодорожное техническое училище и земская фельдшерская школа. Число учащихся в этих школах измерялось небольшими сотнями, ибо доступ в них для широких масс трудового населения был закрыт высокой платой за право учения, дороговизной жизни в губернском городе и вообще всей политикой царско-помещичьего строя.

Реальное училище, где я учился, было открыто в 1880 году и в первый год своего существования имело всего три первых класса; только в 1884/85 учебном году оно стало семиклассным.

Под единственный в городе театр был приспособлен старый купеческий амбар¹.

Жизнь города сосредоточивалась главным образом на пароходных и лесных пристанях, на паровых мельницах, вообще на берегу Волги и на базарах. Центральные же улицы были тихи и пустыньны...

¹ В 1886 году в Самаре было построено здание драматического театра. — *Ред.*



Самара. Вид с Волги.

Женщины-торговки с коромыслами на плечах, обремененные сладкой и соленой ношей, точно жалуясь на безвыходность своей доли, плачущими голосами восхваляли свои грошовые товары. Рыба вобла, арбуз и самарские калачи были основными продуктами питания трудового люда, работавшего на берегу Волги.

Вечером на спусках к реке можно было нередко наблюдать картины ужина грузчиков, бурлаков или мельничных рабочих. Указанное меню дополнялось «полдиковиной» (полбутылкой водки), а иногда тут же на костре варилась уха из волжской рыбы.

К такой компании рабочих можно было подсесть и чужому прохожему человеку и завести разговор. Этот прием иногда практиковали пропагандисты-революционеры.

Во второй половине 80-х годов в Самаре были еще живы традиции старого народничества. Среднее и Нижнее Поволжье было с 70-х годов обетованной землей народников. Они думали, что в народных (крестьянских) массах Поволжья воспоминания о Разине и Пугачеве еще не погасли и что крестьяне

могут явиться основной движущей силой в революции. Они верили, что здесь, вдали от центральной власти, крестьянство не примирилось с ярмом самодержавного правительства и поэтому здесь легче будет поднять крестьян на борьбу с правительством и даже на вооруженное восстание — крестьянскую революцию. Понятие о классовом строении общества и вытекающее отсюда неизбежное следствие, что всякое политическое движение есть выражение классовой борьбы народникам были чужды.

...Эти представления порождали у народников стремление войти в самые тесные связи с крестьянством. Они организовывали в начале 70-х годов спорадические пропагандистские выступления в деревне, а затем, убедившись на опыте в нецелесообразности этого метода, стали устраивать в деревнях постоянные поселения членов своих организаций.

Одиночками-пропагандистами в Самарской губернии были П. И. Войнаральский, А. Квятковский, который занимался разносной торговлей, А. И. Иванчин-Писарев и Е. Н. Фигнер (сестра В. Н. Фигнер). Позднее, во второй половине 70-х годов, здесь в разное время жили: Адриан Михайлов, П. Н. и Ю. Н. Богдановичи, А. К. Соловьев (сначала сельский кузнец в с. Гвардейцы Самарского уезда, а потом волостной писарь), стрелявший в Александра II, В. Н. Фигнер, которая работала фельдшерницей в селе Студенцы Самарского уезда.

...Естественно, что местным центром народнических поселений являлась Самара. К тому же Самара была одним из этапных пунктов, через который отправлялись политические ссыльные в Сибирь, а также возвращались или бежали оттуда. Поэтому здесь нередко задерживались и прочно оседали старые народники — одни для продолжения подпольной деятельности, другие, уставшие и успокоившиеся, для мирного обывательского прозябания.

Идеология народничества, хотя еще и продолжала господствовать в подпольных кружках того времени, в конце 80-х годов не была уже воинствующей, не вызывала энтузиазма в своих адептах. Кризис этой идеологии отчетливо ощущался не только учениками, но и старыми руководителями народнических партий,

хотя новая идеология — марксистское революционное учение — еще не вышла на арену политической жизни. «Хождение в народ» как дань отживающему мировоззрению еще практиковалось отдельными энтузиастами даже во второй половине 80-х годов.

...В то время в Самаре из старых народников жили: Василий Васильевич Филадельфов¹, привлекавшийся по известному процессу 193-х в 1878 году², Егор Егорович Лазарев, который из Бузулука, где он проживал, часто наезжал в Самару (приблизительно в 1886 году был арестован в Бузулуке), Г. А. Клеменц³ (я давал уроки его сыну), который много рассказывал мне о своем брате Дмитрие Александровиче, известном народнике 70-х годов.

В конце 80-х годов в Самару приехал из сибирской ссылки еще один участник процесса 193-х — Александр Иванович Ливанов с женой Викторией Юлиа-

¹ Филадельфов Василий Васильевич учился в самарской гимназии, вышел из нее в 1874 году из 8-го класса, давал частные уроки. В 1872—1874 годах участвовал в самарском кружке «противоправительственного направления». В июле 1874 года арестован, сидел в московской тюрьме и Петропавловской крепости в связи с процессом 193-х. Выслан под гласный надзор полиции к родителям в Ставрополь Самарской губернии. Жил в Самаре, служил в канцелярии начальника движения Оренбургской железной дороги. По отзыву самарского губернатора от 1884 года «поведения подозрительного, ведет знакомство с политически неблагонадежными людьми и постоянно вынуждает полицию делать у него обыски». В 1880—1890-х годах служил начальником станции на Самаро-Уфимской железной дороге. —

² «Процесс 193-х», «Большой процесс», суд над участниками «хождения в народ». Состоялся в Особом присутствии Правительствующего сената (Петербург) 18 (30) октября 1877 — 23 января (4 февраля) 1878 года. Наиболее крупный политический процесс в царской России. Главные обвиняемые: И. Н. Мышкин, Д. М. Рогачов, П. И. Войнаральский, С. Ф. Ковалик. По процессу судились также А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, М. П. Сажин, М. Ф. Грачевский, Л. А. Тихомиров, М. Д. Муравский, Л. Э. Шишко, Ф. В. Волховский и другие. Число арестованных по делу 193-х превышало 4 тысячи. Среди подсудимых было 38 женщин. Почти все они обвинялись в организации «преступного сообщества» с целью государственного переворота. Центральным событием процесса была речь Мышкина. Процесс дал сильный толчок освободительному движению в России. Материалы суда стали оружием революционной агитации. (См.: Советская историческая энциклопедия. — М., 1968, т. II, с. 668—669.) — *Ред.*

³ Клеменц Г. А. привлекался по делу 1 марта 1881 года. — М. С.

новой Виттен, которую все называли, упрощая ее «трудные» имя и отчество, Верой Ивановной. Когда я спросил, почему ее так называют, она мне ответила:

— Зовите меня хоть Жучкой, мне безразлично, только работайте для революции.

Виттен искренне считала себя революционеркой и отказывала в этом звании марксистам. Она привлекалась в 1878 году по делу о вооруженном сопротивлении при аресте в Одессе типографии и восьми революционеров во главе с Иваном Ковальским.

Вера Ивановна не терпела возражений и теоретических рассуждений, которые мы, молодые марксисты, «ученики», как позднее иногда с легкой руки Н. К. Михайловского нас называли, пытались выдвигать против народнических иллюзий. Однако мы отдавали должное прошлому стариков и охотно посещали Ливановых, чаще всего вдвоем с А. П. Скляренко.

Сам А. И. Ливанов, уже больной, утомленный человек, хотя ему еще не было 50 лет, сколь-нибудь активной роли в самарских кружках не играл, тем более что в это время (1890—1891 годы) большинство кружков уже переходило на марксистские позиции.

А. И. Ливанов был типичным представителем революционных землевольцев (хотя фактически начал свою деятельность раньше оформления «Земли и воли»). Владимир Ильич вел знакомство с Ливановым.

...Необходимо далее дать некоторые сведения еще о двух лицах, имевших отношение к революционному движению 70-х годов, — И. М. Красноперове и Н. С. Долгове, с которыми был знаком и В. И. Ленин.

Иван Маркович Красноперов — один из участников подготовки революционного выступления крестьян в Казанской губернии во время польского восстания 1863 года.

Попытка организации этого выступления была предпринята по инициативе штаба польских повстанцев, разославшего своих эмиссаров в некоторые русские губернии, и имела задачей отвлечение русских войск с территории Польши. Однако попытка эта не увенчалась успехом, и польские эмиссары вместе с их

русскими товарищами были арестованы. И. М. Красноперов был приговорен к каторжным работам, замененным сначала тюремным заключением, а потом полицейским надзором.

В Самаре Красноперов совершенно отошел от революционной деятельности и никаких связей с подпольными кружками не имел. Он заведовал статистическим бюро губернской земской управы и в качестве такового руководил оценочно-статистическим обследованием крестьянского и помещичьего землевладения. Издававшиеся под редакцией Красноперова статистические сборники содержали богатый материал, освещающий положение крестьянского хозяйства в губернии.

Этими статистическими материалами и в особенности их обработкой с точки зрения народнических теорий интересовались марксистские революционные кружки и прежде всего В. И. Ленин, считавший такую обработку ненаучной и приводящей к неправильным политическим выводам. Эти вопросы вызывали разногласия и споры между марксистами и народниками, и они же были темами бесед Владимира Ильича с Красноперовым и другими идеологами народничества.

Николай Степанович Долгов в описываемое время также не вел в Самаре никакой революционной работы и причислялся подпольщиками к либералам. Он служил в одном из самарских учреждений (не то в казенной палате, не то в удельном ведомстве) и по традиции поддерживал знакомства с более солидными семьями поднадзорных, поселенных или поселившихся по своей воле в Самаре.

Семья Ульяновых, оваянная ореолом дела Александра Ильича, естественно привлекала внимание всех старых народников. Они не ожидали встретить в этой семье такого яркого и сильного представителя нового революционного течения, разрушавшего народнические иллюзии, каким явился Владимир Ильич.

С Долговым В. И. Ленин поддерживал знакомство с целью ознакомления из первоисточника с основами революционных организаций 70-х годов.

Н. С. Долгов, будучи студентом Петровской академии, наиболее революционного учебного заведения

в 60—80-х годах, в 1869 году познакомился с С. Г. Нечаевым и скоро стал сторонником его разрушительной теории. Первые организационные собрания нечаевцев происходили в квартире Долгова.

Н. С. Долгов был присужден в 1871 году (суд над 87 нечаевцами тянулся с июня по сентябрь) к ссылке в Архангельскую губернию, которую отбывал до 1873 года, после чего его перевели в Самару.

Наконец, следует упомянуть еще об одном человеке, с которым в Самаре был знаком В. И. Ленин. Это был Ф. Е. Буров. Он был известен в Самаре не как революционер, а как талантливый и весьма разносторонне образованный человек. Он был художником, а также занимался химией. Его знакомых интересовали картины, которые он писал, и многие, в том числе Владимир Ильич, ходили к нему смотреть его художественные произведения. Широкая же самарская публика знала его как пиротехника, так как иллюминация и фейерверки в Струковском саду во время народных гуляний обычно устраивались под руководством Бурова...

...Из самарской революционной молодежи наиболее крупной фигурой был тогда Алексей Попов, известный под фамилией Бальбуциновского, а затем — Скляренко¹. Ввиду того, что Скляренко имел близкое отношение к В. И. Ленину в период его самарской жизни, я остановлюсь на нем несколько подробнее.

...А. Скляренко — внебрачный сын военного врача Василия Ивановича Попова — родился в г. Верном (Алма-Ата) в 1870 году². Мать Скляренко умерла, когда Алексей был еще ребенком. Отец его, В. И. Попов,

¹ См. сборник «Старый товарищ А. П. Скляренко». Значительная часть последующего изложения является воспроизведением моей статьи в этом сборнике — «Памяти друга». Нужно сказать, что эту статью читал Владимир Ильич, и я не слышал от него каких-либо замечаний по поводу мест, относящихся лично к нему. Самое издание сборника было предпринято с одобрения В. И. Ленина. В мае 1921 года, играя с Владимиром Ильичем в шахматы в Горках, я спросил его, помнит ли он Скляренко и не следует ли издать сборник, посвященный его памяти. Владимир Ильич ответил утвердительно и одобрил мысль об издании книги, которая затем стараниями А. И. Елизаровой-Ульяновой была составлена и напечатана. — М. С.

² См. примечание на с. 49. — *Ред.*

переселился после этого в Симбирскую губернию, где получил место земского врача в с. Тагае. По рассказам Алексея, его отец принадлежал к либеральному лагерю, водил знакомство с писателями-народниками, например, встречался с Глебом Успенским. Ушел с военной службы вследствие столкновения с генералом Черняевым. Причиной конфликта был отказ В. И. Попова от какого-то царского ордена. В Тагае Попов имел обширную библиотеку, преимущественно из старых толстых журналов, которая частично сохранилась и перевезена была после его смерти Алексеем Скляренко в Самару. К этой библиотеке были присоединены книги, предоставленные в распоряжение Скляренко его дядей, профессором-юристом.

Еще будучи в самарской гимназии, в конце 80-х годов, Алексей начал заниматься организацией политических кружков среди учащейся молодежи и числился поэтому на самом дурном счету у гимназического начальства... Особенно его преследовал, как он рассказывал, латинист, он же инспектор, Пятницкий, который благодаря дряхлости и слабости директора гимназии А. И. Соколова играл в педагогическом совете большую роль. Он добился в конце концов увольнения Алексея Скляренко (тогда еще Попова) из шестого класса гимназии.

Разоблачение во время жандармских допросов внебрачного происхождения Алексея привело, в силу требований закона, к перемене его отчества и фамилии: он стал зваться по крестному отцу — Алексеем Павловичем Бальбуциновским, а затем принял фамилию матери — Скляренко. Эти фамилии представляли для Алексея Павловича, как революционера, даже некоторое удобство. В своей конспиративной деятельности он пользовался разными фамилиями, и нередко ему удавалось путать жандармов и полицию, заматывая свои следы. Так, в 1907 году, когда он отправился на V Лондонский съезд РСДРП, полиция пытаясь установить слежку за ним, искала в Саратове и Москве, как он мне после рассказывал, вместо него некоего Скарлова или Скарловского, хотя в это время у него была еще кличка Роман, под которой он фигурировал в протоколах V съезда.

... Из членов кружка Скляренко в это время (зима

1886/87 года) мне помнятся: народный учитель Николай Васильевич Бушуев, гимназисты Василий Николаевич Вольтман и Александр Смирнов, а также вошедший в кружок несколько позднее бывший студент-петровец В. М. Андреев (Максимиыч) — мой товарищ по губернаторскому общежитию. Алексей Павлович уже в это время проявлял свои богатые организаторские способности. Он широко пользовался, в интересах развития деятельности подпольных кружков, своими старыми связями с гимназическими товарищами. Например, сын богатого купца гимназист Александр Курлин использовался Алексеем Павловичем для устройства собраний и вечеринок в его доме, гимназисты, имевшие отношение к аптекам, добывали желатин и глицерин для гектографа и т. п.

Вскоре ватага гимназистов явилась ко мне с предложением переселить Алексея Павловича в мою квартиру для совместного жительства. Квартира в одну комнату с прихожей в мезонине деревянного домика, которую я занимал, оказалась очень удобной. Алексей Павлович, которому в доме мачехи было неудобно принимать товарищей и в должной мере развернуть свою деятельность, очень быстро приспособился к новым условиям. У нас создалась нелегальная библиотека легальных изданий, а затем мы соорудили и гектограф. Первым нашим изданием был каталог книг для систематического чтения. Титульный лист я изукрасил почему-то изображением птички. Этот «каталог с птичкой» некоторое время был в среде самарской молодежи единственным руководством систематического чтения, хотя мы сумели его оттиснуть, кажется, не более чем в 30 экземплярах. Гектограф мы прятали в стенах нашего мезонина, благо они были удобно для этого устроены: из двух досок, между которыми были насыпаны опилки.

Основным фондом нелегальной библиотеки легальных изданий явились книги, привезенные А. П. Складенко из Тагая. Библиотека пополнялась пожертвованиями самарской интеллигенции и покупкой преимущественно старых книг у букинистов. Приобретались также и новые книги, но в очень небольшом количестве, потому что и выходило их немного, да и средства у нас были весьма скудные: они составля-

лись из добровольных взносов членов кружка. Тем не менее библиотека располагала ценным собранием старых журналов (некоторые из них за целый ряд лет) и несколькими сотнями томов отдельных изданий.

Из журналов у нас имелись: «Современник», «Отечественные записки», «Слово», «Дело», «Устой», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Юридический вестник» и т. д.

Из отдельных изданий я помню книги следующих авторов по истории, истории культуры, социологии и правовым вопросам — С. Соловьев («Русская история»), Костромаров, Мордовцев, Кареев, Лучицкий, Чичерин, Ключевский, Семевский, Сергеевич, Щапов, Беляев, Кулишер, Дитятин, Иванюков («Падение крепостного права в России»), А. Постников («Общинное землевладение» и др.), Шлоссер («История XVIII века» и «История средних веков»), Маколей, Луи-Блан («История десятилетия»), Минье, Верморель, Э. Тэн («2 декабря 1851 года»), Токвиль («Старый порядок»), Бокль, Карлейль, О. Тьерри, Монтескье («О духе законов»), Летурно («Эволюция собственности»), Тейлор, Лавеле, Гонеггер («История материальной культуры»), Г. Лекки, А. Ланге («История материализма»), Дрэпер, Мэн, Вебер (первые тома, в переводе Чернышевского под псевдонимом Андреева); по вопросам теоретической экономики и экономической истории — Миль (с примечаниями Чернышевского), А. Смит, Д. Рикардо, Н. Зибер, Лассаль, Кэри, Гильденбрант, Горлов, Вреден, Бастиа, Иванюков, А. И. Чупров, Исаев, В. В. (В. П. Воронцов), Карышев.

Были также книги П. Л. Лаврова («Исторические письма», «Опыт истории мысли»), Берви-Флеровского («Азбука социальных наук»), Руссо («Исповедь», «Новая Элоиза» и др.), Александры Ефименко («О крестьянском землевладении на крайнем севере»), Шеффле («Строение и жизнь социального тела»).

По философии, психологии, этике, я помню, были следующие авторы: Шопенгауэр («Мир, как воля и представление»), Куно Фишер, Э. Гартман, Вунд, Бэн, Спенсер («Основные начала», «Биология», «Социология», «Этюды»), Гегель («Логика»), Кант («Критика чистого разума», «Пролегомены»), Льюнс, Молешотт, Бюхнер («Сила и материя»), Лесевич.

Критика и публицистика были представлены следующими авторами: Белинский, Добролюбов, Чернышевский («Очерки гоголевского периода», диссертация об искусстве), Писарев (первое десяти томное издание), Скабичевский («История литературы»).

Имелось также небольшое количество беллетристических произведений, из которых мне запомнились: Швейцер («Эмма»), Шпильгаген («Один в поле не воин», «Загадочные натуры»), Ауэрбах («Дача на Рейне»), Стендаль («Красное и черное»), Бальзак («Человеческая комедия»), Бернс, Гейне, Шекспир, Золя («Углекопы», «Брюхо Парижа», «Карьера Ругонов», «Нана»), Чернышевский («Что делать?», «Пролог к прологу»), Оммулевский («Шаг за шагом»), Слепцов («Трудное время»), Наумов («Сельские картины»), Златовратский («Устой» и др.), Глеб Успенский, Альбов, Осипович (Новодворский), А. Левитов.

Главная наша работа над библиотекой состояла в том, что мы вырывали из старых журналов статьи, упоминавшиеся в систематических каталогах, и делали из них сборники, нередко переписывая от руки начало или конец вырванной статьи. Сборники эти нами переплетались и усиленно читались самарской молодежи.

Библиотека эта в начале 90-х годов пополнялась и новыми книгами. У нас появились: 1-й том «Капитала» Маркса, а затем журнальные статьи Николая — она (Н. Ф. Даниельсон — идеолог народничества, первый переводчик «Капитала» Маркса), известная книга В. Постникова и т. п. Позднее в этой библиотеке появился отдел нелегальных изданий, которые хранились отдельно. Легальные издания были перевезены в 1894 году ко мне, но вскоре после этого я был арестован, и вся библиотека попала в самарское жандармское управление. По окончании дела (года через два) я получил ее обратно и отослал лучшие книги А. П. Скляренко в Архангельск, где он находился тогда в ссылке. Там большая часть их перешла в руки А. Г. Буянова, и о дальнейшей судьбе их мне ничего неизвестно. Оставшуюся часть библиотеки (около 300 томов) я перевез в Саратов, а затем в Москву. Здесь в 1923 году я передал их, за исключением нескольких книг, в ЦСУ. Оттуда библиотека была передана в Ин-

ститут Ленина, а потом—в Институт Маркса—Энгельса—Ленина¹.

Книгами этой библиотеки пользовался Владимир Ильич, и на одной из них («Южно-русское крестьянское хозяйство» В. Постникова) сохранились, по-видимому, его собственноручные отметки. На большинстве книг этой библиотеки имелись сделанные рукой А. П. Скляренко знаки — Б. С. Г. (библиотека самарских гимназистов).

Внимание кружков тогда было сосредоточено на исторических и экономических вопросах. Изучали крестьянский вопрос, историю сельской общины, сектантское движение, кустарные промыслы, артели и т. п. На собраниях читались и обсуждались рефераты известных сочинений по этим вопросам..

Скляренко, как и других членов его кружка, интересовали также вопросы философии и социологии, хотя мы в то время не связывали теоретических вопросов с практической политической деятельностью, что было весьма характерно для народнической идеологии, не представлявшей единой цельной системы мировоззрения. В области социологии Скляренко был сторонником так называемой субъективной социологии и яростно спорил с инакомыслящими. Некоторые из членов нашего кружка критически относились к субъективной социологии и заявляли себя последователями синтетической философии Г. Спенсера, за что получали от Скляренко ироническую кличку «спенсеровщиков». В вопросах экономики он был последователем В. В. и называл себя «вевистом».

Любопытно, что весь этот разнобой и шатания были изжиты, лишь только Владимир Ильич ознакомил нас со стройной и последовательной марксистской теорией диалектического материализма. Из этого можно заключить, каковы были сила и влияние аргументации Владимира Ильича уже на первых шагах его пропагандистской деятельности.

Одновременно с теоретическими занятиями Алексей Павлович продолжал заниматься и практической работой в кругах молодежи, сводил знакомство с рабочими, крестьянами и т. п.

¹ Ныне Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *Ред.*

В 1891 году Скляренко поступил на должность делопроизводителя к местному либеральному земскому начальнику А. И. Самойлову, поставив себе целью изучение крестьянского быта и исследование на месте классового строения деревни.

Нужно сказать, что в это время Алексей Павлович и группа ближайших его товарищей начинают коренным образом изменять свою партийную окраску, переходя от народничества к марксизму. Ближайшей причиной этой эволюции было появление в Самаре в 1889 году Владимира Ильича Ленина (Ульянова).

В течение четырех лет, до осени 1893 года, А. П. Скляренко усердно изучал под руководством Владимира Ильича марксистскую теорию и вел практическую революционную работу...

Точной даты знакомства А. П. Скляренко и своего с В. И. Ульяновым я установить не могу, но по некоторым побочным соображениям полагаю, что оно состоялось во второй половине 1889 года. Отчетливо помню, что весной 1890 года, возвращаясь из Новой Александрии (через Москву и Нижний, по Волге) в Самару, я познакомился на пароходе с московским студентом, неким Данилевским, учившимся ранее в симбирской гимназии и поразившим меня своей внешностью: у него были длинные черные прямые волосы, буквально падавшие на плечи, как у молодого дьячка, а на голове торчала простая узкая, черная фуражка с лакированным козырьком. Помню, что я обстоятельно расспрашивал его, знает ли он учившегося также в симбирской гимназии В. И. Ульянова и какого мнения о нем. Отсюда следует, что я уже был знаком в это время с Владимиром Ильичем.

...Так как зиму 1889/90 года я в Самаре не жил, уехав оттуда осенью 1889 года, то, очевидно, появление В. И. Ульянова в кружке нужно отнести ко второй половине 1889 года, но до моего отъезда. С этого времени я встречался в Владимиром Ильичем до осени 1893 года, в те промежутки времени, когда мне приходилось жить в Самаре.

Как сейчас вижу невысокую, крепкую фигуру Владимира Ильича в косоворотке и в коротком сером пиджаке. Он спокойно усаживается за стол, вы-

нимает из кармана небольшую тетрадку — свою рукопись и начинает читать вслух...

Облик Владимира Ильича запомнился мне, очевидно, не из первых встреч с ним, а из более поздних — именно в 1892—1893 годах. Его лоб начинал лысеть, и в моем представлении он уже тогда походил на того Ильича, который в апреле 1917 года вернулся из эмиграции¹. Возможно также, что это впечатление у меня осталось потому, что Владимир Ильич уже тогда казался вполне сложившимся в своих взглядах человеком, державшимся на кружковых собраниях, где я чаще всего его встречал, уверенно и вполне независимо.

Владимиру Ильичу была чужда еще в молодости всякая богема, интеллигентская распушенность, и в его присутствии мы все, входившие в кружок, как бы подтягивались — таково было влияние его уже тогда. Фривольный разговор, грубая шутка в его присутствии были невозможны. Авторитет его в кружке был непререкаем.

Помню, однажды во время спора я сказал Владимиру Ильичу, что мы плохо разбираемся в марксистской теории потому, что слабо знаем историю и буржуазную экономическую науку. Он кратко, но строго ответил: «Если что плохо, то значит вообще плохо — надо учиться...» И мы учились по его указаниям, хотя я, например, был старше его на три года и считался уже выдавшим виды «старым студентом», побывавшим в двух высших учебных заведениях.

Собрания кружка происходили обычно в квартире Скляренко. Квартира эта находилась во дворе, в мезонине деревянного дома на углу Сокольничьей² и Полевой улиц и состояла из двух комнат и прихожей, с кухней и деревянной лесенкой, выходившей во двор. Скляренко всячески заботился о том, чтобы устроить свое жилище подальше от улицы и предохранить его от наблюдения шпики. Окна в обеих комнатах и даже в кухне с этой целью вечером занавешивались плотной темно-синей материей.

¹ А. П. Скляренко, возвратившись с Лондонского съезда 1907 года, говорил тогда мне: «Ильич тот же самый, что у нас был в Самаре, — ничуть не изменился...» — М. С.

² Сейчас Ленинская. — Ред.



М. И. Лебедева.

Вместе с А. П. Скляренко жила упомянутая выше Мария Ивановна Лебедева, приехавшая из далекой Сибири в Самару учиться, Лебедева была ближайшим другом А. П. Скляренко. Это была тихая, спокойная девушка, пропагандированная им ранее в одном из кружков фельдшерской школы. Мария Ивановна, которую Скляренко звал Маней, вела несложное хозяйство квартиры и была непременным членом нашего кружка.

Лебедева весьма серьезно занималась и присутствовала на всех наших собраниях, но по своей скромности и застенчивости участия в прениях не принимала. Она состояла также в школьном кружке, где пользовалась некоторым влиянием. В нашем кружке она главным образом заведовала выдачей книг из библиотеки и переписывала рукописи Скляренко, почерк которого был очень неразборчив.

Мария Ивановна была тяжело больна, но никому не жаловалась, и нам, как и Скляренко, это стало известно только в конце 1893 года, когда болезнь ее так обострилась, что врачи потребовали немедленно отправить ее на юг.

М. И. Лебедева умерла уже после ареста А. П. Скляренко, в 1894 году¹, в Крыму от чахотки. Там же в связи с этим событием были утеряны многие рукописи Скляренко, а может быть, даже и рукописи Владимира Ильича, работы которого прежде всего попали к Скляренко, где часто задерживались и могли быть увезены Марией Ивановной в Крым².

Владимир Ильич был весьма дружен с М. И. Лебедевой и иногда подолгу беседовал с ней. Он старался

¹ М. И. Лебедева умерла в 1895 году. — *Ред.*

² В одном из писем к своей сестре А. П. Скляренко в 1897 году писал, что в Крыму были утеряны собранные им юридические материалы о крестьянском хозяйстве Самарского уезда. — *М. С.*

сблизиться с теми из окружавших его людей, которых он считал своими единомышленниками или находил возможным распропагандировать их в желательном для него направлении.

В обращении его с людьми отчетливо обнаруживались резкие различия: с товарищами, которых он считал своими единомышленниками, он спорил мягко, подшучивал весьма добродушно и старался всякими способами выяснить их ошибку и сделать ее для них очевидной. Но раз он усматривал в оппоненте представителя другого течения, например, заскоружлого и упорного народника, его полемический огонь становился беспощаден. Он бил противника по самым больным местам и мало стеснялся в выражениях. Будущий политический боец уже тогда вырисовывался в нем с полной ясностью.

Говорил Владимир Ильич просто, необычайно убедительно, но при этом филигранно отделял каждую фразу. Его умение нанизать бесчисленное множество придаточных предложений в одной фразе и затем, не теряя нити основной мысли, в конце периода ловко закончить главное предложение и придать сказанному блестящую закругленность и ясность, чем он отличался до самых последних годов своей жизни, — еще тогда обнаруживало в нем великолепного оратора.

Уже тогда Владимир Ильич с успехом пользовался в спорах положениями и методами диалектического материализма. Так, я помню, что в одном споре с В. В. Водовозовым он возражал против формально-логических дефиниций (определений) и требовал в соответствии с диалектической логикой или полного определения предмета, или отказа от формально-логического определения¹.

Это подтверждает и другой оставшийся в моей памяти случай. Не помню когда, но, нужно думать, в самом начале появления Владимира Ильича в нашем кружке была предпринята попытка организовать кру-

¹ Напомним, что Владимир Ильич через три десятка лет по этому вопросу писал: «... диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении»... изменении». И далее: «...вся человеческая практика должна войти в «полное определение» предмета...» (Соч. — 3-е изд. Т. 26, с. 134—135). — М. С. (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290. — *Ред.*)

жок самообразования по так называемой казанской программе¹. Мне запомнилась одна из прогулок этого кружка весной 1890 года на лодке по реке Самаре, организованная А. П. Скляренко. На лодке после доклада В. А. Бухгольца² об основах этического учения о благах между докладчиком и Владимиром Ильичем произошел продолжительный спор. Подробности этого спора в моей памяти не сохранились, но помню, что ясная диалектика Владимира Ильича в его возражениях против теории абсолютного блага произвела на всех участвовавших в дискуссии большое впечатление новизной приемов, аргументации и ее содержанием.

От этой прогулки в моей памяти сохранились следующие впечатления. В лодке находился наш кружок в полном составе и В. А. Бухголец, которого Скляренко называл Генрихом за его немецкую физиономию. Ни самовара, ни съестных припасов мы с собой не брали, так как целью прогулки был доклад и беседа после него. Пока ехали по Волге и по коренной Самаре, где течение весьма сильное, мы менялись поочередно в веслах. Греб и Владимир Ильич. Самара здесь в половодье широко разливается и приобретает вид настоящего моря. По этой широкой водяной глади узкой полоской бежит залитая с обеих сторон насыпь железной дороги и пропадает на горизонте водного простора. Местами здесь нет никакого течения, вода неглубока и на дне видна трава. Кое-где из воды тор-

¹ Казанская программа систематического чтения отличалась от других аналогичных программ большей полнотой и логической стройностью: от дисциплин нормативных через историю культуры, историю и экономику она вела к социалистической теории. — М. С.

² Бухголец Вильгельм Адольфович окончил самарскую гимназию в 1884 году. Учился в Петербургском университете на юридическом факультете. Во время студенческих волнений 1887 года арестован и выслан на поруки отцу. Поселился в Самаре, входил в кружок политических ссыльных и заключенных, участвовал в собраниях радикально настроенной молодежи. Бухголец посещал собрания кружка, в котором бывал Ленин. В июне 1891 года уехал из Самары за границу. В Цюрихе познакомился с членами группы «Освобождение труда» и примкнул к числу их немногочисленных последователей. Близко знал К. Либкнехта. До 1900 года входил в Союз русских социал-демократов за границей. После II съезда РСДРП — меньшевик. После Октябрьской революции жил в Берлине, позднее — в Швейцарии. — *Ред.*

чат залитые кустарники и крупные осоки. Пользуясь этим покоем и тишиной, мы останавливали лодку и могли слушать доклад и развернувшуюся затем дискуссию.

Нередко нами устраивались так называемые «кругосветные» путешествия на лодке (вниз по Волге до села Переволоки, где лодка переправлялась на реку Усу, затем по Усе до ее впадения в Волгу и далее опять по Волге до Самары), в которых принимал участие и Владимир Ильич. Из этих путешествий у

меня остались в памяти только наши высадки на берегу Волги у Царева кургана—скалистой возвышенности, с которой открывается великолепный вид на Волгу и ее берега. Взбираясь на вершину этого кургана, мы любовались красотами Жигулей, купались, пили чай, а любители, кроме того, собирали здесь окаменелости юрской формации. Здесь же иногда местные крестьяне рассказывали нам легенды о Степане Разине, о подвигах волжской вольницы в старые времена или о народнической пропаганде в 70-х и 80-х годах.

Необходимо также остановиться на упомянутом выше сызранском кружке.

Мой товарищ по школе и член одного из первых кружков Скляренок В. М. Андреев (Максимыч) после освобождения из «Крестов» был выслан в Сызрань, и мы со Скляренко нередко его навещали на его новом местожительстве. В Сызрани находилось тогда несколько революционно настроенных людей, с которыми Андреев близко сошелся. Они группировались вокруг Вадима Андреевича Ионина, жившего здесь с матерью и братом — инженером Сергеем. Кроме того, в Сызрани жил молодой купеческий сын Алексей Иванович Ерамасов, учившийся раньше (и, кажется, даже окончивший курс) в Петровской академии и занимавшийся тогда хозяйственными делами по саду и огороду, насаждая культуру путем распространения парничков, как иронически характеризовал его деятельность Ма-



В. И. Ионов. 1884 год.

ксимыч. В. А. Ионов в период своей жизни в Сызрани идеологически тяготел к народовольчеству, но занимался главным образом статистическим изучением экономики крестьянского хозяйства и какой-либо активности как народоволец не проявлял. Он часто наезжал в Самару, где имел значительный круг знакомых. Он познакомился через М. Т. Елизарова также и с Владимиром Ильичем.

Как и мы с А. П. Скляренко, Ионов скоро эволюционировал в своих воззрениях к марксизму.

В Самаре Ионов имел тесную связь с кружком Е. И. Казмановой, с нашим же кружком сколь-нибудь прочных деловых отношений им установлено не было, так как мы относились к нему весьма сдержанно, считая его более близким к либералам, чем к революционерам.

А. И. Ерамасов был весьма скромным, тихим и симпатичным человеком. В кружке его называли Поросянком. (Позднее он был известен в социал-демократических кругах под кличкой Монах). В то время он не имел определенной политической физиономии и занимался действительно только парничками, не обнаруживая особого интереса к вопросам политики. Но когда он познакомился с Владимиром Ильичем (через М. Т. Елизарова), то под его влиянием стал тяготеть к марксизму.

Будучи состоятельным человеком, Алексей Иванович Ерамасов в течение длительного периода оказывал партии большевиков материальную помощь. В годы издания газет «Искра» и «Вперед» Ерамасов находился в переписке с Владимиром Ильичем и давал средства на поддержку этих изданий. Делал он все это без всякого шума и огласки, и очень немногие знали об этой его роли в жизни партии. В 1905 году он подвергся в своем доме в Сызрани нападению бандитской шайки, был серьезно ранен, а его сестра после этого события стала калекой. Это происшествие оставило глубокий след на его физическом состоянии.

Ерамасов рассказывал мне об этом случае в 1912 году в Москве, куда он нередко наезжал. Он жил месяцами в Москве и работал здесь в частной библиотеке С. А. Ионова, своего старого знакомого и земляка (брата В. А. Ионова).

Собрания сызранского кружка обычно происходили в доме Ерамасова или «в грюнях», как выражался Алексей Иванович, то есть в зелени (ins Grüne) на островах или на берегу Волги, и мне приходилось иногда на них бывать. Здесь не было чтения или докладов дело, ограничивалось беседами на злободневные политические темы, которые нередко разгорались в споры по программным вопросам. В 1890—1891 годах в кружке уже велись дискуссии между марксистами и народниками.

А. И. Ерамасов рассказал мне при встрече в Москве, что, бывая у Ульяновых в Самаре, он однажды (в 1892 году) взял у Владимира Ильича сделанный последним перевод «Манифеста Коммунистической партии» и дал его для прочтения одному из своих знакомых в Сызрани. Этот знакомый был затем вызван по какому-то делу в полицию, и его мать, убоявшись наличия в своей квартире тетради с нелегальным «Манифестом», сожгла ее в печке. Ерамасов очень жалел, что благодаря его неосторожности погиб прекрасный перевод впервые появившегося тогда в Самаре знаменитого творения Маркса — Энгельса. «Мне очень стыдно было сознаться в этом перед Лениным», — говорил он. Лично я об этом переводе в Самаре слышал, но самого перевода не видел и знакомился с «Манифестом» по его немецкому оригиналу.

Одной из работ нашего кружка было составление каталога книг для систематического чтения. Отдельные части этого каталога были переписаны М. И. Лебедевой, но эта работа не была закончена, и каталог из узкого круга составителей и близких к ним лиц не вышел.

Владимир Ильич в то время усиленно готовился к экзамену за юридический факультет. (Экзамен он блестяще сдал в 1891 году в Петербурге.) Он занимался также изучением языков и к экзаменам уже читал по-английски. Я помню, что Владимир Ильич излагал нам прочитанную им английскую книгу «Экономическая история Англии» Achley (Эшли). Он читал и говорил по-французски. Однажды, помню, он цитировал наизусть какую-то статью из «Revue des deux mondes». Он знал также и немецкий язык.



Фотография Шарыгина. Здесь в марте 1891 года В. И. Ленин заказывал фотографию для приложения к прошению в Петербургский университет.

Владимир Ильич много занимался русской историей, особенно интересуясь историей земельной общины. Я помню, что в разговорах по этим вопросам он нередко ссылался на работы Б. Н. Чичерина, мнение которого ценил весьма высоко. Владимир Ильич доказывал, что в русской истории была эпоха феодализма, как и в западной, и при этом ссылался на кого-то из молодых историков школы В. О. Ключевского (чуть ли не на Павлова-Сильванского, точно не помню)¹. По этому вопросу Владимир Ильич написал небольшую статью, которая ходила у нас по рукам.

Нелишне отметить, что тогда еще не было печатной «Русской истории» В. О. Ключевского, но литографированное студенческое издание этого курса, читанного им в Московском университете, было привезено мною из Москвы (одна или две части) и читалось в

¹ Этим вопросом Ленин занимался и в последующее время. А. М. Воден сообщает в своих воспоминаниях (Летописи марксизма, 1927., кн. 3) о споре Ленина с Плехановым в 1895 году по вопросу о феодализме в России. — М. С.

самарских кружках. Печатные работы Ключевского, как «Боярская дума», книги других русских историков, как, например, Сергеевича («Вече и князь» и пр.) и Дитятина, имелись в нашей библиотеке и также читались в кружке. Были там и такие работы по истории общины, как известная книга Александры Ефименко. На знакомство с этой исторической литературой наталкивал нас главным образом Владимир Ильич. Благодаря ему же у нас читались также исторические статьи Каутского, печатавшиеся в «Северном вестнике». Не помню точно, когда у нас появилось нелегальное издание (литографированное или гектографированное) «Эрфуртской программы», но что оно было до нашего ареста, — это несомненно.

В 1892 году Скляренко получил две рукописи Н. Е. Федосеева, привезенные Н. Л. Сергиевским и Марией Германовной Гопфенгауз, которых я встречал раза два-три у Скляренко. Эти две работы Федосеева: «О купчих крестьянских землях до 1861 года» и обработка содержания «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина с точки зрения марксистского понимания экономических причин падения крепостного права читались Скляренко и мною, а затем были переданы Владимиру Ильичу. Сколько я помню, Владимир Ильич неодобрительно отзывался о первой из них, усмотрев в изложении автора апологию кулацкого хозяйства¹.

Позже (вероятно, уже в 1893 году) я увидел у Скляренко также и третью рукопись Федосеева по истории крепостного права и даже читал отдельные ее главы, но содержания ее теперь не помню. Знаю только, что эту работу считали значительной и что ею главным образом занимался Владимир Ильич. Содержание этого произведения Федосеева в нашем кружке не обсуждалось по соображениям конспира-

¹ Н. Л. Сергиевский в статье о Н. Е. Федосееве в книге «Федосеев Николай Евграфович» (М.—П., 1923, с. 100) по этому поводу пишет: «Впоследствии, уже в 1900 году, В. И. Ульянов... объяснил, что самарцы были введены в заблуждение неуказанием в статье того, что она является не самостоятельной, а лишь отдельной главой предпринятой Федосеевым работы, и, когда в Самаре появилась статья о Щедрина, недоразумение разъяснилось». — *Ред.*

ции: автор сидел в это время во владимирской тюрьме, и мы не хотели предавать широкой огласке существование его работы, чтобы не повредить ему и не порвать установившейся с ним связи.

...О переписке Владимира Ильича с Федосеевым в то время я ничего не знал. Также, очевидно, строго конспирировались и попытки устройства свидания между ними¹, по крайней мере, мне об этом не было известно. Но я знал, что Скляренко организует связи с другими городами, результатом чего и было появление у нас работ Федосеева. Между прочим, я хорошо помню фамилию Кривошея, который организовал пропагандистские выступления Федосеева в Орехово-Зуеве.

Владимир Ильич принес нам новое откровение — марксистское истолкование вопросов экономики, истории и политики. Особенно убийственной и неожиданной для его противников в дискуссиях была классовая теория, при помощи которой быстро и просто раскрывался истинный смысл таких понятий, как «народ», «благо народа», «все для народа и все через народ». Владимир Ильич доказывал, что понятие «народ» в трактовке народников есть фикция, ибо они в этом понятии объединяют различные классовые группировки — крестьянина-кулака, крестьянина-батрака и рабочего. Также вызвали протесты и недоумения народников рассуждения Владимира Ильича о том, что такие революции, как революции 1789 года или 1848 года во Франции, были революциями буржуазными, тогда как народники рассматривали их как социалистические.

Владимир Ильич вел свои споры с противниками таким образом, что некоторое время участники дискуссии совершенно его не понимали. Это происходило потому, что в один и тот же термин спорящие вкладывали совершенно различное содержание. Точнее, противники В. И. Ленина — народники не вкладывали определенного однозначного содержания в

¹ Свидание это предполагалось, очевидно, осенью 1893 года, когда Владимир Ильич, окончательно покинув Самару, ехал в Петербург через Москву с заездом во Владимир. — М. С. (См. примечание на с. 28 настоящего сборника. — *Ред.*)

употребляемые ими термины. Например, под словом рабочий, крестьянин они не мыслили классового содержания этих понятий. Крестьянство они рассматривали как однородную массу, не разделенную классовыми перегородками, и т. п.

Владимир Ильич совсем не применял догматического метода изложения, и разногласия выяснялись в процессе дискуссии. Поэтому нередко случалось, что противник, пораженный новизной всего строя мысли Владимира Ильича, просто умолкал и шел домой, чтобы почитать указанное ему сочинение и подумать наедине о том, что он узнал нового во время жаркого спора.

Что течение мысли у Владимира Ильича иногда шло такими путями, которые трудно было уловить людям, мало искушенным в тонких логических построениях, показывает следующий факт. Как-то, идя с Владимиром Ильичем по улице, я заспорил с ним по поводу одной из только что прочитанных мною его рукописей. В споре выяснилось, что я неправильно понимал одну длинную фразу в его статье и относил имевшееся в ней придаточное предложение не к тому слову, к которому относил его автор. Сколько он мне ни истолковывал своей мысли, я его так и не понял. Только уже потом, в комнате, имея рукопись перед глазами, я правильно понял спорную фразу. Содержания статьи, о которой идет речь, я не помню, но курьезная история с «придаточным предложением», которую иногда шутя напоминал мне Владимир Ильич, засела в моей памяти прочно.

В дискуссиях с Владимиром Ильичем мы в первый раз с полной отчетливостью стали уяснять себе понятия «буржуазия», «пролетариат» и роль этих социальных категорий в развитии капиталистического строя, а также направление эволюции этого строя. Владимир Ильич доказывал необходимость организации рабочего класса для сознательной классовой борьбы не только за улучшение экономических условий, но и за завоевание политической власти пролетариатом.

Позднее, когда Владимир Ильич за границей стал известен под фамилией Ленина, мы, самарцы, уже рассеянные в то время по другим городам, при встре-

чах друг с другом с гордостью вспоминали своего бывшего товарища по кружку и говорили:

«Это наш, самарский, «орленок» расправил там свои крылья».

Припоминаю двух наиболее упорных противников Владимира Ильича в спорах: фельдшера земской больницы Ивана Карповича Иванова, которого Владимир Ильич в горячей словесной схватке иногда называл по ошибке Карпом Ивановичем, что последнего очень обижало, и помощника машиниста Владимира Ивановича Соколова.

И. К. Иванов в то время уже имел значительный политический стаж — он только что вернулся из ссылки (кажется, из Архангельска) и потому представлял сравнительно серьезного оппонента. Он был поклонником С. Н. Южакова и любил цитировать его. Один раз он наизусть привел из этого автора цитату строк в восемь, в которой не было, кроме союзов и предлогов, ни одного русского слова, надеясь этой ученостью окончательно сразить своего противника. Вместо ответа Владимир Ильич встретил цитату громким смехом, и мы долго не могли забыть этой «ученой» цитаты.

В. И. Соколов, также человек весьма начитанный, аргументировал в своих речах ссылками на Николая— она и пытался истолковать в народническом духе Каутского, называя его Кауцким, с ударением на у.

Споры происходили иногда в такой обстановке: Владимир Ильич по приходе к А. П. Скляренко... начал слушать разговоры сидящей вокруг стола «публики». Когда чье-нибудь суждение заставляло его подать свой голос, он начинал сразу в резком тоне: «Ерунда!» — а затем начинались возражения. Оппонент, обиженный этой неожиданной репликой, вскакивал, а Владимир Ильич спокойно... продолжал свою беспощадную критику.

Если противник обнаруживал безнадежное упрямство, стремясь всякими способами отстоять свои очевидные заблуждения (такowymi были в особенности старые народники), то Владимир Ильич не останавливался перед иронией и нередко зло его высмеивал. Поэтому многие народники относились к нему чрезвычайно недружелюбно.

Особенно острыми были столкновения в спорах

Владимира Ильича с В. В. Водовозовым. Будущий белогвардейский эмигрант уже тогда, очевидно, начал распознавать в своем оппоненте непримиримого врага народнической и либеральной идеологии и своего политического противника. После одного из таких столкновений отношения между ними стали натянутыми.

До какой степени самостоятелен и устойчив в своих взглядах и суждениях был в то время Владимир Ильич, видно из следующего. Раз во время спора по какому-то серьезному вопросу с Водовозовым в квартире последнего (это произошло, сколько помню, после доклада Водовозова о германской социал-демократии) присутствовавший здесь же М. Т. Елизаров, бывший значительно старше Владимира Ильича, захотел его поддержать и начал развивать по-своему высказанное Владимиром Ильичем положение. Последний, нимало не смущаясь, бросил в сторону М. Т., что он с ним не согласен, и спокойно продолжал свою речь. Елизаров сконфуженно замолк.

Одной из главных тем, вокруг которых вращались наши дискуссии в кружке, был вопрос об экономической эволюции России.

Насколько слабо было знакомство тогдашнего «культурного» общества с марксистским учением, показывает следующий любопытный случай.

В помещицьем имении, где я жил в качестве учителя в 1887—1888 годах, мои хозяева, обнаружив мое пристрастие к литературе, сообщили мне, что у них имеется книга, оставленная управляющим какого-то соседнего имения, и что книга эта учит, как накапливать капитал. Я купил у них эту книгу, оказавшуюся первым томом «Капитала» К. Маркса. Книга эта тогда считалась запрещенной, и ее у меня отобрали во время одного из обысков.

Марксистской легальной литературы, как уже указывалось выше, было тогда чрезвычайно мало. Кроме первого тома «Капитала» были статьи и известная диссертация Н. Зибера, несколько разрозненных статей в толстых журналах, например, статья Кауфмана в «Вестнике Европы» (за подписью И. К-н). В литературе безраздельно господствовало народничество, поэтому будет понятно, какой неслыханной дер-

зостью считались тогда выступления Владимира Ильича, в которых он резко критиковал В. В. Карышева, Каблукова, Николая—она и даже «самого» Н. К. Михайловского.

Эти эпигоны старого народничества, усвоив некоторые из его утопических положений, проповедовали, тем не менее, в своих статьях на страницах «Русского богатства», «Русской мысли», «Вестника Европы» и других либеральных журналов культурнический оппортунизм, отказывались от революции и тесно смыкались с либералами, провозглашавшими тогда лозунг: «Теперь не время широких задач». Поэтому выступления Владимира Ильича касались как теории, так и практики, в особенности либерального народничества. Содержание этих выступлений Владимир Ильич изложил в своей книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в которую включил отдельные куски своих критических статей, написанных еще в Самаре. В июньской книжке «Русская мысль» за 1892 год появилась первая статья Н. К. Михайловского с обвинениями марксистов в проповеди необходимости «отделения производителей (крестьян) от средств производства». В. И. Ленин немедленно реагировал на эту выходку столпа либерального народничества соответствующим докладом в нашем кружке.

Незаконная марксистская литература появилась в обращении в Самаре главным образом в период пребывания здесь Владимира Ильича. У нас были издания группы «Освобождение труда», из которых в особенности я помню миниатюрные брошюры Плеханова «Наши разногласия» и «Социализм и политическая борьба», отпечатанные на тонкой гладкой бумаге. Была также «Эрфуртская программа».

Эти брошюры переходили из рук в руки, усиленно читались и обсуждались как в кружках, так и при случайных встречах подпольщиков.

Были также немецкие издания некоторых работ Маркса и Энгельса («Анти-Дюринг», «Положение рабочего класса в Англии», «Манифест Коммунистической партии»), отдельные номера журнала «Archiv» Брауна, но они широкого распространения не имели в силу ма-

лого знакомства кружковцев с немецким языком.

Резко повысился также интерес к легальным марксистским сочинениям. Везде начинал читаться первый том «Капитала» Маркса (в переводе Николая — она), но все ломали зубы на знаменитых первых двадцати девяти страницах этой книги, в которых излагается диалектика стоимости. Из популярных изложений несколько помогла диссертация Зиберера, статейка же И. Кауфмана не была нами в то время понята и оценена должным образом¹. Вследствие этого многое из экономической теории Маркса понималось в кружках неправильно, а революционная ее основа совершенно ускользала от внимания молодых марксистов, пока мы не ознакомились с ней на докладах Владимира Ильича.

Я, например, прочитал первый том «Капитала»... еще в 1888 году, но усвоил из него только общую схему экономики капиталистического общества, содержание глав исторического характера (первоначальное накопление и пр.) и совсем не понял абстракции диалектики. Многие из нас усвоили формальную сторону диалектики Гегеля, и его триада (тезис, антитезис, синтезис) обсуждалась на все лады вечерами в Струковском саду, где на особой лавочке собирались марксисты.

Некто В. Федотов додумался даже до диалектических противоречий эволюции материальной культуры и человеческого сознания и пришел к философии пессимизма Э. Гартмана. Целые ночи проводил я с ним в спорах о диалектическом методе и его применении при рассмотрении социологических вопросов, а также об истоках гартмановской «философии бессознательного».

Владимир Ильич писал и затем докладывал в кружке

¹ Как известно Маркс считал, что Кауфман в этой статье «очертил... удачно... не что иное, как диалектический метод» (см. предисловие ко второму изданию первого тома «Капитала»). — М. С.

Здесь автором допущены неточности. Речь идет не о предисловии, а о послесловии, в котором у К. Маркса написано: «...описав так удачно... описал не что иное, как диалектический метод». См.: Маркс К. Послесловие ко второму изданию первого тома «Капитала». — В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. — 2-е изд. Т. 23. — М.: Политиздат, 1961, с. 21. — *Ред.*

101 Василий Иванович
Владимир Зинь
1906

Колодурия в Мок. Самарском
Новгородском и др. губерниях
Смирнов 1911
Курганов
Климов
Множ. Курганов
и др. Самарь
1911, январь 1913

Запись в книге поднадзорных.

обширные статьи по экономическим и политическим вопросам, в которых подвергал уничтожающей критике ходячие догматы народнических учений о самобытном экономическом развитии России, о роли земельной общины, о разложении крестьянства и т. п. Эти темы были весьма актуальны, так как их освещение стояло в тесной связи с политической программой и в конечном счете определяло партийность и политическое поведение той или иной группы единомышленников.

Наш кружок стал привлекать общее внимание не только в Самаре, но и во всем Среднем и Нижнем Поволжье. Послушать новое учение и противопоставить ему старые догматы народничества приезжали из Саратова, Казани и других поволжских городов. Все дискуссии происходили на квартире А. П. Скляренко.

Из приезжавших для этой цели в Самару осенью 1892 года я помню Н. Д. Россова, Аделаиду Романову, Смирнова (бывший офицер), М. П. Ясневу. Приезжали народники-субъективисты (последователи Михайловского), объективисты (разновидность той же школы, следовавшая за Южаковым), последователи П. Ф. Николаева (впоследствии один из организаторов партии народного права), последователи якобинца Зайчневского и др. Последователями Зайчневского были Романова и Яснева, только что возвратившиеся из Сибири, куда они ездили, как иронически говорили в нашем кружке, «на поклон» к своему учителю. Они особенно

СОДЕРЖАНІЕ ДѢЛЪ.

По каждой части

Уманскій Левъ	709	2
Ульянова Анна	17	2/4
Ульяновъ Владимиръ	17 34. 10	2 1/2
Ульянова Марья Алекс. Семёрова	17 26	56
„ „ Ольга	17 25	26
„ „ Мария	17 24	20
Ульяновъ Дмитрій	17 25	20

Поднадзорные Ульяновы.

упорно, как я помню, оспаривали положения, выдвигаемые Владимиром Ильичем.

М. П. Яснева и по возрасту (ей было за 30 лет) и по практическому опыту революционной деятельности была значительно старше членов нашего кружка. Вполне естественно поэтому, что она выступала в кругу «зеленой», как ей казалось, молодежи уверенно и авторитетно. Однако Владимир Ильич, стоя на классовой точке зрения, спокойно и без труда парировал наскоки Ясневой и особенно ее сотоварища — А. Романовой, и в конце концов разбил якобинскую теорию захвата власти, которую защищали эти две российские якобинки.

Летом, если мне память не изменяет, 1892 года в Самару приехал Н. К. Михайловский и остановился на даче у В. Водовозова, который считал себя его учеником. Посещали дачу в это время только «солидные» либералы и народники, нашу же братию, революционную молодежь, пускали туда лишь по строгому выбору.

Владимир Ильич, насколько я знаю, с Михайловским не встречался, но по разговорам в кружках было известно, что вопрос о марксизме на даче обсуждался. Может быть, здесь Михайловский получил новые материалы и аргументы для своих последующих выступлений в печати против «учеников». На дачу Водовозова проник только один из близких к нашему кружку людей — А. А. Беляков, явившись туда под видом хорошего знакомого Водовозова по предварительному уговору с последним. Впрочем, Беляков ничего интересного о беседах «властителя дум» того времени нам не сообщил, кроме того, что Михайловский пьет много пива и что ему (Белякову) он подарил на память свою белую летнюю фуражку, которую последний хранил как дорогую реликвию.

Под влиянием Владимира Ильича Скляренко решил серьезно заняться исследованием вопроса о расслоении деревни. Для этого он, как я говорил выше, поступил в 1891 году на должность письмоводителя к земскому начальнику А. И. Самойлову, контора которого находилась в Самаре, а участок состоял из пригородных волостей. Скляренко по своей должности часто разъезжал по деревням, знакомясь с крестьянским хозяйством на месте. Он составлял целые анкеты, опрашивал сельские и волостные управления по интересующим его вопросам. Между прочим, он обследовал влияние неурожая 1891 года на расслоение крестьянства и напечатал в «Самарской газете» (в 1893 году) ряд статей на тему о влиянии неурожая на крестьянское скотоводство.

Старики народники относились к новому учению отрицательно и с тревогой наблюдали то оживление, которое оно внесло в кружки молодежи. Они ясно чувствовали, что влияние старых народнических теорий и идеалов отходит на задний план и что на смену им неудержимо идет что-то новое, для них малопонятное.

У А. И. Ливанова частенько происходили собрания «стариков», на которых обсуждались текущие политические события, в том числе и новое марксистское учение, или вспоминалась старая эпоха народничества и народовольчества. В. Ю. Виттен по старой привычке политических ссыльных тщательно готовилась

к этим собраниям, варила для гостей кофе или какао и готовила темы для бесед. Мы с А. П. Скляренко иногда бывали на этих собраниях, так как здесь можно было получить сведения о всех новостях в жизни самарских кружков и о нелегальной литературе.

Старики обсуждали, между прочим, и теории, развиваемые Владимиром Ильичем, и на головы «марксят», «гегельянцев» (так они называли последователей нового учения) сыпались всяческие обвинения. Марксистов обвиняли прежде всего в нереволуционности их учения, в искусственности пересадки этого учения из Западной Европы в Россию, где для его развития и применения на практике якобы нет подходящих условий. Говорили, что марксисты стоят за развитие капитализма, то есть за усиление эксплуатации рабочих, за пролетаризацию крестьянства и т. п.

Владимир Ильич хотя и не бывал на этих собраниях, но с большим вниманием выслушивал наши рассказы о брюзжании стариков.

Тем для обсуждения как на вечерах народников, так и на кружках молодежи в 1891 и 1892 годах было более чем достаточно. В 1891 году, ознаменовавшемся колоссальным неурожаем, особенно в поволжских губерниях, разразился страшный голод.

Я помню голодающих крестьян, которые с лопатами и кирками в руках приходили с общественных работ, организованных в Самаре, и собирались у дома губернатора или у квартиры инженера Перцева, руководившего этими работами. Здесь они простаивали часами, ожидая распоряжения властей по поводу их требований о выдаче или об увеличении зарплаты (получали они очень мало: копеек 10—15 в день), или ждали назначения на новые места работы. Работы были организованы весьма неудовлетворительно: они заключались в дорожном строительстве, засыпке оврагов и велись без всякого плана. Крестьяне требовали оплаты простоев, но администрация отказывала им в этом. Толпы голодающих были очень беспокойны и разговаривали с начальством весьма непочтительно. Это создавало напряженную атмосферу, так как применение обычных в таких случаях репрессий — арестов «зачинщиков и подстрекателей» — было небез-

опасно. Истомленные голодным существованием, бессмысленной и тяжелой земляной работой под знойным самарским солнцем, крестьяне могли наделать больших неприятностей властям.

Либералы из числа самарских земцев и чиновников, при поддержке народнической интеллигенции, организовали комиссию «помощи голодающим». Вопросы, связанные с отношениями к этой комиссии, были темой разговоров в кружках подпольщиков. Обсуждались они и в нашем кружке, причем Владимир Ильич, разъясняя смысл подобных организаций в условиях царского режима, резко высказывался против какого бы то ни было отождествления работы в этой комиссии с революционной деятельностью. Стычки по этому поводу у него были как с В. Водовозовым, так и с другими филантропами.

Вслед за голодом в Самаре летом 1892 года вспыхнула холера. Люди умирали сотнями (были дни с тремястами смертных случаев), в деревне возникали холерные бунты, обрушившиеся прежде всего на врачей и фельдшеров. В городе началась паника.

...Панику в городе усилил приезд «холерного диктатора» принца А. П. Ольденбургского, командированного из Петербурга для борьбы с холерой и усмирения крестьянских бунтов. Городской голова, купец Аржанов, встретивший «диктатора» на пристани в полной парадной форме, стоял перед ним с непокрытой головой. Принц выдернул у него из-под мышки чиновничью форменную треуголку, надел ему на голову и, прихлопнув ладонью сверху, грозно сказал: — Вот как надо встречать меня!

Кружки подпольщиков волновали не только эти внутренние специфические самарские события, но и вести из столицы и других промышленных центров. До нас доходили сведения об арестах социал-демократических кружков в Москве, о волнениях рабочих на Дону (в Юзовке) и в Польше, где генерал-губернатор Гурко применял суровые меры против забастовщиков («Патронов не жалеть» — такова была директива). В кружках следили за начавшимся в России промышленным кризисом и нарастающим рабочим движением.

Однако этот интерес был больше теоретический,

так как эти события развертывались далеко от Самары и ни в какой мере не затрагивали самарское «культурное» общество, а прочных связей с рабочей массой кружки марксистов еще не имели.

Владимир Ильич за последние годы своей жизни в Самаре написал несколько значительных работ и некоторые из них читал в нашем кружке. Одна из этих статей являлась подстрочным комментарием к книге В. В. (В. П. Воронцова) «Судьбы капитализма в России». Другая была посвящена одной из работ С. Н. Кривенко (известного в то время народника, сподвижника В. В.). В третьей статье он изложил содержание книги В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство».

Произведя «систематизацию материалов Постникова», как выражался В. И. Ленин, и дополнив их своими выкладками, он сделал «обзор политико-экономических различий» отдельных групп крестьянского хозяйства юга России и сформулировал ряд весьма ценных и новых для того времени выводов относительно классового строения деревни, которые были совершенно чужды автору книги — Постникову. Позднее, как известно, Владимир Ильич, пополнив свою работу цифровыми материалами целого ряда земских и иных исследований экономики русской деревни, ввел ее в содержание своей книги «Развитие капитализма в России», написанной уже в ссылке.

Свой доклад о книге Постникова Владимир Ильич делал на кружке осенью 1892 года. В этом докладе он, сколько я помню, подчеркивал следующие мысли: народники не стоят на классовой точке зрения и не понимают роли и значения классовой борьбы, развертывающейся в деревне. Они не умеют поэтому пользоваться надлежащим образом статистическими материалами. Смазывая классовые различия между группами крестьянских хозяйств (богатых, средних и бедноты), народники получают ничего не говорящие средние цифры и на них основывают свои выводы, относящиеся вследствие этого к какому-то среднему, не существующему в природе крестьянскому хозяйству.

Признавая достоинством работы Постникова замену им обычных для земской статистики средних групповыми показателями, Владимир Ильич указывал, что

и сам Постников не провел систематического разделения крестьянских хозяйств на «ясные» группы и потому он едва ли вправе делать подобные упреки земской статистике. Постников не стоял на четких позициях классового анализа дифференциации крестьянского хозяйства и вследствие этого либо обходил молчанием важнейшие вопросы экономики выведенных им групп хозяйств, либо давал им неправильное истолкование.

Приводя рассуждения Постникова о культурном значении для страны торговой площади ее земельных угодий, Владимир Ильич заметил что здесь автор забывает существование в деревне натурального хозяйства, не производит учета денежной части дохода от сельского хозяйства в различных группах и впадает, таким образом, в обычную ошибку вульгарной политической экономии.

Пытаясь найти причины расслоения крестьянства, Постников совершенно сбивается с пути и начинает искать эти причины в пьянстве, конокрадстве и тому подобных пороках крестьян, обычно выдвигаемых буржуазными экономистами. Вместе с этими «причинами» он формулирует свой «закон перенаселенности земледелия в России, перенасыщенности земледелия трудом» и видит в нем причину разложения крестьянства, что, разумеется, Владимир Ильич полностью отвергал. Постников обходил молчанием вопрос о продаже рабочей силы беднейшими группами крестьянских хозяйств, об эксплуатации их зажиточной верхушкой и т. д.

Отмечая большое число таких недостатков в работе Постникова, Владимир Ильич дал в своем докладе ряд выкладок и таблиц, построенных на основании первоисточников — земских статистических сборников по Таврической губернии, — и делал из них соответствующие выводы. Практические мероприятия, предлагаемые Постниковым для «разрешения аграрного вопроса», сводятся к мелкобуржуазному реформаторству, и Владимир Ильич называет эту часть его работы «наиболее слабой», отказываясь даже излагать рассуждения автора на эту тему.

Помню также полемическую статью о роли русской интеллигенции в революционном движении. Эта рабо-

та и упомянутая выше статья против В. В. были несомненно первыми фрагментами произведения «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» или, во всяком случае, были широко использованы Лениным в этом произведении. О правильности моего утверждения говорят следующие соображения и факты.

Из работ либеральных народников, направленных против марксистов, В. И. Ленин упоминает в «Друзьях народа» ряд статей и книг, вышедших в свет не позднее 1893 года, то есть его отъезда в Петербург. Из этих работ можно отметить следующие: статьи Николая — она (Н. Ф. Данильсона), печатавшиеся в журнале «Слово», собранные и изданные автором в 1893 году отдельной книгой «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства»; книгу В. В. «Судьбы капитализма в России», его же статьи в журналах «Русское богатство» и «Северный вестник», изданные затем в виде отдельных книг: «Наши направления», «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве»; статья Н. И. Кареева «Источники исторических перемен», напечатанная в «Русском богатстве» за 1892 год. (№ 1). Наконец Н. К. Михайловский выступил в июньской книжке «Русской мысли» за 1892 год с обвинением марксистов в стремлении «отделить производителя от средств производства» (обезземеливание крестьян). В майской книжке «Русского богатства» за 1893 год была напечатана анонимная хвалебная рецензия на книгу Николая — она, принадлежавшая также перу Михайловского.

На многие из этих и подобных им политических выступлений против марксизма Владимир Ильич реагировал статьями или докладами на кружке еще в Самаре. Это мне очень хорошо помнится.

В «Друзьях народа» мы находим целый арсенал ленинских выражений не только против чисто теоретических построений либерального народничества, но и против их ошибочной трактовки ряда важнейших вопросов эволюции крестьянского и общественного хозяйства в России. Подавляющее большинство этих возражений фактического порядка опирается на старые статистические и иные материалы 70—80-х годов, которые использовались В. И. Лениным еще в его

выступлениях на самарском кружке. Это же оружие он использовал и в «Друзьях народа», направляя свои удары против выступлений критиков марксизма (особенно в «Русском богатстве» в 1894 году), когда эти выступления стали чрезвычайно озлобленными и нетерпимыми. Наличие большого ранее подготовленного вспомогательного материала значительно облегчило работу В. И. Ленина над «Друзьями народа». Этим отчасти можно объяснить тот факт, что «Друзья народа» были написаны в короткий срок: к работе над ним Ленин, как известно, приступил весной 1894 года, и в марте¹ был уже готов первый выпуск размером более 3½ печатных листа, в апреле был написан второй выпуск (размеры которого неизвестны) и летом того же года, на даче под Москвой, Владимир Ильич писал третий² выпуск в шесть с лишним печатных листов. Таким образом, вся работа, вероятно, была размером не менее 12 печатных листов.

Осенью 1894 года Владимир Ильич уже читал в марксистском кружке в Петербурге свой доклад по поводу книги П. Б. Струве «Отражение марксизма в буржуазной литературе»³. На основе этого доклада была затем составлена известная статья против Струве размером около девяти печатных листов. Едва ли

¹ Автором допущена неточность. Работу над первым выпуском книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин закончил не в марте, а в апреле 1894 года. (См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 87). — *P d.*

² Работу над третьим выпуском книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин закончил в июне 1894 года в Петербурге, до поездки в Москву. (См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 88). — *Ред.*

³ Автором допущены неточности. Такой книги у П. Б. Струве нет. Так назывался реферат, с которым В. И. Ленин выступил на дискуссионном собрании революционных марксистов и представителей петербургских «легальных марксистов». Реферат В. И. Ленина «Отражение марксизма в буржуазной литературе» был направлен против книги П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Основные положения реферата В. И. Ленина вошли в написанную позднее книгу «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с: 566, т. 16, с. 97; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 92). — *Ред.*

могут быть сомнения в том, что эти две крупные литературные работы, написанные В. И. Лениным в какие-либо восемь-девять месяцев, в значительной мере основаны на фактическом материале, подготовленном автором еще в Самаре.

Споров по поводу доклада о книге В. Постникова в кружке не было. Были только вопросы. Мы уже настолько освоились с основными положениями марксистской теории, что классовые группировки крестьянских хозяйств в исследованиях, подобных работе Владимира Ильича, считали единственно возможными и правильными. Однако для того чтобы разобраться в цифрах, приведенных в статье Владимира Ильича, мы читали ее более внимательно дома, каждый в отдельности.

Я долго хранил некоторые статьи Владимира Ильича, пока их не отобрали жандармы у меня или у моего брата Т. И.¹, которому я передал одну из этих статей². Это были тетради в четвертую долю писчего листа, исписанные мелким четким почерком с многочисленными табличками, которыми всегда Владимир Ильич любил иллюстрировать и подтверждать изложение.

...Здесь необходимо остановиться на описании еще одного кружка, имевшего некоторые связи с А. П. Скляренко. Я имею в виду кружок Е. И. Казмановой и ее сына Ф. И. Казманова, известный тогда в среде самарской революционной интеллигенции под кратким, но выразительным названием «Мельница». Деятельность этого кружка стала проявляться в последний (1893) год пребывания Владимира Ильича в Самаре.

Елизавета Ивановна Казманова — вдова одного из участников процесса 193-х, студента технологического института Ивана Казманова — приехала в Самару с двумя детьми (Филадельфом и Зинаидой), училась здесь в фельдшерской школе, затем вышла замуж за А. Г. Буянова, бухгалтера одной из самарских мукомольных мельниц, и жила при этой мельнице на ок-

¹ Семенов Т. И. — *Ред.*

² Если память мне не изменяет, это была упоминавшаяся статья о феодализме в России. — *М. С.*

раине города, откуда их кружок и получил свое название.

Е. И. Казманова завела широкое знакомство с сармской молодежью, и в ее квартире постоянно сходилось много разнообразного народа. Тут мало было дела, но много разговоров, споров и бесконечное чаепитие. «Публика», наговорившись, заканчивала чаепитие поздней ночью и нередко вся тут же оставалась ночевать.

Дети Е. И. Казмановой — Филадельф Иванович и Зинаида Ивановна (оба мои ученики) — были хорошие ребята, но из них, впрочем, активных революционеров не вышло.

У Казмановых бывали многие из перечисленных выше учениц фельдшерской школы, В. А. Ионов, Митяга Юренков. Здесь постоянно жил слесарь Воткинского завода Вахрушев, впоследствии член первой Государственной думы из фракции трудовиков, и В. Федотов, готовившийся к экзамену за среднюю школу. Бывали иногда и мы с А. П. Спяренко.

Идейным руководителем «Мельницы» был В. А. Ионов, который посещал кружок чаще других, снабжал его литературой и проводил беседы. Отношение к «Мельнице» со стороны Спяренко и других серьезных работников подполья было пренебрежительное за ту шумиху, бестолочь и фактическое безделье, которые выделяли этот кружок из ряда других. Упомянутый выше В. Федотов, имевший к революционным кружкам чисто внешнее и случайное отношение, едко и злобно издевался над мельничными собраниями, но Казмановы все-таки считали возможным его постоянное пребывание в их квартире.

Владимир Ильич сношений с «Мельницей» не имел, но, разумеется, о существовании и деятельности этого кружка знал, тем более что он был знаком с В. А. Ионовым, ближе других соприкасавшимся с Казмановым.

Спяренко, всюду пытавшийся вносить организующее начало, решил использовать «Мельницу» для революционных целей и передал туда сначала свою библиотеку легальных изданий, а затем там же стали хранить и нелегальные издания. Сам он в это время, за

отъездом М. И. Лебедевой в Крым, ликвидировал свою квартиру и переселился к А. И. Самойлову.

Точно даты я не помню, но кажется, что начало новой деятельности «Мельницы» относится к 1893 году, когда между нелегальными изданиями были уже преимущественно марксистские, появившиеся в обращении и особенно всех интересовавшие благодаря пропаганде Владимира Ильича.

Нелегальной библиотекой распоряжался Скляренок, а легальные издания фактически находились в руках Филадельфа Казманова.

С этого времени мельничный кружок втягивается в деловую работу. Скляренок стал там бывать чаще, чтобы не допускать шумных, больших собраний, которые могли провалить хранящуюся там литературу.

Нужно сказать, что самарские подпольные кружки благодаря новому марксистскому направлению деятельности многих из них получили известность в Казани и Нижнем Новгороде. Самара стала некоторым притягательным центром для людей, интересующихся марксистским революционным учением.

В 1893 году и в последующие годы в Самару явилась целая группа бывших казанских студентов и другой молодежи, из которой запомнились мне следующие лица: Владимир Евгеньевич Андреев, Иван Алексеевич Керчкер, Михаил Георгиевич Григорьев, Петр Павлович Маслов, Исаак Христофорович Лалаянц. Точно не могу установить времени появления этих лиц в Самаре, кроме Лалаянца. Он приехал в начале 1893 года, Андреев и Керчкер, вероятно, также приблизительно в это время, а Маслов — в конце 1893 года, то есть уже после отъезда из Самары Владимира Ильича. М. Григорьев появился в Самаре в начале 1894 года незадолго до ареста нашего кружка (март 1894 года). Почти все эти лица держались тогда марксистского направления.

...Из перечисленных казанцев довольно близко сошелся с Владимиром Ильичем и с нашим кружком лишь один И. Х. Лалаянц, который часто бывал у Скляренко.

Кто из прочих членов этой группы, заставших еще Владимира Ильича в Самаре, вел с ним знакомство, я не знаю. Близкого знакомства с ним, по-видимому,

ни у кого из этих лиц не было. По крайней мере, я, частенько встречавшийся с Керчикером и Андреевым, не помню никаких разговоров с ними о Владимире Ильиче.

Два слова о Лалаянце. Он не обладал достаточной марксистской подготовкой, не имел даже законченного среднего образования (он окончил 6 классов реального училища в 1889 году) и, конечно, не мог идти по своему развитию ни в какое сравнение не только с Владимиром Ильичем, но даже с А. П. Скляренко. Лалаянец отличался резкостью, прямолинейностью суждений и живостью южанина. Скляренко, давший всем меткие прозвища, звал его Чивирядзе, и под этим именем Лалаянец был известен в нашем кружке.

Однажды мы с ним шли после какого-то собрания к нему на квартиру и вели жаркий спор. При входе в свою комнату Лалаянец в пылу горячего спора не перестал размахивать палкой и не поставил ее в угол, а с размаху пустил в глубину комнаты, где что-то зазвенело, вроде разбитой лампы. Тут только Лалаянец опомнился и увидел, что он не на улице, а в комнате. Вместе с тем он был очень хорошим товарищем и стойким революционером.

Знакомство Лалаянца и встречи его с Владимиром Ильичем в 1893 году продолжались не более двух месяцев (Лалаянец приехал в феврале или в марте 1893 года, а Владимир Ильич в мае уехал на все лето в деревню и в августе отправился в Петербург). О совместных выступлениях Владимира Ильича, Скляренко и Лалаянца на собраниях в 1893 году мне не приходилось слышать. Весной 1893 года, сколько я помню, было лишь одно собрание (на квартире железнодорожного служащего Балашова), но оно носило скорее увеселительно-танцевальный характер, чем характер кружкового собрания. На этом вечере был Владимир Ильич, были также Скляренко и Лалаянец. Но беседы и дискуссии на политические темы здесь не велись.

В том же году у Лалаянца был произведен обыск, закончившийся безрезультатно. Очевидно, обыск этот явился следствием прежних связей Лалаянца в Казани, так как никого больше на этот раз из нашего кружка жандармы не потревожили.

На собраниях нашего кружка, на которых обсуждались вышеупомянутые доклады Владимира Ильича (о книге Постникова, о работах В. В., Кривенко и других народников), Лалаянца не было — это я хорошо помню, следовательно, они происходили до его переезда в Самару, то есть зимой 1892/93 года.

В последующие месяцы 1893 года я не помню каких-либо докладов Владимира Ильича в кружке.

Следует отметить одну весьма характерную черту в отношениях Владимира Ильича к сотоварищам по кружку. Если нужно было кому-либо помочь в овладении тем или иным знанием в области марксистской теории, или убедить заблудившегося товарища в правильности того или иного положения этой теории, или же доказать ошибочность рассуждений и выводов того или иного автора, Владимир Ильич не щадил никаких трудов. Он готов был разыскать нужную книгу, даже сделать необходимые выборки, а иногда написать статью, чтобы осветить соответствующий вопрос самым обстоятельным образом. Отсюда и его многочисленные доклады на кружке по самым разнообразным вопросам марксистской теории, истории и экономики. Агитатор, пропагандист и чуткий, заботливый товарищ сочетались в нем в высокой степени полно и совершенно.

В частных сношениях с товарищами он был весьма добродушен, ласков и не прочь был повеселиться. Иногда Скляренок затаскивал его вместе с другими товарищами в пивной павильон Жигулевского завода на берегу Волги, и здесь компания за веселым разговором и шутками проводила час-другой. Владимир Ильич прозвал Скляренка за умение организовать такие увеселения «доктором пивоведения»¹. Разумеется, во время таких увеселительных прогулок нередко разгорались и споры по серьезным вопросам.

Впервые напечатано в кн.: Семенов М. И. (Блан М.). Революционная Самара. — Куйбышевское кн. изд-во, 1940, 88 с.

Печатается по кн.: Владимир Ильич Ленин в Самаре: Воспоминания современников. — Куйбышевское кн. изд-во, 1960, с. 36—85.

¹ У А. А. Белякова — «профессор пивопития» (см. настоящий сборник, с. 183). — *Ред.*

МОЯ
ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА
С ВЛАДИМИРОМ
ИЛЬИЧЕМ

С Владимиром Ильичем Ульяновым я познакомилась осенью 1891 года в Самаре, куда я была выслана под гласный надзор полиции. По тогдашнему обычаю у меня было несколько адресов к лицам, на которых я могла рассчитывать как на товарищей. В числе этих лиц был старый народник Николай Степанович Долгов. Он-то впервые мне и сообщил, что в Самаре живет семья Ульяновых. Об Александре Ульянове я, конечно, имела представление, но Долгов и всю семью изобразил в симпатичных для меня красках, причем сразу же выделил Владимира Ульянова как необыкновенного демократа. На мой вопрос, в чем заключается демократизм Владимира Ульянова, Долгов ответил: «Да так, во всем: и в одежде, и в обращении, и в разговорах, — ну, словом, во всем». Помню простую обстановку квартиры Ульяновых, просторную столовую, где стоял рояль и большой стол, покрытый белой скатертью... Но даже среди этой простой обстановки Владимир Ильич выделялся своей простотой. Иначе как в блузе или косоворотке я его тогда не видала. Обычный костюм его в то время — ситцевая косоворотка, подпоясанная шнурком.

Семья Ульяновых встретила меня очень радушно, но после рассказов Долгова мне, конечно, хотелось прежде всего увидеть Владимира Ульянова. Признаться, в первый момент я несколько даже разочаровалась: невидный, выглядевший старше своих лет молодой человек; хотя должна сказать, что прищурен-

ные, с каким-то особенным огоньком глаза бросались с первого взгляда. Почти весь вечер он молчал, играя с Долговым в шахматы. Когда я собралась уходить домой, Мария Александровна очень забеспокоилась, как я пойду одна на другой конец города, и Владимир Ильич вызвал-ся меня проводить.

Я хорошо помню это первое путешествие мое с Владимиром Ильичем по грязным и темным улицам Самары. Я говорю — первое, потому что потом мы часто так путешествовали: всякий раз я уходила от Ульяновых вечером, Владимир Ильич шел провожать меня, и вот тогда-то мы с ним и вели бесконечные разговоры и споры; впрочем, спорила больше я. Но вернусь к первому путешествию. Владимир Ильич очень подробно расспросил меня, как и зачем я очутилась в Самаре, и когда узнал, что я выслана по делу якобинцев-бланкистов, что я якобинка¹, он очень заинтересовался этим обстоятельством и, по-видимому, взял меня как объект для изучения. Вообще, припоминая Владимира Ильича в Самаре, я прихожу к заключению, что он изучал не только Маркса, но, пользуясь всяким случаем, всяким знакомством, впитывал в себя опыт прошлого революционного движения.



М. П. Голубева.

¹ Под именем якобинцев-бланкистов известна группа П. Г. Зайчневского, в которую входили А. И. Романова, Л. Г. Романов, В. П. Арцыбушев, А. И. Орлов, С. И. Мицкевич, М. П. Голубева-Яснева, Троеперстов и другие. — *Ред.*

«Лично из группы якобинцев Владимир Ильич знал только меня и Аделаиду Ивановну Романову, с которой виделся лишь весной 1892 года, и тем не менее с большим интересом расспрашивал о ней при встрече со мной в 1918 году и был, видимо, огорчен, что она не с нами, а с меньшевиками. Что же касается меня, то в письме ко мне в 1904 году из-за границы в Саратов он пишет о желательности возобновления самарских дружеских отношений (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 387—388. — *Ред.*); стало быть, он считал меня в числе друзей». — *М. Г.*

Владимир Ильич не только проводил меня до дому, но и зашел ко мне, и мы в этот первый вечер долго еще спорили с ним. От якобинцев перешли к Чернышевскому, от Чернышевского к Марксу. Помню, что я стородила какую-то ужасную нелепость насчет научного социализма и никак не хотела отказаться от своего мнения, а Владимир Ильич спокойно и уверенно развивал свою точку зрения, чуть-чуть насмешливо, но нисколько не обидно опровергал меня и сразу же дал мне маленький, но хороший урок. Расстались мы дружески. Я, конечно, решила, что буду обращать его в якобинскую веру, попробовала за это приняться, но скоро убедилась, что это более чем трудно. Все же дружеские отношения наши не прекращались. Виделись мы с Владимиром Ильичем раза два в неделю. В те дни, когда я бывала у Ульяновых (а это было в воскресенье), Владимир Ильич обычно шел провожать меня, заходил и в середине недели, приносил мне книги Н. — она, читал иногда какие-то свои заметки. Часто и много мы с ним толковали о «захвате власти» — ведь это была излюбленная тема у нас, якобинцев. Насколько я помню, Владимир Ильич не оспаривал ни возможности, ни желательности захвата власти, он только никак не мог понять — на какой такой «народ» мы думаем опираться, и начинал пространно разъяснять, что народ не есть нечто целое и однородное, что народ состоит из классов с различными интересами и т. п.¹

Меня, помню, страшно изумляла необычайная работоспособность Владимира Ильича. К Ульяновым я приходила обычно вечером, вечер проводила в обществе Анны Ильиничны и Марии Александровны, Владимира Ильича почти не видала, он сидел и работал в

¹ В. В. Водовозов в своих изданных за границей воспоминаниях «Мое знакомство с Лениным» пишет: «К захвату власти в ближайшем будущем Ленин относился безусловно отрицательно и слово «якобинец», которое он употреблял редко, он употреблял всегда с порицанием». Это неверно. О захвате власти в ближайшем будущем, конечно, в 1891 году было трудно говорить, но к идее захвата власти Владимир Ильич и тогда не относился отрицательно, — наоборот, вопрос этот его интересовал и тогда. — М. Г.

своей комнате, выходил только к чаю и ужину. Я в его комнате почти не бывала, и вообще в его комнату редко кто входил из домашних; помню только, что чаще других ходила туда Мария Ильинична, 12—14-летняя девочка, потому что Владимир Ильич, бывало, заберет ее и уведет к себе. Комнату Владимира Ильича все же я хорошо помню: небольшая комната, где прежде всего бросались в глаза письменный стол и книги, много книг; но что меня поразило, так это то, что на его письменном столе наряду с Марксом я увидела статистические сборники и, между прочим, издания земской статистики. В воскресенье Владимир Ильич тоже работал в своей комнате, выходил только к обеду; за обедом перекидывался словом-другим с М. Т. Елизаровым (мужем Анны Ильиничны), расспрашивал меня о новостях. После обеда обычно кто-нибудь приходил, и Владимир Ильич садился играть в шахматы; пробовал меня обучить игре в шахматы, но на этот счет я оказалась плохой ученицей. Владимир Ильич сначала сердился, а потом бросил. Иногда в эти воскресные дни мы целой компанией, т. е. Елизаровы, Владимир Ильич, я и молодежь, бывавшая у Ульяновых (А. П. Скляренко, А. А. Беляков и А. М. Лукашевич), отправлялись к А. И. Ливанову и его жене В. Ю. Виттен (бывшие ссыльные по процессу 193-х). Инициатором этих визитов был Владимир Ильич, и я, помню, удивлялась, с каким вниманием и как серьезно Владимир Ильич слушал незатейливые, а иногда и курьезные воспоминания В. Ю. Виттен.

Помню еще, что раза два Владимир Ильич ходил к губернскому земскому статистику Ивану Марковичу Красноперову. Я у Красноперовых давала уроки детям, и вот, помню, уходя однажды с урока, я в передней столкнулась — и очень этому удивилась — с М. Т. Елизаровым и Владимиром Ильичем. Помню, как, здороваясь с Красноперовым и показывая на Владимира Ильича, Елизаров сказал: «Идем на вас». При разговоре Владимира Ильича с Красноперовым я не присутствовала, но слышала тогда же от Елизарова, что Владимир Ильич здорово пощипал старого народника Красноперова. Красноперов даже в 1917 году не забыл этого.

Любопытно отметить, что некоторые идейные про-

тивники Владимира Ильича с первого же раза начинали к нему относиться неприязненно, хотя Владимир Ильич в спорах с ними не допускал никаких личных выпадов. Может быть, они чувствовали его превосходство и не хотели с этим мириться. Владимир Ильич, наоборот, как настоящий стратег, с большим вниманием и интересом относился к каждому новому человеку, расценивая его как солдата, с точки зрения пригодности для будущего боя, и в своей оценке редко ошибался. Вспоминается мне по этому поводу один эпизод из самарской жизни. Весной 1892 года приехала ко мне моя близкая приятельница и единомышленница, в то время якобинка, Романова. Романова была умная женщина, хороший оратор, но со слабой сравнительно теоретической подготовкой и потому в спорах больше отделялась общими местами. Когда она приехала ко мне в Самару, я, натурально, повела ее прежде всего к Ульяновым, пропев по дороге дифирамбы Владимиру Ильичу. За эти дифирамбы она обозвала меня изменницей якобинским принципам, но все же заинтересовалась Ульяновым. Виделась она с Владимиром Ильичем раза два: один раз мы были у Ульяновых, другой раз при ней ко мне заходил Владимир Ильич.

Были среди идейных противников Владимира Ильича и такие, которых он не то что не любил, а мало интересовался ими. К числу последних можно отнести Василия Васильевича Водовозова. Водовозов тоже был наш товарищ по несчастью, т. е. тоже отбывал административную ссылку в Самаре. Он был полной противоположностью Владимиру Ильичу. В то время как Владимир Ильич весь свой умственный багаж претворял в жизнь, Водовозов был скучной ходячей энциклопедией; это был чемодан, туго набитый книгами, но пользы от этого было мало кому. Мне как-то досадно было, что капитал пропадает даром, и я подбила однажды Водовозова выступить перед самарской молодежью с каким-либо рефератом. Насколько мне помнится, он зимой на своей квартире сделал доклад о германской социал-демократии. На этом докладе был и Владимир Ильич. Он выступил как оппонент Водовозова, оспаривая слишком «парламентаристскую» (не подберу другого выражения) точку зрения послед-

него. Особенных резкостей со стороны Владимира Ильича не помню, но помню, что Водовозов остался недоволен этим диспутом. У Ульяновых первое время, т. е. с осени 1891 года, Водовозов бывал сравнительно часто, потом стал ходить гораздо реже и на мой вопрос, почему он редко ходит к Ульяновым, ответил, что у них ему «скучно».

Владимир Ильич, по-моему, мало интересовался обществом Водовозова, ему тоже с Водовозовым было скучно.

Впервые напечатано в кн.: В. И. Ленин в Самаре. 1889—1893: Сборник воспоминаний. — М.: Партиздат, 1933, с. 63—68.

Печатается по кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти томах. — 2-е изд. Т. 2. — М.: Политиздат, 1979, с. 30—33.

ПОСЛЕДНИЙ КАРАУЛ

Когда я стояла в течение нескольких часов в последний раз на Красной площади вблизи гроба Владимира Ильича и передо мной мелькали вереницы процессий, с поразительной ясностью и отчетливостью встал в моем воображении во весь свой гигантский рост образ этого великого и вместе с тем такого простого, хорошего человека. Более чем когда-либо, для меня стало ясно, что 20-летний юноша Ульянов (каким я его знала) и великий вождь всемирного рабочего движения — Ленин, все тот же, как бы вылитый из стали, Ильич, с ясной формулировкой поставленных им задач, с непреклонной волей и упорством в достижении намеченных целей.

Язык мой слишком беден, чтобы хоть в общих чертах отразить то, что рисуется в моих мыслях, и потому я просто попробую, в связи со своими воспоминаниями, подчеркнуть отдельные штрихи, характерные для Владимира Ильича.



У рабочих Самарских железнодорожных мастерских.
Художник Б. Лебедев.

Познакомилась я с ним в 1891 году. Ему тогда только что исполнился 21 год. Был он исключен из Казанского университета, выслан из Казани и жил со своими родными в Самаре. Обычный костюм его в то время — ситцевая синяя косоворотка, подпоясанная шнурком, а обычное занятие—глубокое, серьезное, настойчивое изучение теории Маркса. В течение года я видала Владимира Ильича довольно часто, так как часто бывала в семье Ульяновых. Это был период когда Владимир Ильич готовился к будущей роли вождя всемирной революции. Конечно, он не думал тогда, какую роль он будет играть в истории, нет, — пытливый ум юноши Ульянова искал ответов на те жгучие вопросы, которые ставила ему жизнь, упорно искал — и скоро нашел.

Такой настойчивости, такого упорства в труде, какие были у Владимира Ильича уже в то время, я никогда ни у кого не видала. Я до самого последнего времени думала, что это были черты, присущие его характеру. И только недавно от сестры его, Анны Ильиничны, узнала, что на гимназической скамье Владимир Ильич не был особенно усердным мальчиком; это понятно: при его блестящих способностях ему все легко давалось; но уже в последних классах гимназии, по словам той же его сестры Анны Ильиничны, он задумывался над вопросом выработки в себе этого хорошего качества—упорства в работе; задумался, решил и выполнил блестяще. Целыми днями и вечерами сидел Владимир Ильич в своей комнатке, изучая Маркса; лишь изредка давал он себе отдых или играя в шахматы, или беседуя со своей маленькой сестрой, Марией Ильиничной — Маняшей, как он звал ее тогда.

Изучение Маркса у Владимира Ильича не было оторванным от жизни. Рядом с Марксом на его столе лежали статистические сборники, в которых слабо, но все же отражалась русская действительность. Впоследствии, в 1894 году, питерские товарищи прозвали его «стариком» за его цитаты с цифрами. Знакомился он в тот период и с прошлым нашего революционного движения; ходил иногда беседовать со старыми народолюбцами и народниками, осевшими после ссылки в Самаре. Интересовался и тем революционным течением, к которому принадлежала я (русских яко-

бинцев-бланкистов). Здесь я должна упомянуть об одном маленьком эпизоде, не особенно лестном для меня, но характерном для Владимира Ильича: когда я с ним познакомилась (я старше его на 9 лет), за мной был 10-летний опыт партийной работы, между прочим, по ведению кружков молодежи, и у меня, как у всякого профессионала, выработался определенный шаблонный подход к людям, в особенности к молодежи; с этим шаблоном я подошла и к Владимиру Ильичу и, что называется, наскочила. Я сразу же не то поняла, не то почувствовала. что этот юноша отмечен какой-то особой печатью, и что не мне поучать его, а самой, быть может, придется у него поучиться.

Припоминая свои беседы с Владимиром Ильичем, я теперь еще более, чем раньше, прихожу к заключению, что у него уже тогда являлась мысль о диктатуре пролетариата. Недаром же в разговорах со мной Владимир Ильич так часто останавливался на вопросе о захвате власти, он только никак не мог понять, на какой такой «народ» мы думаем опираться, и начинал пространно разъяснять, что народ не есть нечто целое и однородное, что народ состоит из классов с различными интересами и т. п. Вел Владимир Ильич за этот период и практическую работу: около него группировался кружок молодежи, перед которым он выступал с рефератами.

Укажу еще на один факт из жизни Владимира Ильича за этот период; обосновать его я не берусь, а указываю лишь как факт: в этот год в Самарской губ. был страшный голод. Русское правительство и русский либерализм боролись по-своему с последствиями голода, открывались столовые и т. п. Из всей самарской ссылки только Владимир Ильич и я не принимали участия в работах этих столовых. Конечно, нежелание помочь голодающим руководило в данном случае этим отзывчивым к чужому горю юношей: очевидно, он считал, что пути революционера должны быть иные...

Осенью 1892 года я уезжала из Самары в Сибирь. Владимир Ильич ехал тогда со мной на пароходе до Казани. Какова была цель его поездки, я не припомню, — может быть, он ехал тогда в Петербург держать экзамен на кандидата прав, к которому он за

этот же период готовился.¹ Помню только, что, сидя со мной на палубе парохода, он вытаскивал из кармана какие-то тетрадки и вычитывал оттуда различные выдержки. Была ли в этих тетрадках в черновом виде его, вышедшая теперь, книжка «Что такое «друзья народа»,² или какая-нибудь другая написанная им вещь, но во всяком случае прочитанные им выдержки вырисовывали его, как вполне сложившегося марксиста-революционера, а ему был лишь 23-й год.

Следующая моя встреча с Владимиром Ильичем была на рубеже 1893—1894 годов в Москве, где он выступал на довольно большой для того времени вечеринке и одержал блестящую победу марксиста над народничеством в лице известного народника В. В. (Воронцова)³...

...Попробую теперь охарактеризовать Владимира Ильича, как человека и как товарища, хорошего товарища. Он и тут был велик и прост, подходя к каждому из нас по-товарищески, по-коммунистически. Помню 1905—1906 годы; у меня штаб-квартира для свиданий Владимира Ильича с членами ЦК и Петерб. к-та. Владимир Ильич всегда приходил первым, ни разу не опоздал. Кроме того, зная, что каждый из нас считал за честь предоставить в его распоряжение свою квартиру, зная мое личное хорошее отношение к нему, Владимир Ильич, тем не менее, приходя, всякий раз как бы извинялся и говорил: «Вот опять часа на два придется занять вашу квартиру». А как хорошо Владимир Ильич умел распекать товарищей; он де-

¹ Допущена неточность. В. И. Ленин ездил сдавать экзамены в Петербург весной (март, апрель) и особенно (сентябрь, октябрь) 1891 года. 22 ноября (4 декабря) 1891 года испытательная комиссия при Петербургском университете выдала В. И. Ленину свидетельство за № 205 на получение диплома первой степени. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 54—57, 58—61. — *Ред.*

² Речь идет о книге В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — *Ред.*

³ Эта встреча состоялась 9(21) января 1894 года. Как отмечалось в донесении Московского охранного отделения в департамент полиции, защиту своих взглядов он провел «с полным знанием дела». Это было первое публичное выступление Ленина в Москве. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 84. — *Ред.*

лал это иногда, но делал так, что становилось не обидно, а стыдно за свой промах.

Вспоминается весна 1906 года. Владимир Ильич приехал со съезда и, вместо того чтобы прислать кого-нибудь, сам зашел ко мне за явкой. Рассказывая ему о том, что делалось в Питере за время его отсутствия, я с величайшим огорчением и опаской передала ему о том, что мы устроили митинг в театре Неметти, что у нас не было хороших ораторов, что меньшевики выпустили Мартова и нас побили. Владимир Ильич выслушал, чуть-чуть прищурился, улыбнулся своей хитрой улыбкой и сказал: «Не беда, авось, когда-нибудь с ними сквитаемся».

Перехожу теперь к последней своей встрече с Владимиром Ильичем в марте 1919 года. Он тогда приезжал в Питер на похороны М. Т. Елизарова. Я уже стояла у гроба, когда вошел Владимир Ильич. Первым моим порывом было подойти к нему (мы несколько лет не виделись), но я не знала, как отнесутся к этому окружающие, и осталась на месте. Владимир Ильич увидал меня, сам подошел ко мне, и мы отправились с ним в больничный сад. Я как сейчас помню проваливающийся снег под ногами, фигуру и голос Владимира Ильича. Он вспомнил прежде всего Самару. Думаю, что Владимир Ильич любил самарский период жизни, потому что, когда бы мы с ним ни встречались, у нас неизменно начинался разговор с Самары. Расспрашивал и в этот раз о самарцах, о том, где они, что с ними, работают ли, в партии ли. Расспросил, как я живу, что делаю, расспросил о моих детях, учатся ли, не голодают ли; эти вопросы были так естественны в то время, но не для Владимира Ильича (как мне казалось тогда), на плечах которого лежала забота о пролетариате всего мира. А на прощанье Владимир Ильич задал мне вопрос, который немного ошеломил меня, ошеломил тем, что Владимир Ильич, этот, всеми признанный вождь всемирной революции, все знающий, интересуется, тем не менее, мнением самого рядового партийца. Владимир Ильич спросил меня: «Как вы думаете, вернемся мы к прошлому или нет?» Я чистосердечно и убежденно ответила: «Нет,— может быть, нас ждут еще частичные поражения, но к прошлому не вернемся». Владимир Ильич, по-види-

мому, остался доволен моим ответом. Это было наше последнее свидание. После этого я видала и слышала Владимира Ильича только с трибуны. Но не раз еще пришлось мне убедиться, что Владимир Ильич остается по-прежнему хорошим, заботливым товарищем. Ни разу я ни за чем не обращалась к Владимиру Ильичу, ни разу не напоминала о себе, и тем не менее, Владимир Ильич не раз выручал меня в тяжелые минуты жизни. Этот необыкновенный человек являл собой разительный пример того, как могут сочетаться величие и простота, суровость и человечность в самом лучшем значении этого слова.

Впервые напечатано в журн.:
Молодая гвардия, 1924,
№ 2--3, с. 29—31.

Печатается по журналу.

О ПРЕБЫВАНИИ
В. И. ЛЕНИНА
В САМАРСКОЙ
ГУБЕРНИИ¹

В конце 80-х годов я с несколькими товарищами приехал в Самарскую губернию, где мы хотели основать земледельческую коммуну.

До этого я жил в текстильном районе, в Ковровском и Шуйском уездах Владимирской губернии. Здесь среди ткачей у меня много знакомых. В то время текстильщики мало чем отличались от крестьян: работая на фабрике, они сохраняли связь с деревенским хозяйством. Большинство из них по окончании работ возвращались к себе в деревню. В фабричных казармах жило небольшое число рабочих.

Вообще количественно промышленный пролетариат тогда еще был невелик.

В то время я был народником, хотя и не все их взгляды разделял. Я был убежден, что именно через крестьян можно достигнуть коммунистического строя. С целью пропаганды этой идеи на деле я и группа моих товарищей решили поселиться коммуной и стали искать землю во Владимирской губернии. Не найдя ее там, мы уехали в Самарскую губернию, где можно было получить землю, чтобы заняться хлебопашеством.

По приезде в Самарскую губернию я с товарищами поселился на земле крупного землевладельца и бывшего золотопромышленника К. М. Сибирякова. В середине 70-х годов Сибиряков начал вести в Самарской губернии крупное сельское хозяйство на капиталистических началах, для чего выписал из-за границы сель-

¹ Печатается в сокращении.

скохозяйственные машины: английские паровые плуги, сеялки, молотилки и другой инвентарь. В конце концов у Сибирякова из его попытки ничего не вышло. Паровые плуги стояли в овраге, где я их видел еще в 1897 году, пахали же «сабаном»¹. Железными 3-лемешными плугами Рамсона так никто и не пользовался.

В 1887 году Сибиряков начал ликвидировать свои земли, находившиеся в трех волостях Самарского уезда: Богдановской, Тростянской и Хилковской. Большую часть владений Сибирякова купило удельное ведомство, часть земли была распродана мелкими участками, часть перешла к купцам.

Мне с товарищами управляющий Сибирякова Зубилов (из казаков, окончил Петровско-Разумовскую академию) продал хутор в 100 десятин земли (так называемый хутор Шарнеля) в трех верстах от Алакаевки.

До получения хутора Шарнеля мы, колонисты, временно жили на Алакаевском хуторе, который позже приобрела М. А. Ульянова. Хутор Шарнеля мы купили в 1888 году, а Ульяновы переехали в Алакаевку в 1889 году. Тогда же, весной или летом 1889 года, я впервые встретился с М. А. Ульяновой у управляющего уделным округом, который вызвал нас, шарнелевцев, М. А. Ульянову и других для разрешения вопроса о размежевании наших земельных участков от земли удельного ведомства. Меня поразило доброе выражение лица Марии Александровны и затаенная грусть в глазах. Ни нам, шарнелевцам, ни М. А. Ульяновой не предложили сесть, и все разговоры велись стоя...

В 1888—1889 гг. в нашей коммуне сначала в Алакаевке, а позже на хуторе Шарнеля бывало много



А. А. Преображенский.

¹ Деревянный плуг с железным лемехом. — А. П.

студентов, приехавших даже из Малороссии. Приезжали они к нам с намерением «сесть на землю»¹.

Тогда же я познакомился в с. Тростянке с фельдшером, бывшим студентом Казанского университета, Дмитрием Александровичем Гончаровым². С ним мы много говорили о роли и значении студенчества в революционном движении. Уроженец Симбирска, Гончаров хорошо знал отца Владимира Ильича и бывал у Ульяновых в Алакаевке.

Во время одной из бесед с Гончаровым он сказал мне, что среди студентов он знает одного, который будет гением в области статистики, и назвал Владимира Ильича Ульянова. Я усомнился, можно ли создать что-либо гениальное по статистике, но Гончаров настаивал на своем мнении.

Однажды я приехал в Самару по делам. Гончаров повел меня к Ульяновым, где я познакомился с Владимиром Ильичем. Владимир Ильич казался одинакового возраста со мной. Он даже выглядел солиднее меня и производил впечатление вполне зрелого человека, несмотря на то, что я был старше его на восемь лет. У него была небольшая бородка, подстриженная клинышком, и усы. При первой моей встрече с Владимиром Ильичем присутствовал какой-то молодой человек, с бледным лицом, без усов, без бороды, который во все время нашего разговора не произнес ни слова. Кто это был, не помню. Вероятно, мое знакомство с Владимиром Ильичем имело место зимой 1889/90 года.

Владимир Ильич, видимо, уже знал обо мне от Гончарова. При встрече мы заговорили о крестьянах, и я дал характеристику крестьянства, противоречащую народнической оценке. Владимир Ильич остался доволен моей характеристикой.

К этому времени я уже успел в достаточной степени разочароваться в прирожденной преданности

¹ Шарнелевская колония описана Карониным-Петропавловским в журнале «Русская мысль» за 1890 год под именем «Борская колония». — А. П.

² Из Казанского университета Д. А. Гончаров был уволен за участие в студенческих беспорядках. — А. П.

крестьянства коммунистическим идеям и, сколько могу судить, относился к крестьянству без иллюзий и предрассудков. К тому же во время голода в Поволжье у меня незадолго до знакомства с Ульяновым произошло столкновение с зажиточными крестьянами, во главе которых стоял Афанасий Балабин (Каштан). Этот Балабин под своей фамилией описан, между прочим, у Глеба Успенского в его «Трех деревнях». Столкновение произошло по следующему поводу. Для оказания помощи крестьянам Сибиряковым было ассигновано две тысячи рублей. Местный комитет, членом которого я был, хотел помогать бедноте. Но зажиточные крестьяне были против. Балабин говорил: «Надо поддерживать не их, а нас, потому что у них никогда ничего не было и не будет». Хотели даже бить меня. Об этом эпизоде я тоже рассказал Владимиру Ильичу. Он спросил меня, отчего я не напишу статью о крестьянстве для печати. Я ответил, что мою характеристику крестьян нигде не напечатают, поскольку она шла бы в разрез с господствующим народническим направлением. В доказательство этого я рассказал Владимиру Ильичу об одной своей корреспонденции в «Самарский вестник», в которой этот вопрос едва был затронут. Заметка была возвращена мне редакцией с пометками цензора. Статья была перечеркнута, а на полях рукописи, в противовес моим утверждениям, в соответствующих местах были сделаны пометки: «у нас есть царь», «у нас есть родина», «у нас есть бог».

По требованию редактора газеты Реутовского я возвратил эту статью в редакцию. Когда я рассказал об этом эпизоде Владимиру Ильичу, то он нашел, что статью надо было не возвращать в редакцию «Самарского вестника», а послать в Петербург в какой-нибудь из тогдашних толстых журналов.

Впоследствии мне приходилось не раз бывать на квартире Ульяновых в Самаре. Обстановка квартиры была самая простая. Владимир Ильич имел свою комнату. Летом, живя в Алакаевке, Владимир Ильич часто в 6—7 часов вечера приходил ко мне на хутор Шарнеля. Мы вели с ним продолжительные споры, иногда затягивавшиеся до утра. После этого я шел провожать Владимира Ильича, но, дойдя до определенного места, мы снова возвращались, оживленно



В. И. Ленин беседует с крестьянами д. Алакаевки
(с картины художника П. Сабанова).

споря, и так долго провожали друг друга, прежде чем разойтись.

Наши споры касались главным образом крестьянства. Я отстаивал ту мысль, что капитализм мало или вовсе не захватил крестьянство, и, считая, что с крестьянами революции не сделаешь, находил положение безвыходным. Владимир Ильич доказывал мне, что только рабочий класс может стоять во главе революционного движения, а не крестьянство. Я в ряде пунктов с ним не соглашался. Спорили мы с цифрами в руках, с ссылками на книги, с продолжением споров на другой день. Как только, бывало, я в споре с Владимиром Ильичем допущу какой-нибудь промах,— у него сейчас же заблестит зеленый огонек в глазах: «Ну, ну, брат, поправляйся». Кажется, я доказывал, что, прежде чем у нас разовьется настоящий

капитализм и образуется настоящий пролетариат, Россия превратится в колонию, так как у нас тогда капитализм еще был слабо развит.

Во время одного из споров Владимир Ильич спросил меня, читал ли я Николая — она, кажется, «Экономическое развитие России». Эту книгу я только просматривал, но не читал¹. «Чтобы прочесть ее, — говорю Владимиру Ильичу, — нужен целый год».

Владимир Ильич ответил, что он прочитал ее в шесть недель. «Я принесу ее тебе со своими выписками», — добавил он. Вскоре Владимир Ильич принес мне эту книгу. Она была без переплета. Заметки и выписки Владимира Ильича были сделаны карандашом на листах курительной бумаги № 7, сложенных пополам и сшитых в тетрадь обыкновенного формата. Вся тетрадь была испещрена очень мелким, но четким почерком.

В беседах с Владимиром Ильичем я рассказывал ему, между прочим, о жизни текстильных рабочих Владимирской губернии. В разговоре со мной Владимир Ильич упоминал имя Маркса.

Наш хутор Шарнеля служил местом паломничества крестьян-сектантов, ищущих правды и спрашивавших, как жить по-божьи. Один из них, крестьянин Алюс из села Старого Буяна (он описан у Пругавина), знал наизусть всю библию, другой, Кисликов из села Гвардейцы, оно же Преображенское, тоже хорошо знал библию. Владимир Ильич встречался с ними обоими у меня. Кисликов давал ему читать свои стихи...

Для подтверждения того, что капитализм проникает в деревню и происходит процесс пролетаризации крестьянства, Владимир Ильич предложил мне произвести подворное обследование с. Неяловки, Тростянской волости, Самарского уезда. Опросный бланк был составлен нами совместно в Самаре в конце лета 1893 г. и тогда же был отпечатан Владимиром Ильичем за свой счет в количестве 200—250 экземпляров. Бланк представлял собою полулист, весь за-

¹ По-видимому, автор имеет в виду книгу Даниельсона Н. Ф. «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». — СПб, 1893. — *Ред.*

полненный графами. Обследование я производил вместе с сельским писарем после отъезда Владимира Ильича из Самары. Позже из Петербурга он прислал мне несколько писем с просьбой поскорее выслать ему результаты обследования. После окончания обследования все бланки я отправил Владимиру Ильичу в Петербург.

Впервые напечатано в кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. — М.: Госполитиздат, 1960, ч. 3, с. 14—17.

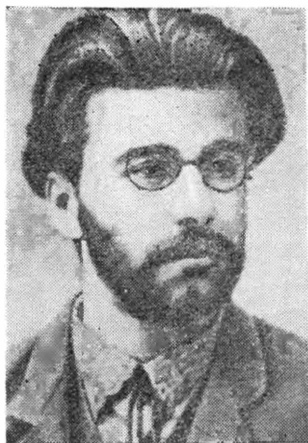
Печатается по кн.: Владимир Ильич Ленин в Самаре: Воспоминания современников. — Куйбышевское кн. изд-во, 1960, с. 158—163.

И. Х. Палаянц

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
«О МОИХ ВСТРЕЧАХ
С В. И. ЛЕНИНЫМ
ЗА ВРЕМЯ
1893 — 1900 ГОДОВ»¹

...Перед новым, 1893 годом жандармерия совершила крупный набег на различные подпольные организации Казани, забрав свыше полсотни лиц (предательство студента Острянина). В числе арестованных оказался и я. Продержав в тюрьме месяца два, жандармы большинство из арестованных освободили «впредь до приговора» под негласный надзор полиции; освобожденным таким образом предлагалось в трехдневный срок покинуть Казань. Мне лично было предложено «свободно выбрать» и указать, где именно я намерен поселиться до приговора, «любезно» при этом перечислив города, куда я не должен направляться. Список запретных мест оказался довольно обширным. Достаточно сказать, что в него входили помимо, конечно, столиц все университетские города, все фабрично-заводские центры и ряд «неблагонадежных», с жандармской точки зрения, городов, как-то: Саратов, Нижний, Тверь, Тифлис и т. д. Узнав о такой «свободе» выбора, я было запротестовал, но мне с неизменной улыбкой ответили, что в таком случае я могу продолжать сидеть в тюрьме. Делать нечего, приходилось «выбирать». И в конце концов я остановился на Самаре, правда, не имея в то время ни малейшего представления о житье-бытье этого города.

¹ Печатается с сокращениями. — *Ред.*



И. Х. Лалаянц.

Сборы были недолги. Имевшиеся в моем распоряжении дни ушли на то, чтобы бегать по знакомым разузнавать, что представляет собой Самара, и раздобыть хоть какие-либо связи и явки в ней, чтобы не чувствовать себя совершенно каким-то Робинзоном в новом городе. Правда, информация мне ничего не дала; вернее, никакой информации я так и не получил о Самаре, если не считать, что это губернский город со всеми присвоенными ему, как таковому, учреждениями, но не такая все же дыра, как

Симбирск и т. п., но это мне и так известно было. Что же касается связей и знакомств, то мне дали два-три адреса, предупредив, что вряд ли что-либо интересное я по этим адресам найду.

Помню, по одному из них я должен был явиться к доктору Португалову (старику) и познакомиться с его семейством; по другому мне предстояло прийти к некоему Долгову, тоже старику, бывшему народо-вольцу, когда-то привлекавшемуся, уже не помню точно, по какому именно делу, кажется, по долгушенскому.

Заручившись столь «богатыми» сведениями и захватив выданное мне «проходное свидетельство», я двинулся на санях через Волгу до станции, кажется, Рузаевка, откуда по железной дороге — в Самару.

Невеселые думы кружились у меня в голове. «Что это за город, куда я еду? Удастся ли найти там нужные мне книги? Какие знакомства предстоят?» — и прочие в этом роде вопросы неотступно преследовали меня почти всю дорогу. Уже тот факт, что жандарм, услышав мой «выбор», весьма одобрительно воскликнул: «Ага, отлично!», говорил за то, что город считался у них вполне «благонадежным», а стало быть... Ну, да ладно, бывает ведь и хуже...

Ну вот и она, эта таинственная Самара.



Самара. Привокзальная площадь. 1890-е годы.

Устроившись наскоро с комнатой, я на другой же день принялся заводить знакомства по данным мне адресам.

В семье Португаловых просидел несколько часов. Был принят довольно радушно, было чаепитие и пр., что в таких случаях полагается. Семья была почти в полном составе. Семья культурная, благовоспитанная, весьма умеренно либеральная. Все чисто и аккуратно; в зале на стене красовался ряд портретов передовых русских писателей-классиков с надписью «Соль земли русской». Несмотря, однако, на эту умеренность, старик уверял меня, что местная жандармерия и до сих пор преследует его своей слежкой и весьма подозрительно относится ко всей семье.

Мы говорили обо всем вообще и ни о чем в частности. Разговоры были достаточно скучны, за исключением рассказа доктора об устройстве парижской канализации и полей орошения за городом, которые он, в бытность свою в Париже, осматривал, как санитарный врач, с особого разрешения парижского мэра. Рассказывал он это довольно подробно и живо, и я слушал его с большим интересом.

На другой день я отправился к Долгову. Старик добряк, много перевидавший на своем веку, жил оди-

ноко и принял меня очень ласково и радушно. Собщив необходимые в таких случаях сведения о себе и последние новости из Казани, я стал слушать его рассказы о прошлых временах и о жизни в Самаре. Во время разговора незаметно появился традиционный чай (прислуживала какая-то женщина).

Тут кто-то постучался — вошел молодой человек лет 22—23, невысокого роста, но очень крепко и основательно сложенный, с русыми, заметно рыжеватыми, особенно на усах и бороде, волосами. Передо мной стоял человек с необыкновенно умной и глубоко симпатичной физиономией, как-то сразу располагающей к себе. Это был Ульянов Владимир Ильич.

Хозяин не назвал нас друг другу, предложив лишь познакомиться. Мы подали руки и, как часто это бывает при знакомстве, буркнули неразборчиво свои фамилии. Разговор возобновился, в нем принял участие и вновь пришедший. Говорил больше хозяин, мы подавали реплики и частенько поглядывали друг на друга. Разговор касался малоинтересных, общеизвестных вещей. Но вот Долгов с серьезным видом заговорил, между прочим, о том, что в последней книжке, кажется, «Вестника Европы» напечатана очень дельная статья о необходимости отмены телесного наказания (порки) вообще и в частности в отношении к крестьянству. Мы невольно улыбнулись. Хозяин, заметив это, поспешил добродушно пожурить нас. «Да, да, конечно, для вас, марксистов, это уже не интересно, да еще насчет мужика, — вам все подавай рабочих». Мы окончательно рассмеялись. Поговорив еще немного, мы простились с Долговым и вышли вместе.

По дороге у нас постепенно завязался интересный разговор, что дало нам возможность ближе познакомиться друг с другом; я рассказывал все, что мог, о казанской жизни, в свою очередь с большим интересом выслушал все, что Владимир Ильич успел передать мне о Самаре в этот первый вечер нашего знакомства. Наша беседа, естественно, перешла на тему о народниках и марксистах, и мы оба настолько увлеклись, что не заметили, как дошли до дверей его квартиры, и так как это было на самом интересном месте беседы, то Владимир Ильич заявил, что прово-

дит меня «немножко» обратно. Дойдя незаметно до моей квартиры, я в свою очередь предложил ему то же самое... И вот таким-то образом, провожая друг друга каждый раз «еще немножко», мы проделали еще четыре конца! Наконец решили, что все равно всего нам не переговорить, и где-то на полдороге, крепко пожав друг другу руки, разошлись по домам, условившись, что завтра вечером он поведет меня знакомить с кой-какой публикой и прежде всего со своим близким другом А. В. Поповым (А. П. Складенко).

Так-то произошло первое мое знакомство с Владимиром Ильичем. Вернувшись домой, я долго не хотел ложиться спать, ходил из угла в угол по комнате, чувствовал какой-то радостный подъем в душе, перебирая в голове до мелочей все наши разговоры с ним. Он действительно произвел на меня тогда замечательное впечатление. В этом 23-летнем человеке удивительнейшим образом сочетались простота, чуткость, жизнерадостность и задорность, с одной стороны, и солидность, глубина знаний, беспощадная логическая последовательность, ясность и четкость суждения и определений — с другой. Самара сразу же перестала мне казаться такой глушью, и я уже после этой первой встречи был рад, что выбрал себе именно ее.

На другой день вечером, как мы уже условились, я зашел к Владимиру Ильичу. Все семейство Ульяновых в то время жило в Самаре в одной квартире в доме торговца Рытикова, на углу Почтовой и Сокольничьей улиц, и состояло, кроме Владимира Ильича, из его матери — Марии Александровны, сестер — Анны Ильиничны с ее мужем М. Т. Елизаровым и Марии Ильиничны и брата Дмитрия Ильича, в то время учившихся еще в гимназии. Меня тут же Владимир Ильич познакомил со своей семьей, после чего, немного посидев, мы с ним отправились к Складенко. Он жил в том же конце города, что и Владимир Ильич, но еще ближе к окраине, и занимал маленькую квартирку из двух комнатушек. Между прочим, он находил, что квартирка эта очень удобна в конспиративном отношении; я уже не помню теперь, в чем, собственно, это удобство заключалось. Жил он вместе со своим другом и товарищем Лебедевой — слуша-



Дом Немцова на Садовой улице. Здесь в 1893 году жил А. П. Скляренко.

тельницей местной фельдшерской школы, особой очень неглупой, чрезвычайно застенчивой, молчаливой и прямо благоговевшей перед своим другом. Скажу несколько слов тут же специально о Скляренко. У него была не одна фамилия и имя, а несколько; самой популярной среди своей публики была его фамилия Попов Алексей Васильевич, другая, более, так сказать, официальная, была Скляренко Алексей Павлович, кроме того, он носил фамилию Бальбуциновский. И все это отнюдь не по конспиративным соображениям, а потому, что имел несчастье, по тем временам, быть «незаконнорожденным».

Итак, мы у А. П. Скляренко, который, по-видимому, уже был предупрежден о предстоящем нашем посещении. Это был молодой человек приблизительно таких лет, как и Ульянов, высокого роста, статный, гибкий, с прекрасным, умным и выразительным лицом. Очень симпатичный, общительный и остроумный, он пользовался большим влиянием и популярностью среди учащейся молодежи, да и не только среди интелли-

генции, — рабочие (особенно железнодорожные), среди которых он имел довольно обширное по тем временам знакомство, его тоже очень любили и прежде всего за то, что он умел просто и близко подойти к ним, без заискиваний, подлаживанья и пр.

Ко времени нашего знакомства Скляренко уже был сложившимся марксистом, успел посидеть в «Крестах» (петербургской одиночной тюрьме), заделавшись там ткачом. В противоположность Владимиру Ильичу, он не отличался усидчивостью, стремлением к терпеливым и упорным теоретическим занятиям, требующим уединения и настойчивости. Он был главным образом практик и притом с пропагандистско-агитаторским уклоном, ему всегда нужно было общество, нужна была аудитория, внимательно и с интересом прислушивающаяся к его словам и где он чувствовал бы свою руководящую роль.

Встретились мы со Скляренко очень радостно и, дружески крепко пожав друг другу руку, сразу как-то почувствовали себя как бы старыми знакомыми. Владимир Ильич, посидев с нами некоторое время и поговорив о последних журнальных статьях народнического направления, оставил нас одних. Алексей Павлович очень интересно и подробно стал рассказывать мне о самарской публике, об организованных им кружках, о борьбе своей совместно с Владимиром Ильичем с местными народниками и о тех диких и смехотворных мнениях о марксистах вообще, в особенности же о русских марксистах, которые нередко приходилось слышать им из уст с виду даже весьма почтенных, побывавших в разных переделках народников. Жаловался на скудость нелегальной литературы. Вскоре, однако, я убедился, что эти жалобы были несколько несправедливы: был целый ряд таких вещей, каких в Казани я не встречал. Правда, многие из них были только на немецком языке, как-то: «Нищета философии» Маркса, 2-е издание, «Коммунистический манифест», «Анти-Дюринг» и «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса, довольно много книжек журнала «Die Neue Zeit», стенографические отчеты заседаний германского рейхстага и пр.—книги, которыми пользовался Владимир Ильич и, как мне известно, могли пользоваться и другие, конечно,

очень близкие к нему лица. Да и женевских изданий группы «Освобождение труда» было несколько больше, чем в Казани. Затем, как оказалось, существовала в Самаре очень богатая и интересная по составу полулегальная библиотека, состоявшая из книг и журналов, в свое время вышедших вполне легально, но впоследствии изъятых из обращения.

За разговорами время прошло совсем незаметно. Было уже очень поздно, когда, поднявшись уходить, я протянул руку Скляренко. Не выпуская ее, он убеждал меня, что еще совсем рано, так как «до рассвета еще далеко!»

На первых же порах, бывая часто как у Владимира Ильича, так и Алексея Васильевича Попова (я позволю себе в дальнейшем именовать А. П. Скляренко именно так, ибо мы все его тогда так звали) — в особенности у Попова, — я тесно сблизился с ними обоими. Вскоре в городе публика нас иначе и не называла, как тройкой, прибавляя к этому слову тот или иной эпитет в зависимости от «идеологического» отношения к нам говорившего. Наша тройка — или, как иные называли, «кружок» — была действительно тесно спаяна, и мы всегда появлялись и «выступали» вместе. Говорю «выступали» в том смысле, что если куда-нибудь приходил один или двое из нас, то вскоре появлялся и другой или третий. Впрочем, с начала лета это мы с Поповым изображали нашу «тройку», ибо семья Ульяновых, а с ней вместе и Владимир Ильич, переехала на лето в свою заимку Алакаевку, где он с не меньшей усидчивостью продолжал свои занятия и где мы не раз с Поповым навещали его и всю его семью.

Владимир Ильич ко времени моего знакомства с ним состоял помощником присяжного поверенного. Будучи исключен из Казанского университета как один из наиболее активных участников студенческих «беспорядков» в декабре 1887 года, он впоследствии, подготовившись, в 1891 году сдал экстерном государственный экзамен при университете, для чего и ездил из Самары в Петербург. Состоя, как я сказал, помощником присяжного поверенного, Владимир Ильич, однако, мало занимался в Самаре юридической практикой: не она влекла его к себе, а революционная рабо-

та, работа в области теории и практики революционного марксизма. Решив перебраться с осени того же 1893 года в Петербург, он много времени посвящал в Самаре помимо чисто теоретических занятий работам литературным, составлению конспектов статей, рефератов и пр. В то время, как известно, русские марксисты были совершенно лишены всякой возможности проводить или защищать свои теоретические взгляды хотя бы в легальной печати, чем весьма широко пользовались разные публицисты, «экономисты» и пр. из народнического лагеря, как Н. К. Михайловский, В. В. (В. Воронцов), Николай — он, Кривенко и т. д. и т. п., в своем никем не тревожимом журнале «Русское богатство». До чего свирепствовала в те времена цензура против марксистской литературы, можно судить по таким, например, фактам. В конце 80-х годов был совершенно закрыт совсем невинный, специальный юридический журнал «Юридический вестник» из-за одной лишь статьи П. Скворцова, в которой давался сухой цифровой анализ нашего хозяйства¹ и, кажется, в одном месте было упомянуто имя Маркса. В печати нельзя было произносить слова: «русские марксисты» или «русские последователи Маркса», а приходилось говорить: «русские ученики, которые» и пр. Или, например, запрещалось упоминать в печати фамилию Н. Г. Чернышевского, а говорилось: автор «Очерков гоголевского периода русской литературы» и т. д. в этом же роде.

Литературные работы Владимира Ильича были, с одной стороны, экономического характера, как-то: подробный критический разбор книги некоего Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство»; разбор статей В. В. под заглавием «Судьбы капитализма в России»; разбор рукописной статьи Н. Е. Федосеева об экономических причинах отмены крепостного права в России и др.; с другой — политические, как, например, первоначальные наброски его последующей работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и некоторых

¹ В «Юридическом вестнике» т. VIII за 1891 год и т. X, XII за 1892 год опубликовано четыре статьи П. Н. Скворцова. — *Ред.*

других, названия которых я в настоящее время¹ не помню...

Впервые напечатано: Пролетарская революция, 1929, № 1 (84).

Печатается по кн.: Владимир Ильич Ленин в Самаре: Воспоминания современников — Куйбышевское кн. изд-во, 1960, с. 164—171.

...Собирались мы разно, где придется. Впрочем, если предстоял реферат или разбор какого-либо литературного произведения или заметок, то обычно дело происходило на квартире у Попова; а то бывало и так, что предварительно каждый брал себе на дом ту или иную работу, а затем уже сходились для обсуждения. Вопросы, нас интересовавшие, и темы наших бесед были самые разнообразные: развитие нашего хозяйства вообще, положение нашей крупной промышленности и сельского хозяйства; рабочий класс у нас и в странах Западной Европы, теория классовой борьбы, философия истории Маркса—Энгельса, история революционного движения у нас и на Западе и т. п. При этом, будучи во всех этих вопросах в основном вполне согласны между собою, — в понимании тех или иных частных мы иногда расходились, что порождало порою между нами жесточайшие споры, пока путем детального разбора темы не удавалось достигнуть полного единомыслия. Почти всегда в таких случаях бывал прав, конечно, В. И.²

...В единственном в Самаре разговоре Владимира Ильича со мной на тему об участии его брата в деле 1 марта 1887 года он мне говорил, что для него, как и для всей их семьи, это участие явилось полнейшей неожиданностью, тем более что брат как студент-естественник всецело ушел в свои научные и практические занятия по естествознанию — к тому же по своим социально-политическим взглядам считал себя марксистом.

Впервые напечатано: Пролетарская революция, 1929, № 1 (84), с. 48—49.

Печатается по данному источнику.

¹ Воспоминания написаны в 1928 г. — *Ред.*

² В. И. Ленин. — *Ред.*

ЮНОСТЬ ВОЖДЯ¹

Первый марксистский кружок

В начале октября² 1889 года в Самару с матерью, сестрами и братом приехал Владимир Ильич Ульянов. Владимир Ильич сам зашел на квартиру Скляренко, чтобы с ним познакомиться. Я в это время сидел в самарской тюрьме. Вышел я из тюрьмы в конце ноября и познакомился с Владимиром Ильичем на квартире Скляренко примерно в первых числах декабря 1889 года.

В это время самарская молодежь — участники кружков, поднадзорные и радикально-либеральные круги были потрясены смертью в октябре 1889 года Н. Г. Чернышевского. Вести об этом из Саратова сильно запоздали.

Студенчество Москвы и Петрограда проявляло боевое настроение, стремясь демонстративно отслужить панихиды. Примерно в этот же период времени оскандалились «Русские ведомости»³, поместив некролог об Н. Г. Чернышевском, в котором идеи Чернышевского назывались «заблуждениями», его страдания на многолетней каторге — «искуплением», а замена этой каторги надзором полиции в Саратове — «милостью».

Самарская молодежь, подражая столичным студен-

¹ Печатается с сокращениями. — *Ред.*

² Ульяновы переехали в Самару в сентябре. — *Ред.*

³ «Русские ведомости» — общественно-политическая газета, орган либеральных помещиков и буржуазии. — *Ред.*

там, решила отслужить панихиду и послать в «Русские ведомости» письмо с выражением презрения за «лакейство перед правительством», «за осторожность», которая переходила в «подлость». Сборы шли почти два месяца, и в конце концов либералам удалось привлечь часть молодежи к участию в панихиде, отслуженной в кладбищенской церкви. Характера демонстрации панихида не получила, но поп за пять рублей очень усердно молился за «новопреставленного боярина Николая».

Ругательное письмо в «Русские ведомости» мы послали. Автором его был А. Скляренок, а подписалось до ста человек.

...Работа в самарских кружках продолжалась. Фактически кружок Скляренко состава 1889—1890 годов превратился в марксистский кружок низшего типа под руководством Владимира Ильича. Регулярно, еженедельно кружок собирался, и в условленный час без опоздания появлялся Владимир Ильич, и начиналась его беседа по заранее определенному вопросу марксизма. Помню следующие беседы: общие основы марксизма; связь между философскими и экономическими учениями; экономическое учение Карла Маркса; товарное хозяйство; деньги; капитал; абсолютная прибавочная стоимость; распределение общественного продукта; накопление капитала; концентрация и централизация производства; диалектика (всякое развитие идет путем противоречий; все явления обязательно нужно рассматривать в их взаимной связи; количество переходит в качество); исторический материализм (производительные силы, производственные отношения и надстройки); научный социализм; основные противоречия капитализма и неизбежность его гибели; предпосылки пролетарской революции; Маркс о государстве...

Я не могу поручиться, что не перепутал последовательности бесед или не перепутал ряд тем, но существенное, главное мною отмечено.

Мы слушали беседы Владимира Ильича по марксизму, изучить который было заветной мечтой большинства тогдашней мыслящей молодежи, как увлекательную и глубоко поучительную сказку, а затем при

встречах и в течение недели (а встречались мы ежедневно) на разные лады обсуждали эти беседы, восхищались простотой и конкретностью новых истин и поражались, как все учение оказывалось просто, ясно доступно и необычайно умно.

Старых «богов» с легкомысленной беззаботностью молодежи выбрасывали в мусорную яму без сожаления и даже с некоторым злорадным ожесточением, и только закоренелый «вевист»¹ Скляренко упорно сопротивлялся. Редко бывали беседы, где бы Скляренко не принимался возражать от В. В. и Николая — она, но всякий раз Владимир Ильич с удивительной деликатностью усаживал не Скляренко, а В. В. и Николая — она в надлежащую лужу. Все реже и реже выступал Скляренко, и все яснее и яснее становились для нас запутаннейшие вопросы, ибо мы начинали овладевать методом анализа общественных явлений, мы все крепче и крепче овладевали диалектикой, начинали постигать исторический материализм.

От Владимира Ильича участники кружка Скляренко научились пользоваться многочисленными статистическими сборниками, и с тех пор эта страсть мною, например, крепко овладела. До этого не только я, но и А. П. Скляренко, более развитый и опытный, как-то терялся и конфузился перед семнадцатью-двадцатью томами статистических сборников, перед этими горами книг, наполненных цифровыми материалами. С величайшим страхом и трепетом мы перелистывали эту, в такой же степени важную и нужную, в какой и малопонятную цифровую премудрость. Недели, а иногда и месяцы времени ухлопывали мы, чтобы выудить конечный вывод из определенного ряда цифр.



А. А. Беляков.

¹ Сторонник В. В., то есть В. П. Воронцова. — *Ред.*

Это не всегда удавалось, и выводы наши часто были неправильны.

В какой-нибудь десяток вечеров Владимир Ильич «натаскал», как мы тогда выражались, всех нас, как обращаться с этими цифровыми фолиантами, как выуживать главное и существенное, как отличать основное от случайного в этом мире цифр, как устанавливать ошибочность выводов. Особо Владимир Ильич обращал наше внимание на то обстоятельство, что земско-статистические сборники при отличной постановке собирания материалов страдают совершенно неудовлетворительной их обработкой.

Насколько мне помнится, Владимир Ильич первый в Самаре заговорил о крайней необходимости более научной обработки данных земской статистики. Нам Владимир Ильич показывал десятки нелепых средних цифр, не дающих правильного представления о разных типах крестьянских хозяйств. Владимир Ильич рекомендовал разбивать крестьянские хозяйства на группы, на типы по какому-нибудь определенному признаку: по количеству скота в хозяйстве, по количеству засеваемой земли и т. д., и подчеркивал, что необходима исключительная осторожность в пользовании сводными таблицами. Владимир Ильич приводил примеры, когда давались средние цифры землепользования из общего количества земли у крестьян и помещиков. Конечно, это не были «средние» цифры, наталкивающие на правильный вывод.

Как-то незаметно для нас, с той или иной книгой в руках Владимир Ильич учил нас открывать слабые места и ошибки в трудах, вооружал правильными приемами работы.

Владимир Ильич указывал на вышедшую тогда книгу В. Е. Постникова «Южно-русские крестьянские хозяйства»¹, где впервые вместо смехотворных средних были даны правильные цифры-выводы по группам, по признаку экономического достатка. Владимир Ильич книгу Постникова считал выдающимся явлением в экономической литературе, и мы, конечно, на нее набросились.

¹ Автор имел в виду книгу «Южно-русское крестьянское хозяйство», вышедшую в конце 1891 года. (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 1, 3, 568, 609). — *Ред.*

До приезда Владимира Ильича в Самару страсть к первому тому «Капитала» К. Маркса была всеобщей, но не было ни одного кружка, который бы даже поверхностно его проработал. Начинали храбро многие, но быстро остывали. После этого естественно, что по отношению к труду Маркса господствовал священный, суеверный панический страх. Всем хотелось одолеть эту книгу, раскрывающую все тайны познания общественно-экономических явлений, работу, вооружающую методом, облегчающим исследование общественных отношений, но почти никто за три-четыре года, с 1885 по 1889 год, эту задачу не преодолел.

После элементарной проработки вопросов марксизма в кружке Скляренко, особенно после комментариев Владимира Ильича, читать и понимать этот «страшный» «Капитал» К. Маркса стало легко, и «недостижимый» Маркс стал своим, родным, близким и легко понимаемым. Никому из нас не думалось, что в конце концов, при хорошем руководстве занятиями, «Капитал» так прост, удобопонятен и так легко усваивается.

К весне 1890 года мы успели очень многое благодаря какому-то особенному искусству Владимира Ильича без труда запутанное и непонятное превратить в простое, понятное и легко постижимое. Основы марксизма в их элементарном виде мы уже настолько усвоили, что постоянно искали случая сразиться с тем или иным народником. Если раньше у большинства из нас при встрече с народниками и народолюбцами проявлялось естественное благоговение, почитание, то теперь мы открыто искали случая поиздеваться над ребяческим построением народнических теорий, над их невежеством и экономической неграмотностью. Мы стремились встретиться обязательно с крупными народниками — «мелочь» нас уже не удовлетворяла, — чтобы попробовать свои новые зубы. Однако нам это не удавалось, ибо В. В. Филаретов уже жил вне Самары, Е. Е. Лазарев в Самаре совсем не появлялся, а В. С. Миролубов уехал весной 1890 года в Питер.

Самарские кружки, до Ленина, с народническими замашками, со всей бездной народнических предрасудков, с Н. К. Михайловским как источником всякой мудрости, «властителем дум» той эпохи, с 1890 го-



Самара. Коммерческий клуб.

да, пожалуй, можно сказать, кончили свое существование и если не сразу скоростижно умерли, то захирели очень быстро, ибо учащаяся молодежь со всей ненасытностью молодости бросилась к чистому, светлому и животворящему источнику — марксизму.

Микроб революционного марксизма был занесен в Самару Владимиром Ильичем Ульяновым.

В начале 1890 года осенью часто устраивались объединенные вечеринки разных кружков с радикалами и либералами по разным поводам: сборы на «Красный Крест»¹, лотереи, встреча Нового года, добыча денег на библиотеку и прочее. Чаще всего подобные вечеринки устраивались в квартире зубного врача Анны Абрамовны Кацнельсон. Владимир Ильич ни на одной из этих вечеринок не появлялся, ибо он не любил вечеринок, где много шума, толкотни.

Студенческий вечер в Коммерческом собрании в январе 1890 года, на котором выступал собравшийся

¹ Общество помощи политическим ссыльным и заключенным. — *Ред.*

уезжать из Самары В. С. Миролубов — прекрасный баритон, — был особенно шумен, изобиловал веселыми студенческими выходками, столкновениями с полицией, но все кончилось благополучно. На этом вечере был Владимир Ильич и, как он говорил, получил массу удовольствия.

А. П. Скляренко и я на этом вечере встретились с целым рядом студентов, раньше входивших в кружки: В. Н. Вольтманом, А. Г. Курлиным (Московский университет), А. П. Нечаевым (медик Казанского университета), И. П. Кравцовым (Горный институт, Петербург), Николаем Шкатовым (Ярославский лицей), Рафаилом Олесовым (медик Московского университета), Иваном Вахромовым (Институт путей сообщения), Павлом Ивановым (Межевой институт). В так называемой мертвецкой устроили собрание и договорились на следующий день собраться у Курлина. С одной стороны, чувствовалось, что всякий хочет показать себя революционером, а с другой стороны — для нас со Скляренко было довольно ясно, что их былая революционность где-то выветрилась, где-то растерялась в больших городах по университетским аудиториям, а может быть, и по кабакам. Скляренко сначала думал пригласить на собрание студентов Владимира Ильича, но потом мы решили сначала только вдвоем произвести разведку, выяснить, есть ли смысл Владимиру Ильичу выступать на собрании студентов из разных учебных заведений с разнообразными настроениями. На другой день на собрании студентов у Курлина вместо делового разговора и разведки получилась грандиозная попойка. Кроме Кравцова, Иванова и Олесова, ни одного подходящего для революционных дел студента не оказалось.

Попытки втянуть студентов, бывших участниками наших кружков, в революционную работу ничего не дали, но отношения со всеми остались по виду неплохие.

Однако было очень больно и обидно, что революционные настроения так быстро и легко выветривались.

Владимир Ильич потом над этим эпизодом посмеивался и говорил:

— А вот фабричный рабочий надежнее. У него на другой год революционные мысли не выветрятся. Сын

же миллионера редко пойдет дальше пения революционных песен.

А. П. Скляренко довольно сильно носился с сыном миллионера Курлиным, ибо надеялся, что когда он вступит во владение своими миллионами, то если не все свои миллионы, то хоть половину пожертвует на революцию. Впоследствии из Курлина вышел кутила и только слегка либеральный председатель Самарского биржевого комитета. Не только миллионов, но и тысяч на революцию он не дал.

«Кругосветное путешествие»

В конце апреля Скляренко внес предложение организовать «кругосветное путешествие» — так называлась поездка по рекам Волге и Усе.

Выезжали из Самары вниз по реке Волге на запад до села Переволоки. У этого села лодки на лошадях перевозились с Волги на реку Усу, а затем вниз по течению Усы, впадающей в Волгу против города Ставрополя¹, сплавливались до Волги и вниз по реке Волге, доплывали до Самары, появляясь с востока. Таким образом, самарцы за три-четыре дня «доказывали», что земля кругла, и получали при этом массу удовольствия.

Обычно самарское «кругосветное путешествие» можно было проделывать только в течение мая, когда Волга и ее притоки имеют большую воду — во время половодья.

Предложение о поездке было принято единодушно. Особенно охотно согласился на нее Владимир Ильич, которому давно хотелось познакомиться с крестьянином Василием Князевым из села Царевщины и с сектантами Амосом из Старого Буяна и Ерфилычем из села Кобельмы. Во время поездки это можно было осуществить. Через знакомых крестьян из Кобельмы я известил Амоса и Ерфилыча, чтобы они не позже 10 мая приехали в село Царевщину к Василию Князеву.

¹ В настоящее время город Ставрополь, носящий имя Тольятти, находится на новом месте. Прежний Ставрополь оказался в зоне затопления Куйбышевским морем. — *Ред.*

Решено было пригласить в поездку В. В. Савицкого¹, с которым Владимиру Ильичу хотелось познакомиться поближе.

Выезд был назначен на 8 мая в пять часов утра от Самолетской пристани на реке Волге. Наблюдатель водомерного поста Хан-Гирей Антеков, который очень часто оказывал разные услуги революционным кружкам, охотно предоставил в наше распоряжение свою прекрасную лодку «Нимфу». Никто не опоздал, несмотря на ранний час, и ровно в пять часов утра мы двинулись «вниз по матушке по Волге, по широкому раздолью».

В поездке приняли участие: Владимир Ильич Ульянов, Алексей Павлович Скляренко, Иван Александрович Кузнецов, Викентий Викентьевич Савицкий, Николай Яковлевич Полежаев, Алексей Александрович Беляков, а в селе Екатериновке предполагали принять в лодку Александра Павловича Нечаева, который должен был захватить с собой два ружья.

Погода была изумительная: тихое солнечное, ясное майское утро, на небе ни облачка, в воздухе не чувствовалось даже обычного утреннего ветерка, а это позволяло нам яснее чувствовать всю мощь и быстроту течения Волги. Лодка неслась по крайней мере со скоростью десяти верст в час. Чистый воздух, игра солнечных лучей на поверхности воды, мерный, быстрый и спокойный ход лодки — все это вместе вызвало прекрасное благодушное настроение.

Я смотрел на Владимира Ильича и радовался, так как ясно видел, что он испытывает огромное удовольствие и отдыхает всей душой. Разговоры не клеились, так как все ушло в созерцание мощной стихии, стремительно катившей свои волны. Мы плыли по середине главного русла, а к берегу подходить боялись, чтобы не попасть в один из бесчисленных протоков, часто заводивших в тупик, выбираться из которого обратно, встречь течению, было всегда трудно и требовало очень много времени.

Пробовали петь — ничего не вышло. Как-то не

¹ Савицкий В. В. — сын местного врача. В 1887 году, то есть одновременно с Владимиром Ильичем, он был исключен из Казанского университета за участие в студенческих волнениях. — *Ред.*

пелось, а возможно, просто не умели. Владимир Ильич был весь движение и жизнь. Видимо, его очень захватывали и прелести бесконечно мощной стихии, среди которой или, вернее, во власти которой наша небольшая лодка казалась жалкой и беспомощной.

Никто из нас не заметил, как пролетели три с половиной часа и мы подплывали к Екатериновке, где должны были захватить Нечаева и напиться чаю.

Мы предполагали развести на берегу костер и вскипятить котелок, но Нечаев увлек нас в дом своего отца, крупного сельского торговца. Чай был на славу, с разными вареньями, печеньями и пирогами, разносолами, и даже на столе появилась «домашняя вишнебочка». От выпивки мы довольно дружно отказались, заявив, что по утрам не пьем, а потом Спяренко всю дорогу сокрушался, как это он пропустил такой прекрасный случай ублажить себя «домашней вишнебочкой».

— Нет, вы только подумайте, ведь не какая-нибудь, а «домашняя», а цвет, цвет-то какой! — говорил Спяренко с глубоким вздохом.

Вечером на реке Усе Спяренко утешился, ибо в чемоданчике Нечаева оказалось целых три бутылки «домашней вишнебочки», подsunутые матерью Нечаева для утешения молодежи.

Владимир Ильич цепко втянулся в очень интересный разговор с отцом Нечаева на тему: «Как ослабить рост деревенской бедноты».

— Ну, как ты ее ослабишь? Ведь вот зелье-то есть, и слабость нашу к нему никуда не денешь, а окромя того, пожары, недород, болезни — все одно к одному. Сегодня пропил узду, а завтра лошадь пропьешь, а там недород вывернулся — вот и вся недолга. Бедняк в нищие пошел, а средственный на его место, а у кого есть капитал и голова — землю приберет к своим рукам, да его же, каналья, за хлеб и воду заставит работать. Не плошай, стало быть! Так оно своим чередом и катится. Часть деревни беднеет, другая богатеет; одни пойдут на фабрику и в батраки, а другие — вроде как бы в помещики. Бедность не ослабишь. Говорят, что она от господ, а по-моему, от человеческой глупости и от жизни, — говорил отец

Нечаева, а Владимир Ильич весь превратился в слух и внимание.

— Ну, а если артели образовать? Артелью, говорят, можно бедность побороть? — поставил вопрос Владимир Ильич.

Нечаев раскатисто рассмехался:

— Ха-ха ха, артель, тоже скажу! У нас артель хороша, чтобы пяток-другой «монахов»¹ раздавить. Вот это дело идет дружно, да и то чаще мордобоем кончается. А для работы артель — дело неподходящее. Больше будут друг за другом выслеживать, чем работать, — закончил Нечаев.

— Ну, а община разве не сможет беде помочь? — не унимался Владимир Ильич, явно заинтересованный бесхитростным рассуждением отца Нечаева.

— Ну, община-то повыше. Эта уже не «монахами» лакает, а ведрами. Для этого дела, для выпивки, лучше общины ничего не придумаешь. Ну, а касательно работы, она ни к чему, без последствий. Община, стало быть, общество, вот опять для недоимок хороша, для сбора, значит, для всяких повинностей, а для серьезной работы, для хозяйства она ни к чему, не помогает. Так-то, милый мой, — закончил Нечаев и ласково похлопал Владимира Ильича по коленке.

Мы все видели, что Владимир Ильич не прочь бы продолжать увлекший его разговор, но уже было половина одиннадцатого утра и нам следовало торопиться. Мы все встали, начали благодарить хозяев за гостеприимство, а старик Нечаев вдруг предложил:

— А вы бы, касатики, сегодня погостили у нас, а утречком бы и двинулись, деревню бы посмотрели и еще покалякали бы.

Предложение было соблазнительное, но мы его решительно отклонили, так как помнили, что в Царевщине будут ждать Амос, Ерфилыч и Князев.

Солнце палило без всякого сожаления. Молодая буйная зелень деревенских садилов манила к себе, но мы были непреклонны и отплыли в начале двенадцатого от села Екатериновки.

Для меня было ясно, что тот кусочек неприкрашен-

¹ «Монахом» в тех местах называют бутылку водки в четверть ведра. — А. Б.

ной жизни, с которым мы только что столкнулись, очень занимал Владимира Ильича, который о чем-то сосредоточенно думал. Мы выбрались снова на стрежень, и Волга опять подхватила и понесла к нашей цели. Владимир Ильич нарушил созерцательное настроение, прервал молчание:

— Ведь вот этот старик Нечаев не ученый-экономист, а как он хорошо умеет проникать в самую суть вещей. Вот у кого не мешало бы Николай — онам, Михайловским научиться понимать и неизбежный процесс дифференциации деревни и подлинное место артелей и общины в жизни деревни, и тогда они, пожалуй бы, перестали болтать о самобытных путях развития России и о социализме мужика. В своем коротком разговоре Нечаев дал великолепную картину расслоения деревни и вырастания капиталистических форм хозяйства.

Чувствовалось, что этот разговор с Нечаевым что-то дал Владимиру Ильичу, чем он был, видимо, доволен и что его очень занимало. В. В. Савицкий, единственный среди нас ярый народник, встревоженно проворчал:

— Ну, если Махайловский и В. В. начнут черпать мудрость деревенских кулаков, то прости-прощай вся наша культура, прогресс, движение вперед. Нет, Михайловский учиться у кулаков не будет, он сам их многому научит, а пожалуй, и прочит.

Владимир Ильич язвительно усмехнулся и спокойно сказал:

— И у кулаков учиться незачем, было бы чему. Культура и прогресс от этого ни капелечки не страдают. Именно Михайловскому, этому стороннику «субъективного метода в социологии», строящему свои теории не на фактах, а на выдумке, на плодах собственного воображения о самобытных путях экономического развития России, о спасительной роли общин и артелей, о подготовленности мужика к социализму, именно Михайловскому сильно нужно поучиться у кулака Нечаева простому, бесхитростному, но очень глубокому пониманию всех явлений, развивающихся в деревне. Михайловский и народники ослеплены своими фантазиями и не видят жизни деревни, а кулак Нечаев видит деревню как облупленную и глубоко понима-

ет в упрощенном виде все сложные процессы дифференциации. Жалко, что вы не прислушивались посерьезнее к разговорам Нечаева, они очень поучительны.

За разговорами, которые приняли весьма оживленный характер, мы незаметно прибыли в село Переволоки, где нам предстояло перевезти лодку на лошадях.

Не успели мы высадиться на берег, как из деревни появилась масса детишек и три-четыре крестьянина с предложением своих услуг по перевозке лодки.

Нередко путешественники, а до этого и торговые люди волокли лодку от Волги до Усы по земле, отсюда и название села Переволоки. Мы не думали этой операции проделывать, ибо не считали возможным портить хорошо осмоленное дно лодки, а главное, у нас не было расположения тратить на эту операцию четыре-пять часов времени и массу труда. Мы знали, что обычно за перевозку лодки берут полтора, два рубля, и поэтому, когда с нас запросили четыре рубля, мы сразу предложили полтора рубля и на двух сговорились.

Больше версты дорога шла круто в гору, а затем, около версты, под гору. Когда мы поднялись на вершину водораздела между Волгой и Усой, то река Уса, зажата между зелеными холмами, узкая и очень извилистая, очаровала нас всех своей волшебной панорамой. Владимир Ильич не отставал от всех остальных участников поездки в смысле выражения диких восторгов, и мы все были поражены тем, что этот ученый, серьезнейший человек, источник мудрости для всех нас, которому, по нашему мнению, несвойственна была способность по-детски резвиться, не отставал от нас ни в одном движении. Он бегал, боролся, хохотал, а когда спустились к берегу Усы, где было удивительное эхо, Владимир Ильич первый прокричал:

— Чем окончен разговор?

И эхо ответило: вор!

Мы много хохотали не потому, что это было смешно, а просто потому, что всем было весело, радостно, хорошо.

И. А. Кузнецов, довольно крепкий юноша, вступил в борьбу с Владимиром Ильичем, и, ко всеобщему изумлению, Владимир Ильич легко бросил Кузнецова

на песок. После Кузнецова выступил Скляренко, который быстро уложил на песок Владимира Ильича под общий хохот.

Было уже семь часов вечера, когда мы почувствовали, что неплохо бы закусить. Деревня была под боком — сажень¹ сто-сто пятьдесят, но мы в деревню не пошли, хотя Владимир Ильич усиленно тянул туда. У самой воды мы развели костер, вскипятили чайник и очень плотно закусили не столько своими запасами из Самары, сколько обильными запасами Нечаева. Скляренко своим «верхним чутьем», как он уверял, открыл в чемодане Нечаева запасы «домашней вишневки». Владимир Ильич принял участие в экспертизе «домашней вишневки» и сразу присоединился к огорчениям Скляренко, что утром, безусловно, была сделана непростительная и непоправимая ошибка.

Солнце пряталось в горы, причудливо освещая видимую часть долины и спокойную, как зеркало, ленту реки, и панорама стала настолько очаровательной, что все мы как-то притихли. Были предложения немедленно двинуться в путь, чтобы насладиться видами. Я напомнил, что в Усе много подводных камней, а течение так быстро, что и днем надо держать ухо востро. Решили от поездки ночью воздержаться и расположились спать тут же, у лодки. Нечаев дошел до деревни и за семьдесят копеек купил такое количество соломы, что получились у всех мягкие постели.

Проснулись утром на заре довольно дружно. Решили, как только развиднеется, тронуться в путь без замедления. Владимир Ильич во всеуслышание заявил, что он «никогда так хорошо не спал, как в эту ночь. Хорошо быть робинзонами!..»

Мы поплыли вниз по реке Усе, как только ярко разгорелась заря и склоны сжавших реку гор и стальная лента воды окрасились причудливыми, быстро меняющимися утренними красками...

Мы не мешали друг другу «глотать» картины при-

¹ Сажень равна 2,13 метра. — *Ред.*

роды; не было лишних, ненужных слов, ибо за нас говорила природа своими расцветающими красками. Только изредка, как бы боясь нарушить таинственную тишину природы, шептали друг другу:

— А вот, какая удивительная красота!

Красота же подстерегала нас на каждом шагу, бросалась на нас из-за каждого поворота реки. Все время Уса кружилась, тесно сжатая горами, и вдруг горы раздвинулись, и нас почти всех одновременно прельстила широкая поляна, обрамленная дубками и вязами. Мы решили остановиться, чтобы поразмяться, слегка закусить и пострелять в цель.

Остановка вышла восхитительная, и мы незаметно задержались часа три-четыре. Говорят, «счастливые часов не наблюдают». У нас никому и в голову не пришло посмотреть на часы, значит, мы были счастливы. Правда, мы стремились к 10 мая попасть в Царевщину, но как-то забыли про это — так удивительно хороши были картины природы: и воздух, и солнце, и горы, и весенняя зелень.

На поляне снова было проявлено очень много резвости, и опять Владимир Ильич не отставал от других. Бегали вперегонки, боролись, шутили, хохотали и, наконец, принялись стрелять в цель из охотничьих ружей. При этом оказалось, что Владимир Ильич неплохо стреляет. Больше всего попаданий было у него, а я оказался самым неудачным стрелком. Да это было и неудивительно — я первый раз в жизни взял ружье. Мой первый выстрел вызвал всеобщий хохот, ибо я целился, целился, а когда нужно было спускать курок, то закрыл глаза. В сущности, в этом ничего особенного не было, и хохотали, конечно, больше всего потому, что было бесконечно весело, независимо от моего оригинального способа стрельбы.

Около одиннадцати часов мы поплыли дальше и через час подъехали к большому селу Жигули, где и решили часа два-три поболтаться в народе и покалякать.

Село оказалось интересным в том отношении, что там был сильно развит патриархальный уклад. Нашлись две семьи, имевшие по сорок душ и жившие сравнительно зажиточно, а семьи по пятнадцать-двадцать душ были обычным рядовым явлением. Семьи в

сорок душ представляли собой своеобразные трудовые коммуны, в которых благодаря высоким личным хозяйственным качествам стариков руководителей дела шли отлично и очень выгодно. По секрету мы говорили с молодежью этих семей, но и среди этой молодежи не нашлось недовольных. Обе семьи оказались сектанты-штундисты, когда-то, лет пятьдесят тому назад, выселившиеся с Украины. Нам разрешили осмотреть хозяйство одной из семей, а после осмотра очень радушно угостили пирогами с рыбой, напоили вкусной сытой из меда и прекрасным ядреным густым темным квасом, очень похожим на домашнее пиво. Поговорили о боге, о вере, о праведной жизни и об утеснениях, какие им чинили поп и ставной пристав, хотя они своей верой никому не мешали.

Владимир Ильич очень заинтересовался хозяйством крупных семей и заметил, что хорошо бы в такой деревне прожить две-три недельки, чтобы выяснить всю экономическую подноготную этих семей.

Интересно, что ни в одной большой семье не было наемных батраков. Главный доход больших семей получался от земледелия и скотоводства, но немалую часть дохода составляли рыболовство и ломка камня для известковых заводов.

После деревни, где нам Нечаев говорил о быстром хозяйственном распаде, мы попали в деревню с крепкими благополучными хозяйствами, с артелями в виде большой семьи, но, по признанию самих жигулевцев, таких деревень, как их, очень немного, две-три во всем уезде.

Из разговоров в деревне выяснилось, что до Ставрополя мы можем доплыть за два-два с половиной часа.

Одним из красивейших мест в этом районе считался утес Стеньки Разина, в некотором роде историческое место, о котором написано Навроцким известное стихотворение, распевавшееся как революционная песня по всему Поволжью.

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
От вершины до самого края...

Этот знаменитый утес стоял как раз при самом впадении реки Усы в Волгу. Было решено устроить ночлег у подножия утеса Стеньки Разина, ибо поездка в Ставрополь никого не прельщала, хотя там и жил один наш товарищ, Михаил Иванович Аккер, сын аптекаря, состоявший под гласным надзором полиции.

К вечеру начали собираться тучки, которые могли погнать нас на ночлег в Ставрополь, но утес был так дик и очарователен, что мы решили все-таки близ него расположиться на ночлег, несмотря на дождь. Однако дождь едва поморосил, и к закату солнца тучи разошлись. Было скверно только одно, что поблизости не было селенья, где бы можно было достать сена или соломы на подстилку. Из села Переволоки в лодку нам удалось взять очень небольшое количество соломы. В нашем распоряжении до сумерек оставалось часа три, и за это время, вытащив лодку на берег, мы устроили нечто вроде шалаша, покрыв его наломанными ветками. До сумерек мы успели забраться на вершину утеса Стеньки Разина, досыта налюбоваться бесконечными просторами Волги и бросить прощальный взгляд на реку Усу, давшую так много радостных минут, а в сумерки принялись «интервьюировать» эхо. Я помню только некоторые отдельные места этого знаменитого диалога с эхо.

К вам министры приезжали?

Эхо отвечало: жали.

Ваши нужды рассмотрели?.. ели.

Как же с ними поступили?.. пили.

Вышнеградский¹ у вас был?.. был.

Все вопросы разобрал?.. брал.

Чем с ним кончен разговор?.. вор!

После каждой строки эхо отчетливо повторяло наш веселый беззаботный хохот, и так отчетливо, ярко, преувеличенно громко и многоголосо, что в конце концов начинала разбирать жуть.

Владимира Ильича все эти детские забавы занимали не меньше, чем каждого из участников; он не меньше других хохотал, шутил.

¹ Вышнеградский И. А. — министр финансов с 1888 по 1892 год. — *Ред.*

При распределении мест на ночлег в шалаше пришлось прибегнуть к жеребьевке, ибо всякий старался уступить наиболее удобное место своему товарищу. В этом отношении Владимир Ильич шел впереди всех, и не только перед этим ночлегом, но и во все время путешествия он как-то незаметно заботился о всяком мелком удобстве своего соседа.

Если во время ночлега у села Переволоки не возникло вопроса о карауле и все мы спали спокойно, то около дикого утеса, в безлюдной местности, на берегу бурно стремившей свои воды реки, когда почти всякий шорох, всякий треснувший сук, всякий упавший камень передавался в чуткой ночной тишине почти как пушечный выстрел, этот вопрос у нас возник, и мы решили поочередно дежурить по полтора часа.

Дежурный по всем правилам военного искусства должен был все время стоять или тихо ходить с ружьем в руках. Сидя легко было уснуть, ибо воздух чистый и ароматичный, насыщенный озоном, сильно располагал к этому. По жребию первым встал на караул Н. Я. Полежаев, вторым — В. В. Савицкий и третьим — Владимир Ильич.

Ночь прошла благополучно, но к утру разыгрался ветерок, и беспокойные тучи бродили по небу, угрожая дождем. Все-таки настроение было прекрасное. В путь на этот раз мы двинулись после чаепития и плотной закуски. А. Скляренко в глубокой меланхолии возгласил:

— «Домашняя вишнебочка» была бы очень действенна против этих угрожающих туч и ветра.

Возражающих не было, но не было и «домашней вишнебочки».

Часов около шести спустили лодку на воду. Ветер крепчал, и на середине Волги уже поигрывали «беляки». Бродившие по небу свинцовые тучи, перспективы дождя и крепчавший ветер нагоняли тоску. У большинства настроение испортилось, и только Владимир Ильич сопротивлялся упадку настроения, и, по видимому, на него не сильно действовала перемена погоды.

Я сел за руль, а И. А. Кузнецов и А. П. Нечаев, как испытанные волгари, вооружились веслами. Это было, безусловно, необходимо, так как волны достигали

значительных размеров и изредка заплескивали лодку. Н. Я. Полежаеву пришлось вооружиться ковшом для отливания воды. Часа через полтора разразилась настоящая буря. Началась сильная гроза: сверкали молнии, и гром гремел, казалось, над самой лодкой, завывал ветер. Заплескивания воды стали настолько значительными, что пришлось и Владимиру Ильичу отливать воду из лодки чайным котелком. А. Складенко, Н. Полежаев, В. Савицкий нервничали и настаивали, чтобы пристать к берегу, но я, Кузнецов и Нечаев доказывали, что приставать к берегу нельзя, так как может опрокинуть лодку, а потому нужно держаться дальше от берега. Владимир Ильич был совершенно спокоен и поддерживал нас, что приставать к берегу нецелесообразно, ибо и на берегу при дожде обсохнуть невозможно.

За все время поездки Владимир Ильич всегда выдвигал или присоединялся к наиболее крайним позициям, где требовались решительность и настойчивость, без всяких колебаний. Все черты прекрасного товарища, невольно выдвигавшего на первый план интересы коллектива, черты смелого, бодрого, веселого, жизне-радостного товарища Владимир Ильич особенно ярко проявил во время путешествия. Все мы увидели совсем другого Владимира Ильича, не того, которого хорошо знали и часто видели в комнатах, на занятиях кружка.

— Вот он какой! Совсем другой, не тот. Как будто подменили человека, — говорили Складенко, Кузнецов, Полежаев, настолько Владимир Ильич был неузнаваемым на лоне природы за все время незабываемого «кругосветного путешествия».

Пока мы спорили и пререкались, дождь перестал, гроза почти совсем затихла и ветер начал ослабевать. Все мы промокли до последней нитки, но на душе стало веселее.

Тем временем показался Царев курган, отдельный довольно высокий холм около села Царевщины. Пришлось начать работу веслами, чтобы пробиться к левому берегу Волги. Часов около десяти утра 10 мая мы вполне благополучно, после очень значительной передраги, высадились на берегу у села Царевщины.

У Василия Князева нас уже ждали Амос Прокопьев



Царев курган.

евич и Ерфилич. Первым делом мы принялись обсушиваться и подкреплять свои силы. Всем казалось, что буря нас трепала чуть не сутки, а на деле вряд ли все это продолжалось больше двух-трех часов.

Владимир Ильич был в отличном настроении и посмеивался над Скляренко и Савицким за то, что они труса праздновали. Да и самим паникерам их волнения теперь казались просто смешными.

Василий Князев удивился, что мы так благополучно приехали, так как, по его выражению, буря была «страшная» и царевщинские рыбаки, когда увидели нашу лодку, то порешили, что плывут «не иначе как сумасшедшие».

Мы все, «кандидаты в утопленники», как выражался Князев, чувствовали себя великолепно, вспоминали всякие, казавшиеся теперь смешными, эпизоды и весело друг над другом подтрунивали.

В теплой комнате, в сухом белье, за чистым столом, с радостно фыркающим самоваром завязалась непринужденная беседа с деревенскими революционерами и так развернулась, втянув всех, что мы не заметили надвигающихся сумерек. Пришлось остаться ночевать в Царевщине, хотя это в наши планы и

не входило, тем более что Амос и Ерфилыч упрашивали пожертвовать им вечерок.

— Ведь такая радость, когда целая куча хороших людей в наши дебри привалила, бывает только раз в жизни, — говорил Амос, ласково сверкая своими глазами из-под нависших бровей.

— Вот была еще у нас такая радость в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году, — вспоминал Василий Князев, — когда генеральская дочка Софья Перовская в лаптях, по паспорту Маланьи Переваловой дней десять прожила, нас, дураков, уму-разуму учила. Смехота, милые мои. Лапти-то надела, а онучи завязывать не научилась и чуть не до обеда с ними валандалась. Бывало, жалко станет — подойдешь и поможешь. У нас она жила как бы в работницах. Много пользы принесла, хотя жила недолго. Глаза открыла...

Нужно заметить, что его почему-то больше всего поражало то, что генеральская дочка пришла к народу в лаптях. Он это подчеркивал при всяком удобном и неудобном случае. Я лично это слышал от него не меньше десятка раз.

По моим наблюдениям, как ни трудно было Владимиру Ильичу утянуть Амоса и Ерфилыча от особенно привычных для них тем и вопросов религиозных в сторону общежитейских, крестьянско-хозяйственных вопросов, ему это все-таки удалось. Остальным присутствовавшим приходилось ограничиваться только отдельными репликами и замечаниями.

Во время перерывов в беседе, после обеда, мой старый приятель Амос подходил ко мне и, кивая головой в сторону Владимира Ильича, многозначительно повторял:

— Ну и башка! Не зря лысый, хоть и молодой. Вот этот делов наделает! Спасибо тебе, что привез. Не много поговорили, а многое поняли. Вот это башка!..

Разговоры не держались только одного строго определенного вопроса, а перескакивали неожиданно с одной темы на другую, как это всегда бывает при беседах с примитивными философами, углубившимися в религиозные дебри Библии и Евангелия.

Не только трудно, но и совершенно невозможно последовательно передать всю беседу Владимира Иль-

ича с Амосом и Ерфилычем, но для меня, по крайней мере, было ясно, что этим знакомством и разговором Владимир Ильич был весьма доволен.

Самым болезненным вопросом для Амоса и Ерфилыча, самым острым их желанием уже давно было «придумать такую простую веру, без всякого обмана, которая бы сразу всех людей сплотила в единую братскую семью («да будет едино стадо и един пастырь») и тем уничтожила всю неправду и народила бы рай на земле, всю бы жизнь перекроила». Вопрос о такой вере был основным вопросом для обоих друзей — Амоса и Ерфилыча, неустанных пропагандистов против обманов церкви и неправды житейской на всех базарах и при всех встречах.

Вполне естественно, что и в беседе с Владимиром Ильичем этот вопрос многократно выдвигался на первый план.

Владимир Ильич очень популярно, весьма убедительно и чрезвычайно просто разъяснил, что «веру нельзя придумать, сочинить. А если веру придумать, и даже очень хорошо, как это сделал граф Толстой¹, то эта вера не изменит человеческих отношений. Эта вера бессильна в жизни, а вот рынок-базар всякую веру для себя приспособит. Жизнь идет по своим правилам, законам. Наука, история доказывают, что не вера изменяет человеческие отношения, а наоборот, человеческие отношения, вернее, хозяйственные нужды, хозяйственные отношения могут изменить всякую веру, приспособить ее для нужд хозяйства почти без всякого труда».

Эту сложную мысль о решающем значении хозяйства, хозяйственных отношений между людьми Владимир Ильич так удачно иллюстрировал рядом ярких и простых примеров, что оба сектанта, всю жизнь исходившие в своих рассуждениях из Библии и Евангелия и придумывавшие веру, как-то сразу молниеносно просияли. Они поняли, что суть не вера, что вера, как и бог, — творения людей.

¹ По-моему, Владимир Ильич здесь умышленно подчеркнул «граф», чтобы вызвать у мужиков, уважавших Толстого, антагонизм, намекнуть, что от графа пользы не жди. — А. Б.

— А мы-то, дураки, целую жизнь ухлопали на то, чтобы верой жизнь перекроить. А оно действительно совсем просто, наоборот. А ты-то что нам всего этого не объяснил? — набросились они на меня. — Месяцев шесть с тобой валандались и книжки читали, а главного так и не узнали.

Мне пришлось сознаваться, что я и сам это еще плохо понимал.

— А мы-то считали тебя умным и ученым, а ты еще главную науку-то не прошел, — набросился на меня Ерфилыч, а затем обратился к Владимиру Ильичу: — Вот бы тебе по всем нашим собраниям проехать и разъяснить все, открыть глаза миру. Оно уж больно ясно.

Владимир Ильич радостно захохотал и сказал:

— Придет время, и все эти премудрости узнают.

Амос перебил Владимира Ильича:

— Нам надоело дожидаться, когда время придет. Вали, живей подвигай к нам это время.

Владимир Ильич и все мы засмеялись еще раскатистее.

— Вот вместе с вами мы это время продвинем живым манером, — сказал Владимир Ильич.

Когда мы расходились спать, Амос опять впился в меня и оживленно, с необычайной для него торопливостью повторял:

— Вот это башка! Вот бы таких по всем деревням... Дай срок. Этот делов наделает. Вот тебе и вся вера псу под хвост. Здорово! Крепко и правильно!

Ночью в соседней комнате, отделенной от нас дощатой переборкой, Василий Князев, Амос Прокопьевич и Ерфилыч очень долго и оживленно говорили о чем-то полусшепотом, то и дело повторяя:

— Ну и башка!..

Хозяйки (дочь и жена) поднялись еще до свету, и видно было, что они очень озабочены тем, чтобы хорошо накормить гостей.

Настало утро, солнечное и ясное. В небе ни облачка, и от вчерашней бешеной Волги, злоумышлявшей против нас, не осталось и следа. Перед нами снова оказалась тихая, спокойная, но мощная и властно катившая свои воды великая река.

Проводы носили торжественный характер. На берегу было оживленно и шумно, раздавались разнообразные перекрестные пожелания, приглашения, шутки, предложения и прочее.

— Эх, в рот тебе ситного пирога с горохом, в одночасье веру псу под хвост, всю душу переверотили, а теперь вот уезжают... Да поехали бы лучше к нам, в Старый Буян, в Кобельму... Не забывайте. Навещайте нас почаще, — не то надрывно кричал, не то угрюмо ворчал Амос.

Владимир Ильич очень трогательно простился со своими собеседниками, и мы тронулись к Самаре.

Когда мы выехали на стрежень и лодка понеслась, Владимир Ильич прервал молчание:

— Вот опять интереснейший отрывок жизни. Мысль крестьянина ищет выхода, бьется, забредает в затхлые религиозные закоулки и бодро радуется, когда поймет суть дела. Василий Князев, Амос Прокопьевич, Ерфилыч — какие прекрасные люди, ставящие на первый план интересы общества! И сколько таких Амосов разбросано по бесконечным селам и бьется, отыскивая выход, оторванные от тех, кто этот выход может указать! Эти силы необходимо объединить и направить к общей цели не по народническим тупикам и закоулкам, а по прямому пути марксизма.

В. В. Савицкий в разговор не вступал и вообще всю дорогу чувствовал себя как-то не особенно важно. Обычно очень общительный, В. В. Савицкий в этой поездке был почему-то угрюмым, замкнутым, и Владимиру Ильичу не удалось с ним поближе сойтись.

День был яркий, безоблачный, безветренный, а Волга после вчерашней бешеной бурной трепки, как-то особенно ласково и быстро несла нашу «Нимфу» к Самаре. Рано утром 11 мая высадились у Самолетской пристани.

У меня на всю жизнь сохранились теплые воспоминания об этой одной из самых интересных поездок.

В семье Ульяновых

Примерно около половины мая Владимир Ильич прекратил регулярные занятия в кружке Скляренко¹.

За лето 1890 года мы с Владимиром Ильичем не встречались и только в августе перед отъездом в Питер² Владимир Ильич раза три заходил на квартиру Скляренко, но уже не для занятий, а так вообще поглядеться и покалякать.

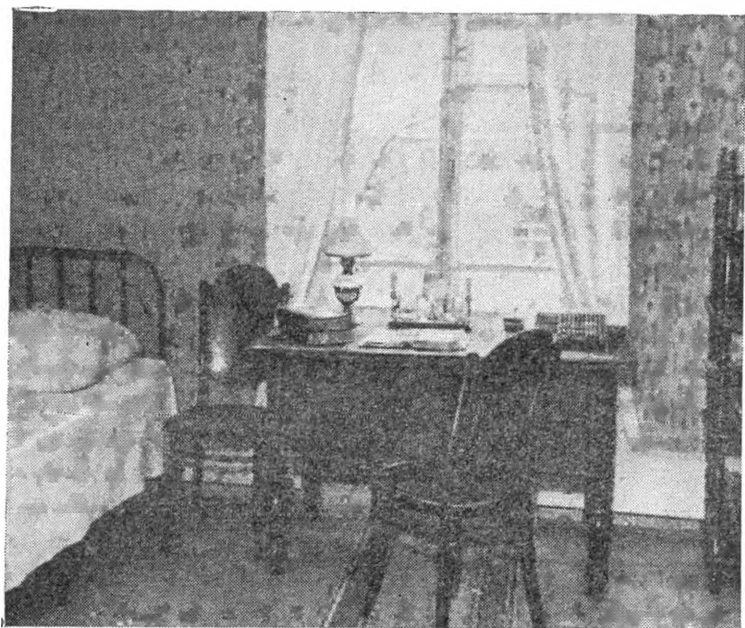
В течение лета постоянных занятий в кружке почти не велось. Можно считать, что в кружковой работе до зимы получился перерыв. Зато зима 1890/91 года ознаменовалась интенсивнейшей работой не только кружка А. П. Скляренко, но и большинства самарских кружков. Отлучки Владимира Ильича из Самары в связи с экзаменами и загруженность его работой не



Дом Рытикова. Третья квартира Ульяновых.

¹ В мае 1890 года Владимир Ильич получил разрешение держать экстерном экзамены при Петербургском университете. (См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 49—50). — *Ред.*

² В конце августа 1890 года Владимир Ильич ездил в Петербург, чтобы ознакомиться с условиями предстоящих экзаменов. (См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 51). — *Ред.*



Комната В. И. Ленина.

ослабляли деятельность кружка Скляренко. Полученная кружком закваска сильно бродила и давала реальные результаты.

В январе 1891 года, а может быть, в декабре 1890 года, утверждать категорически затрудняюсь, Скляренко и я впервые появились на квартире Ульяновых — угол Почтовой и Сокольничьей, дом Рытикова, во втором этаже.

Я помню отлично, как оба мы инстинктивно стремились скорей в комнату Владимира Ильича, где чувствовали себя как-то лучше, проще и свободнее. Однако проходить в эту комнатку, в эту лабораторию, где вырабатывались, подготавливались, обдумывались Владимиром Ильичем теории и планы, приходилось всегда через столовую, через этот «уловитель», от которого уклонялись Скляренко и я. Комнатка была около трех-четырех квадратных сажений, с очень

скромным, весьма вместительным письменным столом, который скорее других вещей в комнате бросался в глаза. На столе всегда был образцовый, удивительный порядок в расположении книг и очень небольшого количества тетрадок, очевидно рукописей, заметок, выписок.

Для меня было ясно, что на столе Владимир Ильич держит только те книги, которые в ближайший момент нужны для работы.

Главная масса книг с правой стороны состояла из учебников, пособий, лекций, которые Владимир Ильич «прошибал», как выражался Скляренко, готовясь к экзамену за юридический факультет, а с левой стороны всегда можно было видеть новую книжку толстого журнала, «Капитал» Карла Маркса по-немецки, Ф. Энгельс — по-немецки, свежую книгу «Die Neue Zeit»¹. Это, очевидно, были настольные книги. Иногда появлялись книжки Николая — она, В. Е. Постникова и лежали подолгу на столе, вероятно, подвергаясь изучению.

Отдельно на этажерке в углу громоздилась главная масса юридических книг, пособий, лекций и новинки в то время редких экономических работ, дожидавшиеся своей очереди для чтения. Скляренко и мне комната Владимира Ильича казалась необычайно уютной, и уходить из нее всегда не хотелось. Время в этой комнатке летело незаметно, быстро, и я не помню случаев, когда бы в этой милой, светлой, привлекательной комнатке было скучно и не расцветали широкие перспективы.

Столовая же, или, вернее, столовая-гостиная, с большим столом, накрытым белоснежной скатертью, с тарелочками, салфеточками и прочим, несмотря на необычайную сердечную приветливость матери Владимира Ильича, Марии Александровны, производила почему-то, особенно на меня, не выдавшего в детстве чистых скатертей на столе, отпугивающее, уступающее впечатление. Скляренко белоснежных скатертей не трусил, ибо воспитывался в доме, где чистые скатерти были приняты в обиходе, но он всегда уклонял-

¹ Журнал «Новое время» издавался немецкой социал-демократической партией. — *Ред.*



М. А. Ульянова.

ся от чаепития в большом обществе, потому что считал это занятие бесполезной, глупой тратой времени и почти ненавидел чисто убранный стол. Скляренко уверял, что у него болезненная ненависть к чистой скатерти как к символу буржуазного строя, и ему постоянно непреодолимо хотелось учинить на чистой скатерти какое-нибудь безобразие. Это и заставляло его изыскивать всяческие, самые разнообразные предлоги для уклонения от чаепития за общим столом в доме Ульяновых, несмотря на глубокое

уважение к Марии Александровне...

Мария Петровна Яснева¹, приехавшая в Самару осенью 1891 года, с которой мы тогда же познакомились, тоже отличалась способностью заливать чаем и всем, что подвернется под руку, белоснежную скатерть. Каждый из нас по-своему реагировал на белоснежную скатерть в доме Ульяновых: Скляренко ненавидел, я боялся, а Яснева довольно равнодушно при всякой возможности скатерть заливала, к явному огорчению Марии Александровны...

Чаще всего я бывал в доме Ульяновых с Марией Петровной Ясневой или Алексеем Скляренко.

Мария Ильинична была тогда ученицей только еще третьего класса Самарской гимназии, но уже состояла под самым строжайшим надзором училищного начальства, точно так же, как и Дмитрий, младший брат Владимира Ильича, учившийся в шестом классе гимназии. В моей памяти о встречах с этими, тогда еще детьми, но уже с ярлыком «опаснейших крамольников» почти ничего не сохранилось, так как в разговорах они редко принимали участие. В моменты наших посещений в будние дни они чаще всего были заняты своими учебными работами.

¹ Голубева М. П. — *Ред.*

Анну Ильиничну Елизарову приходилось встречать очень редко, ибо она, занятая уроками, по вечерам зимой почти не бывала дома, а Скляренко и я бывали у Владимира Ильича чаще всего между пятью и шестью часами вечера. Обычно в это время редко кто, кроме Марии Александровны и детей, бывал дома.

...Скляренко и меня очень поражала та изумительная нежность, с которой Владимир Ильич при встречах и при расставаниях с матерью целовал ей руку. Всякого другого за такие «барские» обычаи мы бы тогда подняли на смех, заулюлюкали бы, сжили бы со свету. Но здесь мы как-то сразу согласованно почувствовали, что это не барская манера. В этом целовании руки сказывалась вся безмерная скорбь об утрате брата Александра, вся нежность сыновней любви, вся сила пламенного желания смягчить острую боль утраты, выразить бесконечную ласку. Скляренко, отрицавший целование рук и вообще «телячьи нежности», очень любил поязвить по поводу всякой уродливой буржуазной привычки. Но в этом случае он как-то сразу признал, что это прекрасно, что в этом есть глубочайший смысл, что «барством» здесь не пахнет.

Во время воскресных, сравнительно редких ульяновских чаепитий за общим столом в присутствии Владимира Ильича всегда было очень оживленно, весело. Яркая, сочная мысль, ясное отчетливое, ядреное слово превращали всякую беседу, даже по пустяковым вопросам, в живой фейерверк не слов, а мыслей.

1890 год был преддверием голодного 1891 года. Гроза над Поволжьем надвигалась. Это было ясно для всех, кроме царского правительства.

Зашевелились радикалы и либералы. К ним примазывались остатки растрепанных народников и захудалых народовольцев.

В самарских кружках было хорошо известно, что после казни Желябова и Перовской началось быстрое вырождение партии «Народная воля», дошедшее до того, что известный народоволец П. Ф. Якубович, поэт

и писатель, осужденный по «процессу 21-го»¹, открыто заявил, что былая идея захвата власти уже оставлена народовольцами и надежды возлагаются на «призыв с высоты трона». Однако народники всех «видов», потерявшие свои боевые знамена, — в противовес марксистам, выступавшим уже в легальной прессе и очень серьезно и решительно в прессе нелегальной, — зашевелились. По разным городам, «неблагополучным по марксизму», поехали бродячие агитаторы народничества, чтобы оттянуть молодежь от «модной болезни» — марксизма.

Один из таких агитаторов, народник Россиневич, в начале марта 1891 года появился в Самаре и через Александра Ивановича Ливанова, Н. С. Долгова В. О. Португалова, В. В. Савицкого и некоторых других народников приступил к разведке вражеских марксистских сил и вражеского расположения. Я не знаю результатов этой предварительной разведки, но в кружки молодежи Россиневич почему-то не пошел, связаться с кружками не пожелал. Может быть, это произошло потому, что он считал их слишком мелкими и незначительными.

Числа я точно не припомню, но уверен, что это было в начале марта 1891 года, народники организовали большой «журфикс» в квартире зубного врача Анны Абрамовны Кацнельсон на Дворянской улице.

Несмотря на перегруженность работой, Владимир Ильич на этот «журфикс» очень охотно пошел, хотя, по моим впечатлениям, терпеть не мог всякого рода «журфиксов».

Собрание было многочисленное, народнические звезды всех величин были в полном сборе. Доклад Россиневича, на который народники возлагали большие надежды, был очень слаб, малосодержателен, плохо построен, но еще хуже обоснован. Даже для меня, А. П. Скляренко, Лебедевой, Кузнецова, едва усвоивших основные истины марксизма, начатки материализма, этот доклад остался легкомысленным, и

¹ Один из судебных процессов над народовольцами, проходивший в 1887 году. П. Ф. Якубович был приговорен к смертной казни, замененной позже каторгой и поселением в Сибири. — *Ред.*

мы уверены были, что Владимир Ильич разобьет его в пух и прах.

Никаких новых и сильных положений в своем докладе Россиневич не выдвинул. Он путался беспомощно в безнадежном старом хламе о самобытных путях экономического развития России, о крупной решающей роли земельной общины, об огромном значении артелей для общественной переработки сырья на кустарных промыслах, как о «народной промышленности» и т. д. все в этом же роде и, наконец, о необходимости немедленного и дружного объединения всех оппозиционных групп в единый «союз» для низвержения самодержавия. По выражению лиц присутствовавших столпов народничества можно было судить, что даже они докладом не удовлетворены. Очевидно, они ждали от Россиневича большего, и настроение среди них было заметно пониженное.

Владимира Ильича благоглупости Россиневича привели в отличное расположение духа, ироническая усмешка в глазах и на губах Владимира Ильича играла вполне отчетливо. Было ясно, что никаких затруднений для убийственной критики Россиневича он не испытывал.

Простая по форме и очень глубокая по существу речь Владимира Ильича, обильно иллюстрированная цифрами из книг народнических апостолов, основоположников — В. В., Николая — она, Кривенко, Южакова и других, — произвела глубочайшее, неотразимое впечатление на всех без исключения. От доклада Россиневича не осталось ни одного живого места; все смешное было очень тонко высмеяно, глупое, неуклюжее и наивно-детское было так просто и остроумно разоблачено, что сам Россиневич по временам заразительно хохотал, а марксистская часть собрания была буквально наверху блаженства.

Особенно сильно были поражены Россиневич и другие народники утверждением Владимира Ильича, что «капиталист растет из кустаря», что кустарное производство, почитаемое народниками за особое «народное производство», — не больше как первый шаг на пути развития капитализма. Цифрами из работ народников и земских статистических сборников Владимир Ильич доказал порабощение кустарей кула-

ками, а главное, выяснил, что кустарные промыслы не что иное, как «домашняя система крупной промышленности».

Все это было настолько ясно и очевидно, хотя и ново, что выступить никто из народников не решился.

Это был первый триумф Владимира Ильича на большом собрании с участием широких кругов радикальной интеллигенции и учащейся молодежи, который разнес славу его как блестяще образованного экономиста и большого мастера-полемиста.

Поражение народнического агитатора, приехавшего разнести «чуждую» России теорию Маркса, было настолько очевидно для всех, не исключая и самого Россиневича, что на другой же день этот столп народничества из Самары уехал, отказавшись от целого ряда намеченных выступлений.

А. А. Кацнельсон слышала от Н. С. Долгова, что Россиневич сильно поссорился с Ливановым и другими за то, что они не предупредили его о столь сильном противнике, чтобы подготовиться к выступлению с более увесистыми материалами. Они его сбили с толку утверждениями, что Ульянов «чересчур самонадеянный, самоуверенный и резкий юноша, верхогляд, не больше», а он, по мнению Россиневича, «самого В. В. за пояс может заткнуть по своей подготовке и зубастости».

Россиневич уехал крайне недовольный самарскими народниками за безобразно плохую организацию и за совершенно неправильную предварительную информацию о силах противника.

Россиневич предрекал самарским народникам, что их ждет поражение по всем фронтам и что работа марксистов под руководством такого способного, энергичного и сильно подготовленного юноши скоро всюду вытеснит, сведет на нет народников и народовольцев.

После этой первой победы Владимира Ильича над самарскими народниками во главе с приезжей знаменитостью Россиневичем в самых широких кругах радикалов, либералов и учащейся молодежи стало хорошо известно, что появилась новая сила, новое учение, которое всю свою программу, всю свою работу основывает на цифрах и фактах, на изучении эконо-

мической действительности, отвергая всякие самобытные пути экономического развития и проповедуя научный социализм. Это учение дает «героям» по шапке, а на первый план как движущую силу истории выдвигает рабочие массы, утверждает, что только организованный рабочий класс может совершить революцию, а не интеллигенция, хотя бы самая революционная.

Жизнь самарских либералов и радикалов в эту зиму шла, как всегда, как заведенная машина. По определенным дням, в определенных домах собирались «журфиксы». Прибавилась новая тема для разговоров о «задорном юноше», который старичкам «здорово по носу нащелкал». По разговорам трудно было установить, довольны или недовольны этим собеседники, но марксизм как нарождающаяся сила привлек к себе деятельное внимание интеллигенции. Началась погоня за первым томом «Капитала», которого в Самаре было не больше четырех-пяти экземпляров.

Насколько мне помнится, уже в зиму 1891 года появился в Самаре первый экземпляр брошюры Г. В. Плеханова «Наши разногласия»; и не было книги, которая пользовалась бы большим успехом не только среди молодежи, но и среди радикалов и либералов, чем эта боевая работа Плеханова. Это также свидетельствовало о том, что «субъективный метод в социологии» доживал свои последние дни, а исторический материализм, теория Маркса и Энгельса незаметно, но властно внедрялась во все поры общественной жизни.

На незначительном «журфиксе» народников многозначительное выступление Владимира Ильича дало, на мой взгляд, весьма значительный результат. Шедшим вразброд остаткам народников и народовольцев и болтавшимся «без руля и без ветрил» радикалам и либералам был показан новый путь. Пробужденный к работам марксистов интерес, усилившийся спрос на произведения Маркса среди молодежи свидетельствовали, что выступления «задорного юноши» — Владимира Ильича — были не только многозначительны, но и чреватые большими для движения последствиями.

Интерес к марксизму широко захватил самые разнообразные круги молодежи Самары; марксистская

литература, главным образом нелегальная, в изобилии к этому времени появившаяся, разжигала этот интерес все сильнее и сильнее.

Передовая, революционная молодежь, тон которой задавал кружок Скляренко, не пропускала ни одного случая, где бы можно было заявить свой протест против темных сил реакции.

В двадцатых числах апреля 1891 года, когда было получено известие о смерти публициста-революционера Николая Васильевича Шелгунова, решено было организовать большую панихиду-демонстрацию, чтобы не ударить в грязь лицом перед студенчеством Москвы и других городов. Радикалы и либералы обещали собрать все свои силы для придания этой панихиде внушительности. Скляренко предостерегал, что с радикалами связываться не стоит, напоминал опыт весьма конфузной панихиды без всякой демонстрации по Чернышевскому осенью 1889 года, но большинство было увлечено мыслью собрать чуть ли не триста человек.

Владимир Ильич в кружке Скляренко высказывался категорически против подобной панихиды, неносящей характера демонстрации, и лишь в крайнем случае допускал, что молодежь может устроить свою панихиду, но без либералов, так как либералы обязательно надуют, не могут не надуть.

Насколько мне помнится, молодежь назначила панихиду 22 апреля в пять часов вечера все в той же кладбищенской церкви. Собралось около пятидесяти человек, главным образом учащихся. И снова старенький кладбищенский попик за пять рублей жалобно молился о «блаженном успении и вечном покое новопреставленного боярина Николая».

— Что же, этот усопший был ваш любимый учитель? — спросил после панихиды поп.

— Да-да, это наш лучший учитель, — подтвердила молодежь.

— Это хорошо, что не забываете учителя, — заметил поп. — Может быть, сорокоуст закажете или вечное поминовение? Это не особенно дорого.

Все это привело демонстрантов в веселое настроение, но «сорокоуста» по Шелгунову они так и не заказали...

Владимир Ильич весело хохотал над этим «сорокоутом», изводил инициаторов неудачной демонстрации-панихиды частыми напоминаниями об этом анекдотическом и необдуманном предприятии.

Голод в Поволжье

Весна и начало лета 1891 года оказались сильно засушливыми, почти без единого дождичка. Беспощадное солнце выжгло яровые посевы начисто, а гибель озимых посевов была установлена еще раньше. Надвигался черный голодный год, один из тех ужасных, кошмарных годов, которые очень хорошо известны крестьянам Поволжья вследствие своей периодической повторяемости.

В августе выяснилось окончательно, что с полей не удастся собрать половины высеянных семян. Корм для скота тоже не уродился, вернее, был выжжен, как и хлеба. Было ясно, что бедствие неотвратимо, вплотную надвинулось и приготовилось зажать население сел и деревень своей беспощадной железной рукой.

Наиболее предусмотрительные из крестьян, наиболее решительные, не дожидаясь, когда доедут последний фунт хлеба и лягут умирать, начиная с конца августа заколачивали окна и двери своих домов, если их не удавалось продать, клали необходимый скраб на телегу и ехали куда глаза глядят в поисках хлеба и работы.

Ехали чаще всего по направлению к Оренбургу или к Волге, где можно было продать лошадь, телегу и прочий скраб и достать хлеб, привозимый на пароходах.

Паники еще не было, но в конце сентября улицы Самары были переполнены бесчисленными толпами голодных крестьян, просивших помощи. Женщины, дети, старики, едва державшиеся на ногах, с воспаленными глазами полными непередаваемого ужаса, с опухшими лицами, бледные, как тени, бродили по всем улицам и закоулкам, вопили надрывным стоном, а иногда, не имея уже сил говорить, шевелили губами,

но всегда, изо дня в день, с утра до вечера все одно и то же:

— Подайте, Христа ради, голодающему!

Свирипствовал тиф. Снизу по Волге, от Астрахани надвигалась страшная азиатская гостья — холера, но наступили холода, и холера не дошла.

В соседней, Саратовской губернии пронеслась волна холерных бунтов. Обезумевшая от ужаса нагрянувших бедствий, темная толпа не только избивала, но и убивала врачей, фельдшерниц, санитаров, а заодно и попадавшее под руку начальство.

В ряде случаев «холерные беспорядки» принимали такие размеры, что правительство двигало на усмирение немалые военные силы. После усмирения винтовками начиналось вразумление «розгами»; и только после этого — следствие на предмет предания суду.

В конце октября движение голодных полчищ увеличилось. В глухих, отдаленных от Самары и уездных городов деревнях люди уже питались падалью, набрасывались с жадностью на все, что можно было жевать.

Так называемое общество забило тревогу, зашумела пресса, и правительство, наконец, увидев недород, разрешило устраивать столовые, питательные и лечебные пункты и даже раскачалось на организацию «общественных работ» для помощи голодающим.

Засуетились, зашумели радикалы, либералы, земцы, купцы, чиновники и даже реакционные обыватели. Все собирались спасти от гибели «меньшего брата — мужичка».

К началу ноября в Самару время от времени приезжали видные деятели, писатели, чтобы помочь голодающим, но их помощь была мизерной по сравнению с размерами бедствия, охватившего не только всю Самарскую губернию, но и почти все Поволжье.

Приезжал Лев Николаевич Толстой для организации столовых и оставил своего сына Льва Львовича в качестве уполномоченного. Приезжал Владимир Галактионович Короленко.

Правительство отпустило около двух миллионов рублей на так называемые общественные работы. Решено было строить в Самаре элеватор, бухту на реке Самаре для зимней стоянки и ремонта пароходов

и барж, дамбу на реке Самаре у станции Кряж; построить в Бугуруслане элеватор и очень большую дамбу на пойме реки Кинеля. Кроме того, были организованы лесные заготовки.

Нечего и говорить, что ассигнование двух миллионов рублей, если бы даже все эти деньги ушли на помощь голодающим, составило около двух рублей на душу населения Самарской губернии, то есть каплю в море. Это была не помощь, а своего рода «канцелярская отписка» со стороны правительства, чтобы заткнуть глотку прессе, которая производила неблагоприятный для правительства шум.

Общественная помощь была не меньше правительственной, но и эта вторая капля в море не могла уменьшить того океана крестьянского горя, который беспредельно бушевал.

В столовых всех городов не больше тридцати тысяч голодающих получали свои порции и тем давали возможность «народным витиям» спокойно спать с чувством исполненного долга, а в заброшенных далеких деревнях, за сто пятьдесят — двести верст от города, сотни тысяч людей, доевши падаль и мякину, пухли с голода и безропотно умирали.

На бесчисленных «журфиксах» радикалы и либералы показывали со вздохом глубокого сожаления образцы «голодного хлеба», сильно похожего на пресованный и засушенный навоз. Иметь образец «голодного хлеба» стало признаком хорошего тона.

Суетились, бегали, вздыхали, совали друг другу под нос «голодный хлеб», заседали в комитете помощи голодающим, вырабатывали меры, писали воззвания, а мужик все умирал и умирал...

Либералы ждали конституции, лелея в себе уверенность, что правительство не справится с несчастьем и обязательно «козырнет» конституцией, чтобы завоевать этим симпатию «общества». Радикалы и народники шли дальше. Они поговаривали чуть ли не о революции, очень неясно представлявшейся даже им. Саратовские «холерные бунты» они считали предвестниками революции, а в ожидании этой революции они разливали щи в столовых для голодающих и вместе с полицейским приставом и губернаторским чиновником заседали в комитете.

Молодежь в общей массе еще не определила своих позиций и колебалась как маятник — туда и сюда.

Кружок Скляренко соприкасался с комитетом голодающих, бывая на всех его заседаниях, а также в столовых, чтобы знать, как дела обстоят, и выяснить, нельзя ли выкроить чего-нибудь подходящего в смысле революционной работы.

Владимир Ильич еще весной при разговорах в кружке Скляренко о грядущем голоде высказывался определенно, что революционные группы и кружки обязаны стоять в стороне, не работать вместе с чиновниками и либералами, ибо подобная помощь означала прежде всего укрепление той системы управления, при которой голод превратился бы в периодическое явление, способствовала укреплению основ буржуазного строя.

Мы ждали приезда Владимира Ильича с большим нетерпением, ибо наступило время, когда от разговоров следовало переходить к делу, когда нужно было намечать определенные конкретные действия. Вопросу о пропаганде в столовых не придавалось значения, ибо Владимир Ильич считал, что она не даст практических результатов.

Владимир Ильич вернулся в Самару из Питера¹ в ноябре в самый разгар болтовни в пользу голодающих.

С приездом Владимира Ильича наши выступления стали более определенными. Правда, наши силы не были велики, но все-таки мы не пропускали ни одного собрания комитета, куда являлись исключительно для того, чтобы мешать работе, вносить резкую критику и таким образом разбивать силы комитета.

В. В. Водовозов, считая Владимира Ильича открытым врагом комитета, везде и всюду извращал его истинное отношение к вопросу о голоде и таким путем старался восстановить против Владимира Ильича так называемое общественное мнение. В. В. Водовозов кричал на всех перекрестках, что Владимир Ильич против кормления голодающих, что он считает голод

¹ Владимир Ильич вернулся в Самару после сдачи экзаменов в Петербургском университете. (См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 61). — *Ред.*

явлением прогрессивного порядка. Все эти утверждения — чистейший вздор, возмутительное извращение подлинных мыслей Владимира Ильича по вопросу о голоде и помощи голодающим. Всегда, везде и всюду и во всяком случае Владимир Ильич утверждал только одно, что в помощи голодающим не только революционеры, но и радикалы не должны выступать вместе с полицией, губернаторами, вместе с правительством — единственным виновником голода и «всероссийского разорения», а против кормления голодающих никогда не высказывался, да и не мог высказываться. На практике, на деле Владимир Ильич гораздо быстрее, чем всякие водовозовы, способен был отдать все, что у него было, чтобы накормить голодающего, но он прекрасно понимал, что в огромном народном несчастье этим не поможешь. Точно так же нигде, никогда и ни при каких условиях в Самаре Владимир Ильич не называл и не мог назвать голод, как всенародное крестьянское бедствие, явлением прогрессивного порядка.

Владимир Ильич не меньше других революционеров страдал, мучился, ужасался, наблюдая кошмарные картины гибели людей и слушая рассказы очевидцев о том, что совершается в далеких заброшенных деревнях, куда не доходила помощь и где вымирали почти все жители.

Владимир Ильич уже и в то время, несмотря на свою молодость, я бы сказал, юность — ему шел только двадцать первый год¹, — имел вполне сложившиеся взгляды, определенные, ясные, без всяких колебаний, сомнений. Он и нас учил, что самая первая, самая главная задача революционера вообще, и социал-демократа в частности, разоблачать беспощадно, не упуская ни одного самого ничтожного случая, врагов рабочего класса, врагов всех трудящихся, прояснять сознание эксплуатируемых масс, обнажать непримиримость интересов командующих классов с интересами подневольных классов и групп населения.

Владимир Ильич имел мужество открыто заявить, что последствия голода — народное промышленно-пролетариата, этого могильщика буржуазного

¹ В ноябре 1891 года Владимиру Ильичу шел 22-й год. — Ред.

стройка, — явление прогрессивное, ибо содействует росту индустрии и двигает нас к нашей конечной цели, к социализму через капитализм. Но именно только последствия голода создают прогрессивное явление, а не самый голод. Голод, разрушая крестьянские хозяйства, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в бога и со временем, несомненно, толкнет крестьян на путь революции и облегчит победу революции.

Подобного рода утверждения тогда даже для В. В. Водовозова, знакомого с «Капиталом» Маркса казались каким-то безумием, анархизмом, бездушием, а радикалы и либералы, испуганно тараща глаза, приходили к заключению: «спятил мальчик с ума бесповоротно».

Значительная часть разговоров Владимира Ильича о помощи голодающим происходила на квартире В. В. Водовозова, всегда с участием почти полного состава кружка Скляренко.

Мы неоднократно тянули Владимира Ильича на собрания комитета помощи, но он всегда и очень решительно отказывался, указывая, что с таким собранием губернаторских чиновников есть один способ разговора: «рукой за горло и коленкой на грудь».

Участие в этом комитете Водовозова, Ливанова, Анненкова, Савицкого и других поднадзорных народных Владимир Ильич считал большим позором, но кружку Скляренко рекомендовал, не входя органически в работу и в состав комитета, посещать собрания только для того, чтобы подчеркивать бессилие и ничтожность этой организации и ничтожность всей подобной помощи голодающим при существующем строе.

Организованная молодежь, работавшая под руководством кружка Скляренко, это делала охотно и настолько небезуспешно, что комитет помощи, чтобы избавиться от наших назойливых выступлений, стал скрывать места своих заседаний. Однако среди комитетчиков нашлись, по их понятиям, «предатели», а по нашему представлению, просто охотники посмеяться, позлоствовать над комитетом, которые почти всегда точно указывали нам час и место собрания комитета. Это приводило Владимира Ильича в очень

веселое настроение, а у комитета наше появление на его почти конспиративных заседаниях вызывало несомненное уныние и раздражение.

Недаром В. В. Водовозов в своих заграничных воспоминаниях сравнительно правдиво отмечает: «Ленин вел систематическую и решительную пропаганду против комитета. На чьей стороне была победа — сказать трудно. Несомненно, за Лениным было меньшинство, но это меньшинство твердо держалось на своих позициях. Сторонники Ленина не колебались. Обратные случаи, когда пропаганда Ленина убеждала сторонников комитета, отрывала их — были. В небольшом количестве, но были».

К концу ноября 1891 года нам удалось работу комитета дезорганизовать, сильно расстроить и во всяком случае, довести до такого состояния, что в комитете остались почти одни чиновники и купцы, чего мы, собственно, и добивались. В декабре перестали появляться на заседаниях комитета Ливанов, Бухалов, Долгов, Савицкий, Осипов, Анненков, Любецкой, Красноперов, Чеботаревский, Крамер, Михайловский-Гарин¹, Поздняк, Иванов Иона Ионович и несколько других крупных фигур, фамилии которых я сейчас не могу припомнить. Если принять во внимание, что все это были наиболее активные работники, то нельзя выразить изумления скромности заявления Водовозова. «В небольшом количестве, но были». Для Самарского комитета из шестидесяти человек выход около 25 процентов деятельных членов — это очень большое количество поколебленных, оторванных от комитета сил.

А Владимир Ильич, располагая тогда действительно небольшой группой преданных ему молодых, неопытных, слабо подготовленных работников в количестве двенадцати-пятнадцати человек, действовал как опытный полководец и сумел дезорганизовать комитет, состоявший из старых, опытных, умелых чиновников, иногда с крупным положением в обществе.

Наши выступления всегда были инструктированы Владимиром Ильичем, который тогда, несмотря на

¹ Михайловский Н. Г. (1852—1906) — известный русский писатель, выступавший под псевдонимом Н. Гарин. — *Ред.*

Отсутствие телефонов и технического аппарата, как-то умел через свой штаб — кружок Скляренко всегда своевременно указывать — когда, где, кому, на каком заседании и как выступать.

Протоколы заседаний комитета помощи голодающим, которые велись всегда аккуратно и своевременно, могли бы дать весьма ценный материал для освещения этого важного для того времени вопроса. Если бы удалось отыскать протоколы заседаний комитета, то они, несомненно, могли бы осветить интереснейшую часть общественной работы кружка Скляренко, то есть, в сущности, работы Владимира Ильича, на которой будущий вождь пролетариата пробовал свои тогда еще юные силы организатора.

Ежедневно описываемые в газетах ужасы в голодающих районах, неисчислимы толпы нищих, образцы «голодного хлеба», плач и несчастье на каждом шагу не мешали тому обычному течению жизни, которое наблюдалось в Самаре до голодных дней. Балы, концерты, танцевальные вечера шли своим чередом, с той только разницей, что теперь обыватели иногда танцевали «в пользу голодающих»,

Своим чередом либералы и радикалы устраивали все те же «журфиксы» с чаем и колбасой, но только изменились темы разговоров. Стало скучней, однообразнее и тоскливее.

Новые нотки прорывались в разговорах в связи с усиленно муссируемыми утверждениями Водовозова, что социал-демократы вообще, а Ульянов в частности, определенно против кормления голодающих, «пусть, дескать, умирают во имя новой теории социал-демократов» и, самое ужасное, считают, что «голод—прогрессивное явление», и радуются, что наконец-то этот прогресс наступил.

И так из недели в неделю, из месяца в месяц шла болтовня на «журфиксах», но молодежь всюду, где появлялась, резко возражала против вздорной болтовни, и часто эти возражения давали благоприятные результаты. Истинные действительные взгляды Ульянова, а не извращенные утверждения В. В. Водовозова, начинали все шире и шире проникать в круги либералов и радикалов. В 1892 году в Самаре уже появились

брошюры Плеханова «Всероссийское разорение» и «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», освещавшие этот запутанный вопрос. Ложь и наветы бледнели, а истинные взгляды социал-демократов и Ульянова начинали распространяться и укрепляться особенно в связи с выходом из состава комитета целого ряда видных и влиятельных народников, который косвенно подтверждал правильность положений Ульянова в вопросе о голоде.

Среди поднадзорных всех направлений, а также в кружках молодежи наступило оживление. Голод, как вопрос всех вопросов, перестал выдвигаться.

В числе мероприятий для облегчения положения голодающих я уже упоминал «общественные работы», но, по существу, это была не столько действительная помощь, сколько бессовестнейшая эксплуатация голодающих, вынужденных работать за сухую корку хлеба и ночлег в отвратительных вонючих бараках.

Заработная плата чернорабочего не превышала десяти-пятнадцати копеек в день вместо нормальной поденной платы тридцать-тридцать пять копеек. Мастеровые получали двадцать пять-тридцать пять копеек вместо пятидесяти за двенадцать часов почти каторжной работы. Само собой понятно, что на такую плату рабочий не мог обеспечить себя пропитанием и человеческим жилищем. Никакой инспекции труда и санитарного надзора тогда и в помине не было.

Голодные толпы прибывали изо дня в день и записывались в очередь. Смена происходила еженедельно, и конкуренция была самая зверская. Голодные, обезумевшие толпы нищих добивались только одного — чтобы хоть на недельку пристроиться «пожевать хлеб».

Во главе «общественных работ» в качестве главноуполномоченного стоял «светлейший князь» Ливен, высокопоставленный балбес, прожигатель жизни, «ни уха, ни рыла» не смысливший в работах, а его помощниками были князя Щербатов и Шаховской. Эти люди распоряжались отпущенными двумя миллионами, утверждали проекты и сметы, подбирали штаты руководителей работ. Они же инспектировали работы. Каждому уполномоченному ежемесячно из

сумм, ассигнованных для голодающих, отпускалось по пять тысяч рублей на бездокументные расходы. За год уполномоченные получили сто восемьдесят тысяч рублей. Получалось своего рода «обильное кормление» высокопоставленных балбесов, не обладающих опытом и умением организовать работы.

Уполномоченные почти не бывали в управлении — у них и без того было много «дел» на благотворительных танцевальных вечерах, за обеденным и чайным столом губернатора, предводителя дворянства, на завтраках, а чаще на ужинах именитого купечества. Этого рода «работой» князя «светлейшие» и менее «светлые» были перегружены и положительно выбились из сил. Между тем поездки на стройки доставляли мало радости, да, пожалуй, и здоровью угрожали. Вот почему князя как огня боялись этих поездок. Помимо неприятностей поездки часто дискредитировали уполномоченных в глазах голодающих рабочих, ставя начальство в смешное положение.

Мне приходилось принимать участие в некоторых поездках. Помню, как-то в мае 1892 года, как раз после хорошего весеннего дождичка, осматривали в Кряже глиняную дамбу высотой больше четырех саженей. Впереди шел производитель работ, а рядом с ним «светлейший князь» Ливен в белом майском фланелевом костюмчике, пригодном для великосветского салона, но совершенно не подходящем для осмотра земляных работ. На уполномоченном были лакированные ботинки, и ему, очевидно, не хотелось измазать их в грязи и глине. Это заставило его перепрыгнуть с дощечки на дощечку или с камня на камень. При одном таком прыжке «светлейший» потерял равновесие и скатился с четырехсаженной высоты откоса в водоотводную канаву. Секретарь его «светлости» Бугров готов был ринуться под откос, но не знал, как это сделать, ибо можно было по скользкой глине только съехать, но не сойти. Между тем из канавы раздавался жалобный, почти детский плачущий вопль:

— Ай, Бугров, как здесь неудобно, скорее помогите!

Рабочие надрывали животы, а свита, сопровождавшая уполномоченного, лопалась от желания похохотать над «светлейшим», только что принявшим «грязе-

вую ванну», но вынуждена была изображать на лице глубокое огорчение.

Шустрые десятники, землекопы юхновцы¹ быстро скатились вниз и принесли грязную и мокрую «светлость» в контору производителя работ для очистки и обсушки. Костюмчик был, конечно, совершенно испорчен.

Князь долго потом рассказывал в самарских салонах, как он ради голодающих рисковал жизнью и чуть не утонул.

После этого случая объезды работ уполномоченными почти совсем прекратились и были возложены на секретарей, понимавших в работах не больше своих сиятельных патронов.

«Общественные работы» стали притчей во языцех. О них среди молодежи была распространена ядовитая, хотя и не очень складная песенка.

Шурка, Шурка, где ты был?
На Самаре ямку рыл.
Ну, а польза есть иль вред?
Вам про это знать не след!

Как голодные живут?
Ах, отлично: пухнут, мрут.
Ну и вредный же народ:
Князю — рупь, а им — пятак.

Отчего же это так?
Князю — рупь, а им — пятак.
Значит, есть большой изъян?
Нет, «светлейший» вечно пьян.

Голод 1891 года произвел потрясающее впечатление на общественность России.

Владимир Ильич в кружке рабочих железнодорожных мастерских

К началу декабря 1891 года в гости к Водовозовым из Саратова приехали Н. Д. Россов, Чумаевский, Аргутинский-Долгоруков. Все они были явные народни-

¹ Юхновцы — выходцы из Юхнова (Смоленской губернии), славились на всю страну как лучшие землекопы, лучшие десятники. — А. Б.

ки, а позже, начиная с 1894 года, народоправцы. Они весьма интересовались самарскими социал-демократами и в первую очередь, конечно, Владимиром Ульяновым, братом народовольца Александра Ульянова. Эта компания решила устроить доклад В. В. Водовозова о германской социал-демократии, пригласив на него Владимира Ильича, кружок Скляренко, М. П. Ясневу и ряд видных самарских народников.

Водовозов предполагал, что в конце концов обязательно разгорятся прения и неизбежно развернутся в настоящее генеральное сражение, во время которого они Ульянова со всеми его теориями разобьют.

Несмотря на значительную глубину знаний Водовозова по общественным вопросам, несмотря на свежесть и животрепещущий характер темы, приходится сказать по совести, что доклад был вял, скучен и невероятно нуден. Вообще говоря, только Водовозов умел при животрепещущей теме дать такой безнадежно пустой, скучный и бесконечно тоскливый реферат. Вместо доклада о росте германской социал-демократии, о головокружительном росте голосов, подававшихся при выборах в рейхстаг за социал-демократов, и бодрых перспектив, вытекающих из этого, получился утомительный и скучнейший доклад с мелкими, ненужными, иногда неинтересными подробностями. Водовозов утверждал, что растущая германская социал-демократия шаг за шагом, одними парламентскими бюллетенями победит враждебный класс — буржуазию и осуществит социализм.

Владимир Ильич во время доклада заметно нервничал: было похоже, что он испытывал чисто физическую тошноту, и это было несколько не удивительно. Однако по временам в глазах Владимира Ильича вспыхивал столь обычный для него иронический огонек. Изредка Владимир Ильич делал себе заметки карандашом на листах бумаги.

Но вот доклад окончился и все облегченно вздохнули, тем более что в небольшой квартире Водовозовых, переполненной книгами было изнурительно душно.

После некоторого перерыва выступил Владимир Ильич, и притом выступил с самой беспощадной резкостью. Между прочим, он подчеркнул, что только архивные крысы могут представлять себе так просто

захват власти пролетариатом. Живая действительность — не архивная жизнь, борьба непримиримых враждебных классов ни капелечки не похожа на изображенную Водовозовым маниловскую идиллию. Опыт Парижской коммуны, опыт первого выступления штурмующих небо коммунаров, которыми восхищался Маркс, нисколько не похож на изображенную Водовозовым идиллию. Увлечение парламентаризмом, сказал Владимир Ильич, пахнет предательством интересов рабочего класса и им резко и решительно осуждается.

Страстная, резкая речь Владимира Ильича, сказанная с огромным подъемом и воодушевлением, но с обычной силой простоты, уверенности, убедительности, произвела огромное впечатление.

Выступил Россов, говорил Аргутинский, но все это было скучное жевание тряпок без убедительных фактов, без чеканки ясных, отчетливых, резко очерченных положений. Все речи были по типу «с одной стороны нужно сознаться», а «с другой стороны нельзя не признать», но сами говорившие чувствовали, что они говорят не то, что нужно. Таково было, по крайней мере, мое впечатление.

В. В. Водовозов был очень раздражен, говорил возбужденно, но не забыл отметить, что положение хозяина квартиры мешает ему сказать настоящие слова, но то, что он слышал от Ульянова, якобы не марксизм.

Через двадцать шесть лет после этого жестокого спора, в ноябре 1917 года рабочий класс по призыву Коммунистической партии, по призыву Ленина пошел на баррикады и в уличных боях завоевал власть, осуществил диктатуру пролетариата. Практика жизни подтвердила, что юноша В. И. Ульянов был безусловно прав в своем споре с раздраженным Водовозовым и его единомышленниками.

После этого выступления Владимира Ильича, принятого Водовозовым за личное столкновение, и началась, или, правильнее сказать, углубилась та неприязнь, которую я называю классовой ненавистью Водовозова к Ульянову. Однако это почти нисколько не мешало продолжению встреч Владимира Ильича с В. В. Водовозовым.

Для меня, как и для всего кружка Спяренко, бы-

ло совершенно ясно, что, несмотря на глубокую неприязнь, В. В. Водовозова все-таки тянуло к Владимиру Ильичу, ибо он ценил в нем глубокий ум и непоколебимую волю в проведении своих взглядов, что всегда и как-то незаметно привлекает. Водовозов всюду шумел о «преступных взглядах» Владимира Ильича, но на открытый разрыв с ним не шел, а, напротив, с видимым удовольствием стремился встретиться с Владимиром Ильичем и в домашней и в общественной обстановке. Это удивительное противоречие, но несомненный факт.

За три истекших года, с конца 1888 по декабрь 1891 года, старая мечта и решение кружка Скляренко объединить все кружки в одну организацию так и остались неосуществленными. Трудно выяснить основные причины этой неудачи, но текучесть состава большинства кружков, их сравнительная недолговечность, несомненно, являлись одной из серьезнейших причин, мешавших в общем неплохому организатору Скляренко провести в жизнь решение кружка, охватить все силы одной организацией.

Однако фактически три четверти, если не девять десятых всех кружков жили и работали под несомненным и определенным влиянием кружка Скляренко.

Приближалось 1 января 1892 года, и, естественно, шли оживленные разговоры о традиционной, веками установленной встрече Нового года.

От комитета помощи голодающим поступило предложение устроить объединенную общественную встречу Нового года чуть ли не в Коммерческом собрании со сборами в пользу голодающих. Кружок Скляренко, железнодорожный кружок и вообще все так называемые ульяновцы отказались от шумной встречи в Коммерческом собрании. Водовозовские круги пошли за комитетом, но там почему-то дело не вышло, и они устроили встречу Нового года не в Коммерческом собрании, а в ресторане Корнилова. Мы же устроили в складчину встречу Нового года в квартире А. А. Кацнельсон.

Это была первая большая вечеринка с участием Владимира Ильича. Было очень шумно и весело. Владимир Ильич пришел поздно, не больше как за десять минут до момента встречи Нового года, и, таким

образом, не принимал участия в проводах старого года и во всех надгробных речах с перечислением всех преступлений и несчастий, принесенных «покойником». Речи, вернее тосты, пожелания Новому году были очень живы и коротки. Небольшую речь произнес и Владимир Ильич.

Настроение было прекрасное, и, мне кажется, все чувствовали, что собралась одна братская семья, охваченная одним общим желанием, поставившая одну общую цель и готовая сплоченными рядами, сплошной несокрушимой колонной ринуться на борьбу с врагом трудящихся.

По обычаю того времени всякий вечер, всякое веселье полагалось заканчивать танцами. Была объявлена, не помню кем, «всеобщая, прямая и явная кадриль» без различия пола и возраста. Распорядитель обязан был наблюдать, чтобы в квартире не было ни одного праздного, то есть не танцующего, человека. Пришлось и Владимиру Ильичу отплясывать кадриль.

Это было уморительно веселое зрелище, ибо Владимир Ильич (да не один он, а многие танцоры сильно путались, поворачивались к своей «даме» спиной, когда нужно было повернуться лицом) давал руку чужой «даме» вместо своей, брал за талию вместо «дамы» случайно подвернувшегося кавалера из другой пары...

— Ну и Владимир Ильич, в разных серьезных политических вопросах не путает, а вот тут оказался малограмотным, напутал, — сказал кто-то из танцующих.

— Ничего, мы создадим кадрилион-кружок и к будущему году эту беду поправим, — пошутил Скляренко.

— Да ведь в этом занятии нет никакого плана, никакой определенной системы — вот и путаешься, — оправдывался Владимир Ильич.

Наступила весна. Вскрылась Волга, зазеленели луга, распустились листья на деревьях. Горожанина потянуло на Волгу и Самару, на луга, в горы и в деревни.

В голодных деревнях стало жить легче. Оставшиеся коровы начали давать молоко, лошади на зеленом



Самара. Волжская набережная. 1900-е годы.

корму стали поправляться, птица понесла яйца. Жизнь просыпалась во всей своей несокрушимости.

В первый же яркий солнечный весенний день, к вечеру, часов около пяти-шести, Склярченко зашел за мной, а затем мы вместе зашли к Владимиру Ильичу и утянули его на берег Волги к пароводным пристаням. Затем, это как-то само собой вышло, мы зашли в павильон Жигулевского пивоваренного завода, живописно расположенный на высоком берегу Волги, чтобы оттуда полюбоваться на закат солнца. Бесконечный простор широкого, как море, весеннего разлива Волги, освещенный солнцем, веселый рабочий гул, несущийся от пароводных пристаней, жизнерадостная толпа разнообразных людей, сидящая за столиками с пивом, — все это производило весьма своеобразное подбадривающее впечатление и в общем располагало к потягиванию пива, даже если не было к этому большой охоты.

— А сейчас здесь великолепно. Живо, весело, особенно эта картина разлива, куда лучше, чем в прошлом году, — сказал Владимир Ильич, быстро скользя глазами по окружающим соседям и внимательно прислушиваясь и к общему шуму, и к разговорам.

— Ага, значит, понравилось! Ведь я же говорил, что первая — колом, вторая — соколом, третья, четвертая

и пятая — мелкими пташечками. Всегда нужно верить моему большому опыту. Я это дело хорошо понимаю, — отозвался весело Скляренко, лукаво поблескивая глазами и уже наливая пиво.

Нужно заметить, что это было уже второе посещение павильона. Первое, когда Владимир Ильич довольно сильно упирался, было в конце августа или начале сентября 1891 года, накануне отъезда Владимира Ильича в Петербург. День был тогда сумрачный, а Волга, как это всегда бывает летом и к осени, имела довольно жалкий вид: узкая, чахлая, словом, тогда ничто не радовало глаз. Но в общем, за все время до половины 1893 года вряд ли насчитывается больше десятка — полтора посещений павильона.

Скляренко потягивал пиво с нескрываемым удовольствием, как знаток — «профессор пивопития». Владимир Ильич особого пристрастия к этому делу не проявлял, пил равнодушно, а я обыкновенное светлое пиво не выносил, пил только черное десертное сладкое пиво, чем всегда вызывал нескончаемые насмешки Скляренко, который считал черное пиво надувательством.

Владимир Ильич очень любил посещать этот павильон, но не ради пива, а, несомненно, ради того многообразного проявления жизни торгово-промышленного города, которое удавалось там наблюдать. А посетители там были необычайно разнообразные, и было что посмотреть: и купец, и хлебный маклер, и крючник¹, и масленщик, и матрос с парохода, и мелкий торговец, и какой-нибудь служащий земской управы, и ломовой извозчик, и компания чиновников, и разночинец-интеллигент, и самарский хулиган-«горчишник» — бесконечный kaleidoscope разнообразных по своему положению людей, объединившихся под одной кровлей павильона для общей цели — утолить жажду или поразвлечься.

¹ Крючник — рабочий по нагрузке и выгрузке грузов с пароходов и железнодорожных вагонов, обладающий огромной физической силой и ловкостью. На Волге встречались крючники, гереносившие на спине груз весом пятнадцать-двадцать пудов. На спине такого грузчика — специальная мягкая подушка, чтобы предохранить спину от боли, причиняемой твердыми грузами, а в руках железный крюк для поддержания груза. Отсюда и название «крючник». — А. Б.

Острая наблюдательность, умение иногда с одного взгляда проникнуть в самую суть явления, постигнуть всю глубину этой сути было отличительной чертой Владимира Ильича уже в молодости. Скляренок на это часто обращал мое внимание, а мне казалось, что Владимир Ильич обладал исключительным даром проникновения в недостижимые глубины человеческой души и удивительной способностью улавливать то или иное изменение в общественных явлениях в самом процессе зарождения, прежде чем эти общественные явления принимали определенные формы.

Летом у самарской кружковой молодежи было еще одно место почти ежедневных вечерних встреч и свиданий — это городской общественный Струковский сад. Я хорошо помню, что Владимир Ильич в этом саду появлялся очень редко. Несколько раз он бывал по настойчивым просьбам пиротехника Бурова, его знакомого, посмотреть фейерверк во время народных гуляний, и раза три-четыре Владимир Ильич появился в Струковском саду как на сборном пункте при поездках на лодке.

В одной из таких поездок участвовал Вильгем Адольфович Бухгольц¹, сделавший доклад «Основы этического учения о благах». Доклад безобразно скучный, расплывчатый, ни для кого не интересный.

Владимир Ильич очень остроумно высмеял этот доклад, назвал его сплошной, никому не интересной метафизикой. Бухгольца Владимир Ильич буквально «за ноги стянул на землю», указав, что все эти «основы этического учения о благах» вытекают из существа производственных отношений и являются малюсенькими надстроечками — не больше, не заслуживающими внимания революционеров, которые обязаны на первый план выдвигать основы, суть, движущие силы революции, первопричины, а не мелочи. Вообще вся философия идеалистов не более как буржуазная шелуха, под которой скрывается всякого рода пессимизм Шопенгауэров, Гартманов и поэтический вздор Ницше². Для революционеров пригодна единственная жизнера-

¹ См.: Настоящий сборник, с. 78, примечание 3. — *Ред.*

² А. Шопенгауэр, Э. Гартман, Ф. Ницше — немецкие реакционные философы XIX века, идеалисты. — *Ред.*



Самара. Струковский сад.

достная философия Маркса и Энгельса, философия классовой борьбы, ведущей к победе. Вместо заоблачных, недостижимых, туманных теорий и мечтаний, непонятных истинным созидателям доподлинных реальных благ — рабочим, философия Маркса и Энгельса захватывает своей простотой, доступной самому неискушенному уму, ибо обучает говорить убедительным языком фактов.

Лично я не мог понять сути доклада Бухгольца при самом огромном напряжении моего мозга и с прискорбием объяснил это низким уровнем моего умственного развития, но меня поражало то, что мой низкий уровень развития нисколько не мешал мне отлично и быстро схватывать, хорошо усваивать и без труда понимать все то, что говорил Владимир Ильич.

Скляренко, тоже не выносивший заоблачных туманов и метафизики, шептал мне и Кузнецову:

— У «доктора философии» бесповоротно ум за разум зашел, пропали наши головешки — уморит без покаяния.

Это выступление Владимира Ильича, резкое и язвительное, отбило у Бухгольца охоту выступать с такого рода докладами да, впрочем, и аудитории у него не находилось.



Самара. Воскресенская улица. В этом районе находилась вторая квартира Ульяновых.

Позже всякий раз, когда затевалась поездка на лодке, можно было слышать:

— Но только, пожалуйста, без всяких этических учений о благах...

В Самару приехала Мария Германовна Гопфенгауз¹ и до приискания квартиры остановилась у А. А. Кацнельсон, где Скляренко и я с ней познакомились.

М. Г. Гопфенгауз приехала в Самару для установления постоянной связи между Владимиром Ильичем и Н. Е. Федосеевым, назначенным по выходе из «Крестов» под гласный надзор полиции в город Владимир², и привезла с собой от Федосеева Владимиру Ильичу письмо.

¹ Гопфенгауз М. Г. (1862—1898) — участница одного из марксистских кружков в Петербурге, друг Н. Е. Федосеева. — *Ред.*

² Н. Е. Федосеев (1871—1898) прибыл во Владимир в январе 1892 года. Через восемь месяцев он вновь был арестован и в ноябре 1893 года выслан на три года в Вологодскую область. Царское правительство, встревоженное ростом влияния Н. Е. Федосеева на революционно настроенные круги России, по истечении срока вологодской ссылки выслало его на пять лет в Восточную Сибирь. — *Ред.*

Дня через четыре удалось найти на Воскресенской улице, около базара, подходящую комнату с отдельным ходом с улицы, где М. Г. Гопфенгауз поселилась и куда заходили Владимир Ильич, Скляренко и я.

Вся переписка Владимира Ильича с Н. Е. Федосеевым велась исключительно через Гопфенгауз, которая переписывала своей рукой все письма и пометки на рукописях, сделанные Владимиром Ильичем, а также переписывала рукописи Н. Е. Федосеева. На такой конспирации настаивал Н. Е. Федосеев, и Владимир Ильич признавал эти меры предосторожности целесообразными.

Одна из привезенных рукописей Н. Е. Федосеева была «Из истории русского крепостного хозяйства», и Владимир Ильич, ознакомившись с ней, нашел ее очень ценной, значительной работой, однако требующей доработки. Вторую рукопись, «Пореформенный быт в произведениях художественной литературы», Владимир Ильич забраковал¹.

Обе эти работы читались и обсуждались в кружке Скляренко, но в конце концов это обсуждение ничего нового не внесло, и рукописи с письменными отзывами и отдельным письмом Владимира Ильича были отвезены М. Г. Гопфенгауз Федосееву.

Установившаяся оживленная переписка Владимира Ильича с Н. Е. Федосеевым² имела огромный интерес

¹ Семенов М. И. (Блан) в книге «Революционная Самара 89—90-х годов» о рукописях Н. Е. Федосеева сообщает следующее: «В 1892 году Скляренко получил две рукописи Н. Е. Федосеева: ...«О купчих крестьянских землях до 1861 года» и обработка содержания «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина с точки зрения марксистского понимания причин падения крепостного права... Позже (вероятно, уже в 1893 году) я видел у Скляренко также и третью рукопись Федосеева по истории крепостного права»...

Ни одна из рукописей, присланных Владимиру Ильичу Н. Е. Федосеевым, не найдена, а поэтому невозможно установить, насколько А. А. Беляков правильно приводит их названия. — *Ред.*

² По данным Владимирского областного госархива, за период с 14 января по 16 апреля 1893 года Н. Е. Федосеев послал из владимирской тюрьмы в Самару 19 писем, получил из Самары 36. Кроме того, 22 февраля и 11 марта Федосеев послал в Самару две ценные посылки с рукописями. Посылку с рукописью из Самары он получил 25 мая 1893 года. (См.: Иванский А. Молодой Ленин. — М.: 1964, с. 700). — *Ред.*

и практическое значение для кружка Скляренко, ибо постоянно ставила перед кружком все новые и новые вопросы, а главное, выдвигала вопрос о необходимости оформить, расширять и укреплять организацию в целях немедленной пропаганды идей социализма в рабочих массах в целях собирания в организацию наиболее выдающихся и сознательных рабочих.

Во Владимире Н. Е. Федосееву, как мы узнали, удалось через бывшего сабунаевца¹ Кривошея связаться с группой «потомственных пролетариев», собственным умом дошедших до сознания, что только крепкая организация рабочих через пролетарскую революцию сможет избавить труд от жестокой эксплуатации капитала. Н. Е. Федосеев писал по поводу встреч с этими рабочими восторженное письмо, в котором настойчиво указывал, что довольно заниматься только теорией, ибо рабочие уже ждут, чтоб явились марксисты, помогли их организации и что для нас теперь великая задача, достойная работа — связать теорию с практикой, указать русскому пролетариату его путь для освобождения от кабалы капитала, понять сущность исторического момента и сделать своими интересами, смыслом своей жизни интересы пролетариата.

В другом не менее восторженном письме Н. Е. Федосеев писал Владимиру Ильичу, что он только после рабочих собраний с орехово-зуюевскими рабочими, вовлеченными в организацию, почувствовал, как важно слить вместе теорию и практику научного социализма, что он только теперь понял всю значительность изречения В. Либкнехта²: «Изучать, пропагандировать, организовать». В этом письме Н. Е. Федосеев настойчиво приглашал Владимира Ильича хотя бы на один-два дня приехать во Владимир и обещал познакомиться

¹ Сабунаев М. В. — народник, пытавшийся в 1889 году восстановить разгромленную царским правительством партию «Народная воля». Возникшие кое-где организации «новонародовольческой» партии в 1890 году были разгромлены, а сам Сабунаев арестован. — *Ред.*

² Либкнехт В. (1826—1900) — один из основателей и вождей германской социал-демократической партии. — *Ред.*

его с интереснейшими рабочими вождями, без малого нашими «русскими Бебелями»¹.

Владимиру Ильичу, несомненно, очень хотелось поехать во Владимир, чтобы повидаться и поговорить с Н. Е. Федосеевым, но что-то мешало поездке немедленно. Все-таки Владимир Ильич через Гопфенгауз передал Н. Е. Федосееву, что как-нибудь он надеется выполнить свое заветное желание приехать во Владимир².

В кружке Скляренко Владимир Ильич начал довольно часто ставить вопрос о необходимости встать на путь Н. Е. Федосеева, завязывающего во Владимире связи с рабочими, организующего рабочие кружки. При этом настойчиво указывал, что в Самаре чисто промышленных рабочих настолько достаточно, что охватить, обслужить их всех у нас даже не хватит сил.

— Довольно нам «промеж себя революцию пущать» — пойдём к рабочим. Пойдём к тем, какие есть, начнём с малого. Ведь есть же у нас довольно ценные связи в деревне. Теперь пора и в городе подбирать рабочих, — говорил Владимир Ильич.

Я не могу точно сказать, что нам мешало, но до осени 1892 года связи с рабочими установить не удалось, несмотря на то, что раза три я один и раза два вместе со Скляренко был в рабочем кружке Альбрехта³ на Жигулевском пивоваренном заводе. Там была полная возможность заниматься, но сравнительно благополучное положение рабочих в смысле квартир, заработка как-то мешало нам перевести кружок Альбрехта с рельсов культуртрегерских на рельсы политической борьбы. Может быть, мы были очень молоды и неопытны, может быть, мы не сумели подойти не только к рабочим, но и к Альбрехту, но у нас тогда ничего не вышло.

¹ Бебель А. (1840—1913) — один из основателей и вождей германской социал-демократической партии. Вместе с В. Либкнехтом принимал участие в создании II Интернационала. — *Ред.*

² См.: Настоящий сборник, с. 28, примечание I. — *Ред.*

³ Альбрехт В. А. — высококвалифицированный слесарь, работал на Жигулевском пивоваренном заводе. — *Ред.*

И. А. Кузнецов налаживал связи в железнодорожных мастерских. Там дело шло удачнее и рабочие подбирались очень интересные, главным образом среди рядовых слесарей, токарей, котельщиков. Кружок был очень серьезный и достаточно хорошо подготовленный. В конце 1891 года кружок пополнили токарь Вавила Куркин, слесари Павел Рябов, Тимофей Метелкин, медник Аким Грачев, инструментальщик Петр Волнухин.

Кружок постановил, чтобы ему был освещен вопрос о земельной общине, о ее судьбах и о путях русской революции.

Владимир Ильич согласился выступить в этом кружке, но с обязательным условием, чтобы вновь вовлеченные рабочие на этом докладе присутствовали, И. А. Кузнецов полагал, что этих рабочих, ввиду их неподготовленности, на реферат не следовало приглашать.

Кроме членов кружка на реферате присутствовали Скляренко, Лебедева и я.

Хотя мы, участники кружка Скляренко, считали себя достаточно подготовленными и уже постигшими азбуку марксизма, но реферат Владимира Ильича «Об общине, ее судьбах и путях революции» дал нам очень много, еще шире открыл наши глаза.

В особенно популярной форме, с достаточным количеством цифр, прекрасно освещающих распад земельной общины в деревне, концентрацию наделов бедняков в руках кулачества, правда, получающего наделы не в собственность, а только для обработки, Владимир Ильич дал уничтожающую критику главных ходячих предрассудков народничества о самобытных путях экономического развития России. С необычайной простотой он доказал, что самобытность народникам пригрезилась, что земельная община — пустое место, отжившая форма, тормозящая развитие хозяйства, что расслоение крестьянства, распад его на группы по экономической зажиточности предрекают судьбу общины — ее гибель, уничтожение.

В заключение Владимир Ильич нарисовал очень яркую картину, свидетельствующую, что только пролетариат может совершить революцию, может встать во главе общественного движения и увлечь за собой кре-

стьянство, и заключил словами Плеханова: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих»¹.

Последующая беседа с рабочими, недавно вступившими в кружок, установила, что суть доклада они прекрасно поняли, а Владимир Ильич был чрезвычайно доволен тем, что он собственными глазами видел живых рабочих, уже вовлеченных в кружок, что мы движемся вперед, углубляемся в настоящую практическую работу...

Впервые напечатано в кн.:
Беляков А. А. Воспоминания современников В. И. Ленина. Юность вождя. — М.: Молодая гвардия, 1958.

Печатается по кн.: Владимир Ильич Ленин в Самаре: Воспоминания современников. — Куйбышевское кн. изд-во, 1960, с. 91—148.

¹ Плеханов Г. В. Речь на международном рабочем социалистическом конгрессе в Париже (14—21 июля 1889 года). — Избр. философские произведения в 5-ти томах. Т. 1. — М.: Политиздат, 1956, с. 419. Впервые на русском языке опубликовано в женевском «Социал-демократе», 1890, № 1, отд. 2, с. 28—29. — *Ред.*

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

А. И. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА

На абонемент Ульяновой брала и читала вся семья. Так, журналы, беллетристику читали все. Кое-что из исторических книг могло также относиться к другим членам семьи. Вот статистические, юридические и экономические книги можно с большим правом отнести к Владимиру Ильичу.

Примечание к кн.: Блюменталь И. И. В. И. Ленин в Самаре. — Самара, 1925, с. 20.

Он¹ был знаком ранее с мужем моим, М. Т. Елизаровым, а через него познакомился с братом, В. И. Ульяновым, который жил тогда с нами в Самаре.

Позднее, в начале марта 1893 года, приехал в Самару под особый надзор полиции, впредь до приговора, из Казани, Исаак Христофорович Лалаянц. Оба эти молодых человека очень сблизились с братом и образовали с ним первый марксистский кружок в Самаре². Помню их дебаты с некоторыми осколками народнического или народовольческого движения, как Вадим Андреевич Ионов или Василий Васильевич Водовозов...

Елизарова А. Мои воспоминания о А. П. Скляренко. — В кн.: Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916 гг.). — М.: Госиздат, 1922, с. 21.

¹ А. П. Скляренко. — *Ред.*

² Кружок марксистов был организован под руководством В. И. Ленина в 1892 году — (см.: В. И. Ленин. Биограф. хроники. Т. I, с. 71; В. И. Ленин. Биография. 5-е изд. — М., 1970, с. 21). — *Ред.*

...В то время как Владимир Ильич занимался больше теоретической работой, его два друга сеяли семена социал-демократического учения среди этой молодежи. Главным образом обязанность эта лежала на Скляренко. И у него были все данные для организатора и агитатора молодежи.

Елизарова А. Мои воспоминания о А. П. Скляренко.— В кн.: Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916 гг.). — М.: Госиздат, 1922, с. 23.

* * *

И при подготовке к экзаменам Владимир Ильич все время виделся с публикой. Утром сидел за занятиями; по вечерам виделся.

Примечание к кн.: Блюменталь И. И. В. И. Ленин в Самаре. — Самара, 1925, с. 9.

М. П. ГОЛУБЕВА

...В Самаре Анна Ильинична, как старшая в семье, употребляла все усилия, чтобы создать обстановку для более продуктивной работы Ильича.

Голубева М. Товарищ и друг. — Известия, 1935, 22 октября, № 247.

В его¹ работе с книгой (Маркс, изучение русской действительности по сырым материалам, статистическим сборникам, знакомство с сочинениями народников и т. д.) поражали необычайная для его возраста работоспособность, настойчивость, упорство. Поража-

¹ В. И. Ленина. — *Ред.*

БЫВШИЙ СТУДЕНТЪ

желаетъ имѣть урокъ. Согласенъ въ отъѣздъ
Адресъ: Вознесенская ул., д. Сушкиной, Елиза-
рову. для передачи Б. У. письменно

1114-10-2

Объявление об уроках в «Самарской газете».

ли тем более, что он не был тем книжным человеком, который уткнулся в книгу и больше для него ничего не существует. Нет, он был жизнерадостным юношей, остроумным, веселым собеседником, внимательным сыном и братом. Он интересовался живыми людьми, следил за всеми сторонами общественно-политической жизни, причем у него уже и тогда была своя, ленинская тактика.

Голубева М. Юноша Ульянов—В. И. Ленин: (Из личных воспоминаний).— Старый большевик, 1933, № 5, с. 162.

Н. К. КРУПСКАЯ

Ленин прекрасно знал Маркса. Когда он в 1893 г. приехал в Питер, он поразил всех нас, тогдашних марксистов, тем, как много он знал из произведений Маркса и Энгельса.

Крупская Н. К. О Ленине: Сборник статей и выступлений. 4-е изд. доп. — М.: Политиздат, 1979, с. 303.

* * *

Владимир Ильич приехал в Питер осенью 1893 года, но я познакомилась с ним не сразу. Слышала я от товарищей, что с Волги приехал какой-то очень знающий марксист, затем мне принесли тетрадку «О

рынках»¹, порядком-таки зачитанную. В тетрадке были изложены взгляды, с одной стороны, нашего питерского марксиста, технолога Германа Красина, с другой — взгляды приезжего волжанина. Тетрадка была согнута пополам: на одной стороне растрепанным почерком, с пометками и вставками, излагал свои мысли Г. Б. Красин, на другой — старательно, без пометок, писал свои примечания и возражения приезжий.

Вопрос о рынках тогда очень интересовал всех нас, молодых марксистов.

В питерских марксистских кружках в это время стало уже откристаллизовываться особое течение. Суть его заключалась в том, что процессы общественного развития представителям этого течения казались чем-то механическим, схематическим. При таком понимании общественного развития отпадала совершенно роль масс, роль пролетариата. Революционная диалектика марксизма выбрасывалась куда-то за борт, оставались мертвые «фазы развития». Конечно, сейчас каждый марксист сумел бы опровергнуть эту «механистическую» точку зрения, но тогда наши питерские марксистские кружки весьма волновались по этому поводу. Мы были еще очень плохо вооружены — многие из нас не знали из Маркса, например, ничего, кроме 1 тома «Капитала», даже «Коммунистического манифеста» в глаза не видели и лишь инстинктом чувствовали, что эта «механистичность» прямая противоположность живому марксизму.

Вопрос о рынках стоял в тесной связи с этим общим вопросом понимания марксизма.

Сторонники «механистичности» обычно очень абстрактно подходили к вопросу.

С тех пор прошло больше тридцати лет.

Тетрадка, о которой идет речь, к сожалению, не сохранилась.

Я могу говорить только о том впечатлении, какое она произвела на нас.

Вопрос о рынках в его трактовке приезжим марксистом ставился архиконкретно, связывался с интересами масс, чувствовался во всем подходе именно жи-

¹ Имеется в виду работа «По поводу так называемого вопроса о рынках». — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 67—122. — Ред.

вой марксизм, берущий явления в их конкретной обстановке и в их развитии.

Хотелось поближе познакомиться с этим приезжим, узнать поближе его взгляды.

Увидела я Владимира Ильича лишь на масленице. На Охте у инженера Классона, одного из видных питерских марксистов, с которым я года два перед тем была в марксистском кружке, решено было устроить совещание некоторых питерских марксистов с приезжим волжанином¹.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти томах. 2-е изд. Т. 1. Воспоминания родных. — М.: Политиздат, 1979, с. 214—215.

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

Крестьянское море тогдашней России уже не было для него² обезличенной стихией. Еще будучи юношей, он ясно видел, на какие отряды разбивается этот многомиллионный массив. Он уже тогда знал специфику крестьянских нужд в различных районах крестьянской России, перековывая сырую руду статистики в несокрушимый металл марксистского анализа.

Кржижановский Г. Молот и серп. — В кн.: Слово старших — Л.: изд-во Правда, 1958, с. 16.

* * *

Появление у нас³ осенью 1893 года В. И. Ульянова можно сравнить с животворным по своим последствиям грозovým разрядом. С этого момента для нас началась новая жизнь. Вернувшись осенью 1893 года с

¹ Совещание происходило в конце февраля 1894 года. — *Ред.*

² В. И. Ленина. — *Ред.*

³ В петербургских марксистских кружках. — *Ред.*

летней заводской практики, я нашел весь свой кружок в состоянии необычайного оживления именно по той причине, что наш новый друг, Владимир Ульянов, пришедший к нам с берегов Волги, в кратчайший срок занял в нашей организации центральное место. Уже одно то обстоятельство, что он был братом Александра Ильича Ульянова, одного из последних славных народовольцев, казненного в 1887 году, создавало ему самые благоприятные предпосылки для дружеского приема в нашей среде... Оглядываясь назад и вспоминая фигуру тогдашнего 23-летнего Владимира Ильича, я ясно теперь вижу в ней особые черты удивительной душевной опрятности и того непрестанного горения, которое равносильно постоянной готовности к подвигу и самопожертвованию до конца. Может быть, это шло к нему непосредственно от фамильной традиции, от героического образа его брата, что по-иному связывало его, чем нас, с традициями предшествовавшей героической революционной борьбы. Однако нам, марксистам до педантизма, гораздо более импонировало в нем удивительное умение владеть оружием Маркса и превосходное, прямо-таки поразительное знакомство с экономическим положением страны по первоисточникам статистических сборников.

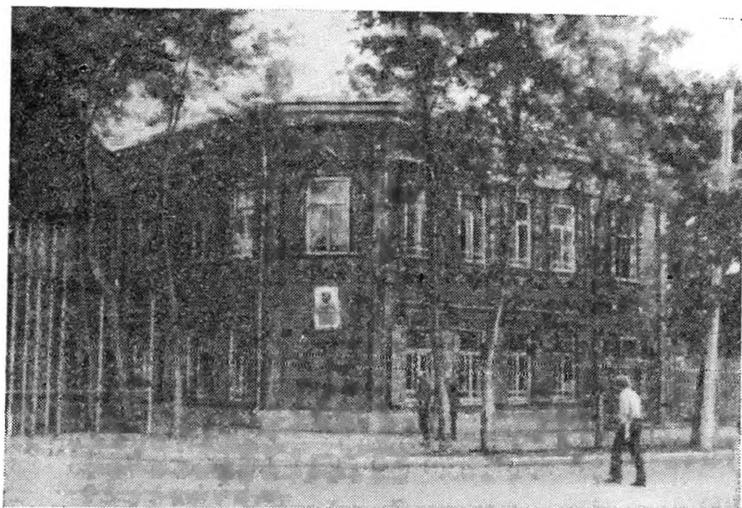
*Кржижановский Г. М.
О Владимире Ильиче. — В кн.:
Воспоминания о Владимире
Ильиче Ленине. В 5-ти томах.
2-е изд. Т. 2. — М.: Политиз-
дат, 1979, с. 12—13.*

* * *

В лице 23-летнего Владимира Ильича мы имели перед собой учителя и законченного мастера, тогда как мы в своих духовных исканиях были вновь учениками и подмастерьями.

Стоило юному Владимиру Ильичу появиться в 1893 году среди нашей студенческой — передовой по тогдашнему времени — петербургской молодежи, как он немедленно занял доминирующее положение.

Мы, конечно, знали, что он родной брат Александр-



Дом-музей В. И. Ленина в Куйбышеве.

ра Ильича Ульянова, героически державшегося на последнем крупном народовольческом процессе и казненного в Шлиссельбурге. Но не это одно так сильно выделяло его среди нас. И внешность этого молодого человека на первый взгляд еще не являла чего-то такого, что прямо свидетельствовало бы о его грядущих необычных судьбах. Только всмотревшись, мы начинали чувствовать, что и во внешности в этом некрупном по росту, но хорошо сложенном юноше, от которого веяло какой-то особо опрятной подтянутостью, было нечто совсем незаурядное. Высокий обнаженный лоб с импозантно выступающей надбровной площадкой (она так бросается в глаза на лучших портретах Ленина), блестящие необычным потенциалом мысли и жизни яркие темно-карие глаза, юношеский свежий румянец щек, даже эта слегка грассирующая речь — все это при ближайшем знакомстве с интеллектом этого юноши становилось таким неповторимо дорогим и милым.

Нам неоднократно приходилось наблюдать, что в каком бы окружении ни находился наш новый знакомец, как только он начинал выступать, он немедленно

приковывал к себе неослабное общее внимание. И для этого ему не приходилось делать никаких усилий над собой, никакого волевого напряжения: ему нужно было только оставаться самим собой..

Воистину на наших глазах завершилась фаза долгих и долгих исканий передовых поколений нашей Родины. Верная и бестрепетная рука молодого гения открывала завесу грядущего и направляла нашу волю в такое русло, где самое слово перерастало в историческое дело.

И вот уже по-другому звучит наш коллективный голос перед петербургским пролетариатом, нарастают наши революционные связи и за пределами тогдашнего Питера. Конечно, и наш доленинский эксперимент марксистской пропаганды среди столичных рабочих сам по себе уже учил нас многому. Передовики столичного пролетариата не могли не поражать нас своей исключительно напористой тягой к знанию вопреки тяжким условиям тогдашнего фабричного труда и жизни на убогих питерских окраинах, своей восприимчивостью к революционной науке Маркса, своей товарищеской самоотверженностью. Но переход быстрый и решительный от единиц к массам, от пропаганды к агитации, образование первых ячеек организации «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», этого «зачатка революционной партии» (Ленин), — все это могло бы пойти по-иному, не будь в нашей среде Ленина тех юных лет.

Перед нами в лице юного Владимира Ульянова в знаменательный 1893 год был не просто первоклассный знаток нашей родной литературы и знаток творений Маркса и Энгельса, но уже и самостоятельный мыслитель, превосходно справлявшийся с «первозданным» материалом искомых им научных истин. И чем больше мир будет знакомиться с творческим делом Маркса и Ленина, с тем большей ясностью для него будет выявляться тот факт, что эти два великана были удивительно конгениальны. Величайшим счастьем тесного кружка окружающих в ту пору Владимира Ильича лиц была возможность непосредственно наблюдать, как Ленин юных лет находился как бы в прямой знаменательной переключке со своим гениальным первоучителем К. Марксом.

Теперь в этом так легко может убедиться каждый мыслящий человек; в те далекие 90-е годы мы, конечно, могли об этом только радостно догадываться.

За рубежом нашей страны группа «Освобождение труда» с Г. В. Плехановым во главе наносил меткие удары по народническим взглядам. Но народничество не было разгромлено. Добил народничество, как врага марксизма, Ленин. На наших глазах юный Владимир Ильич с удивительной быстротой набрасывает тетрадь за тетрадью своим бисерным почерком, почти без помарок, гениальное произведение «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Нынешней молодежи, воспитанной в исключительно благоприятной для духовного роста советской обстановке, не легко будет себе представить, с каким подъемом читались и перечитывались нами в те годы нашего подполья эти вещи тетрадки замечательной работы Ленина. Вдумайтесь в поразительные финальные строки этого манифеста:

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получают широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **всех стран**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**».

Разве это изумительное по точности предвидение исторических событий не стоит рядом с великим прогнозом К. Маркса, не является ярким документом, исторической «переклички» двух гениев пролетариата?

Не раз говаривал мне впоследствии Владимир Иль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 311—312. — *Ред.*

ич, что он всю жизнь читает и перечитывает в подлинниках творения Маркса и Энгельса, всегда находя в них нечто новое. В таком общении Ленин находился в органически родственной ему стихии исполинов мысли и дела революционного пролетариата. И каждый из нас, прошедший мучительный путь собственных исканий, никогда не забудет, как много шло к нему от Ленина самого большого, самого драгоценного.

Мы знаем, что судьбы каждого движения в большой мере зависят от того, кто в начале этого движения стоит во главе. Но как бы ни была велика роль отдельного выдающегося человека, решающее значение имеет движение масс. И Ленин всегда во всей своей деятельности опирался на движение масс, вбирал в себя опыт масс.

Юность Владимира Ильича — это юность нашей Коммунистической партии, крепнувшей и зревшей в могучем резонансе с ходом его великой жизни.

*Кржижановский Г. М.
Великий Ленин. — М.: Политиздат, 1971, с. 5—6, 9—13.*

...Большое счастье выпадает на долю тех, которые еще в ранней молодости находят самих себя и свои основные целевые устремления. Не в этом ли вообще и заключается главная удача жизни? Если это так, то такая удача выпала на долю Владимира Ильича в полной мере. Он говорил мне, что уже в пятом классе гимназии резко покончил со всяческими вопросами религии: снял крест и бросил его в мусор. А когда я его впервые встретил молодым 23-летним человеком, это был еще не отграниченный, но уже вполне отчетливо обрисовывающийся тип человека-монолита, которому суждено было в дальнейшем перед всем миром выявить необычайную силу своей внутренней целостности.

*Кржижановский Г. М.
Великий Ленин. — М.: Политиздат, 1971, с. 38.*

Теоретическая подготовка, достигнутая Лениным к концу самарского периода, ко времени его приезда в Петербург в 1893 г., была такова, что написанные им в 1894 г. книги: «Что такое «друзья народа?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» свидетельствовали о его полной теоретической зрелости как марксиста.

Адоратский В. К вопросу о научной биографии Ленина. — М.: Партиздат, 1933, с. 35—36.

С. И. МИЦКЕВИЧ

В одну из своих поездок из Сормова в Нижний я зашел к Скворцову¹ и застал у него незнакомого человека, оживленно беседовавшего с ним и с Григорьевым². Познакомившись, я узнал, что это Владимир Ильич Ульянов. В Нижний он заехал по пути из Самары в Петербург, где он решил обосноваться; заехал он сюда, чтобы познакомиться со Скворцовым, которого он знал по его статьям в «Юридическом вестнике», первым русским легальным марксистским статьям по экономике России. Решил он заехать после Нижнего

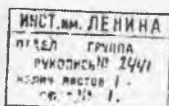
¹ Скворцов Павел Николаевич (1854—1931) — один из первых русских легальных марксистов. В конце 1880-х годов вел пропаганду марксизма в Казани, установил связи с Н. Е. Федосеевым. В 1889 году, после ареста членов федосеевского кружка, Скворцов был выслан в Нижний Новгород. Здесь он также принимал участие в социал-демократическом движении. В августе 1893 года В. И. Ленин на квартире Скворцова встречался с нижегородскими марксистами. В конце 1890-х годов Скворцов отошел от революционной деятельности. — *Ред.*

² Григорьев М. Г. (1871—1934) — социал-демократ, участник казанского революционного кружка Н. Е. Федосеева. В 1891—1893 годах вел революционную работу в Нижнем Новгороде, был арестован и в 1894 году сослан под гласный надзор полиции в Самару. В 1895—1896 годах участвовал в Самарском марксистском кружке, сотрудничал в «Самарском вестнике». В мае 1896 года был арестован, а в 1897 году выслан в Архангельскую губернию. После возвращения из ссылки от политической деятельности отошел. — *Ред.*



УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего тов. ЛЕНИН Владимир Ильич является депутатом на XI-й Всероссийский Съезд Советов от Самарской губернии с правом решающего голоса, избраным XI-м Губернским Съездом Советов, что с приложением печати удостоверяется. —



/Голощекин/

Секретарь

/Залогина/

Удостоверение депутата XI Всероссийского съезда Советов, выданное В. И. Ленину Самарским губисполкомом.

еще во Владимир, чтобы повидаться с Федосеевым, которого, по его сведениям, должны были выпустить из тюрьмы на поруки. Но Владимиру Ильичу тогда не пришлось повидаться с Федосеевым, так как освобождение его из тюрьмы задержалось на некоторое время.

Зашел разговор о Федосееве. Скворцов и Григорьев, которые его хорошо знали, говорили, что это замечательный человек, подающий большие надежды, много работающий. Потом беседа наша с Ильичем перешла на другие вопросы: мы рассказали ему о наших связях среди интеллигентской молодежи, о начинающей-

ся работе среди рабочих в Москве и Нижнем. Помню, что Ильич особенно подчеркивал необходимость создания прочной организации, установления связей между городами. Владимир Ильич дал мне московский адрес своей сестры Анны Ильиничны, на квартире которой он собирался встречаться, выезжая из Петербурга, с московскими марксистами. Говорили также о перспективах развития капитализма в России, о крестьянстве, о борьбе с народниками, о рабочем движении на Западе.

У нас во время беседы было приподнятое настроение: марксистов было тогда еще мало в России, мы были единицами, но мы сознавали, что великое учение Маркса дает нам ключ к разрешению «проклятых вопросов» и что будущее принадлежит нам.

Так беседовали мы с Ильичем несколько часов, пока не пришло время ему ехать на вокзал.

В молодом Ленине чувствовалась большая эрудиция и какая-то особая основательность и глубина суждений. Интересно отметить, что уже тогда в нем виден был будущий организатор нашей партии: он уделял огромное внимание собиранию всех наличных революционно-марксистских сил, установлению связей между марксистами, разбросанными в разных городах.

Мицкевич С. И. В. И. Ленин и первая московская марксистская организация 1893 — 1895 годов. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти томах. — 2-е изд. Т. 2. — М.: Политиздат, 1979, с. 53—54.

Н. САМОЙЛОВ

Знакомство и последовавшая затем связь молодого В. И. Ульянова с Хардиным были далеко не случайны, так как Хардин был весьма незаурядной величиной и в общественном смысле: в его лице и в кружке, близ него группировавшемся, поляризовалась часть интеллигенции, отмежевывавшаяся от начинавшего давать свои результаты «буржуазного окружения», цент-

ром которого был также адвокат и городской воротила К. К. Позерн¹...

А. Н. Хардин не стеснял своих помощников в их занятиях и не был сторонником «натаскивания» их по делам; этому последнему он предпочитал самую широкую самостоятельность молодняка адвокатуры.

Зато с какой громадной любовью он трактовал со своими начинающими помощниками вопросы, которые останавливали на себе их внимание, самым тщательным образом анализируя каждую, казавшуюся ему оригинальной, конструкцию, которую они предлагали его обсуждению.

Очевидно, его дискуссии с В. И. Лениным в этой области были весьма интересны, потому что достаточно лет спустя — уже в начале девятисотых годов — мне приходилось слышать от Хардина сожаление, что Ленин не пошел по пути цивилиста².

Самойлов Н. Некоторые указания для исследователя биографии тов. Ленина в период бытности его помощником присяжного поверенного: Заметки для биографии. — Пролетарский суд, М., 1925, № 3, с. 12.

М. В. АННЕНКОВА

Наш дом³ часто посещали молодые люди — судебные следователи, присяжные поверенные и т. д.

¹ Окончив Московский университет, Карл Карлович Позерн был вынужден покинуть столицу и поселиться в Самаре, где, став присяжным поверенным, и гласным Думы, вскоре сделался одним из крупнейших адвокатов Поволжья и видным прогрессивным общественным деятелем. В доме Позернов часто бывал А. М. Горький, в судьбе которого Карл Карлович и его жена Мария Сергеевна приняли живейшее участие. Марии Сергеевне Позерн Горький посвятил два тома своих очерков и рассказов. В некрологе о К. К. Позерне, напечатанном 21 апреля 1896 года в «Самарской газете» (№ 88), А. М. Горький писал: «Это была жизнь, полная труда, хорошая жизнь человека, всегда руководившего принципом и ставившего честь прежде всего!». — *Ред.*

² Цивилист — юрист, специалист по гражданскому праву, цивилистике. — *Ред.*

³ Имеется в виду дом председателя Самарского окружного суда В. И. Анненкова. — *Ред.*

Отец любил молодые свежие мысли. Его ближайшим другом был еврей — судебный следователь Яков Львович Тейтель... В доме Тейтеля отец мой встретил Максима Горького, который в то время был еще неизвестным молодым человеком, сосланным в Самару за либеральный образ мыслей¹. Молодые люди, посещавшие дом Тейтеля, с интересом слушали рассказы отца о декабристах и Сибири².

Был другой молодой человек, посещавший дом Тейтеля, который с глубочайшим интересом относился к истории восстания декабристов. Он был не особенно большого роста, все черты его лица носили отпечаток не только обширного ума, но и непреклонной энергии. Он в это время был помощником присяжного поверенного популярного адвоката Хардина. Его имя было Владимир Ильич Ульянов, впоследствии он стал известным миру как Ленин.

Анненкова М. В. Пусть догорает свеча. — Новый мир, 1957, № 4, с. 152.

П. П. МАСЛОВ

В 1892 году ко мне в деревню на Урале, куда я был выслан, приехало несколько друзей из Самары. Их я познакомил с написанной мной первой теоретической работой по экономике, но вместо отзыва о прочитанном мои друзья лишь сообщили, что в Самаре живет поднадзорный казанский студент Владимир Ильич Ульянов, который также интересуется этими вопросами и вообще является выдающимся человеком по своему уму и образованию.

Через месяц после отъезда друзей я получил из Самары от Владимира Ильича Ульянова рукопись его статьи с предложением дать о ней отзыв и прислать взамен свою работу.

¹ А. М. Горький приехал в Самару в феврале 1895 года из Нижнего Новгорода. — *Ред.*

² Председатель Самарского окружного суда Владимир Иванович Анненков был сыном декабриста Ивана Александровича Анненкова. — *Ред.*

В своей статье, которую в печати я не встречал потом, Владимир Ильич критиковал работы В. В. (Воронцова) об экономическом развитии России и о судьбах в ней капитализма.

Основные идеи, которые проводились в статье, были те же, что и в позднейших работах В. И., посвященных критике народничества. Основная черта автора, которая тогда мне резко бросилась в глаза, — это резкость и определенность формулировки основных его идей, показывавшая человека с вполне сложившимися взглядами и, казалось, с опытным и острым пером, которым автор владел в совершенстве. Таким образом, та сторона мировоззрения Владимира Ильича, которая относится к взглядам на экономическое развитие России, сложилась уже до 1892 года.

В ответ на посланное мной письмо с моей рукописью я получил от него большое письмо-статью¹ уже по вопросу, который я разбирал в своей работе. Темой моей статьи был вопрос о распределении прибыли в капиталистическом обществе, вопрос, решенный в вышедшем впоследствии III томе «Капитала» Маркса.

В противоположность моему решению вопроса, Владимир Ильич полагал, что товары всегда продаются по их трудовой ценности и большую сумму прибыли владельцы предприятий с большим основным капиталом получают благодаря большей эксплуатации наемного труда, благодаря большей его интенсивности в этих предприятиях.

Из сопоставления этого теоретического письма и статьи о В. В. было ясно видно, что Владимира Ильича тогда гораздо больше интересовали жизненные вопросы о судьбах России, чем чисто теоретические проблемы, хотя и последние не упускались им из кругозора.

Владимир Ильич Ленин: Отрывки из воспоминаний. — Экономический бюллетень конъюнктурного института, 1924, № 2, с. 2.

¹ Это письмо так и осталось лежать на Урале зарытым в земле на чердаке, но сохранилось ли оно, я не знаю. — П. М.
В 1935 году письмо найдено. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 3—5. — *Ред.*

Владимир Ильич пришел ко мне в один из приездов в Петербург, чтобы поговорить о сестре и о брате². Помню его мрачным и молчаливым, смерть брата он переживал трудно. Ему, видимо, хотелось услышать о нем от человека, с ним работавшего. Вопросы его касались главным образом научной работы, и это одно из самых сильных воспоминаний от этой встречи. Владимиру Ильичу было, видимо, особенно дорого и важно, что брат его занимался именно научной работой. Казалось бы, при тех обстоятельствах, в которых мы встретились, нам обоим было не до научных вопросов, между тем о них, в сущности, и шла только речь. Может быть, людей, ближе меня знавших Владимира Ильича, эта черта не поразила бы так, но для меня это подавление личных переживаний, подавление даже упоминаний о политической стороне дела было чем-то совершенно новым, большинство моих товарищей, из активных революционеров, к науке относилось с некоторым пренебрежением, в лучшем случае — с нетерпением, как к чему-то, чем не время заниматься в борьбе. За всеми вопросами Владимира Ильича чувствовался живой, непосредственный интерес, и, если бы я не знал, что он занят активной борьбой, я подумал бы, что он решил посвятить себя науке...

Ольденбург С. Несколько воспоминаний об А. И. и В. И. Ульяновых. — Красная летопись, 1924, № 2, с. 18.

¹ С. Ф. Ольденбург вместе с А. И. Ульяновым работал в научном отделе студенческого научно-литературного общества. — *Ред.*

² Об Ольге Ильиничне и Александре Ильиче. — *Ред.*

...К лету 1893 года Ленин с Федосеевым уже обменивались письмами. Из их содержания вспоминаю одно письмо Ленина, посвященное разбору книги Николая—она (Н. Ф. Даниельсона) «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», вышедшей весной 1893 года. Книгу эту Ленин жестоко раскритиковал, и на меня его письмо оказало сильное влияние, тем более что и у нас книга эта не пользовалась успехом и автора ее мы сравнивали с Родбертусом¹. Другое письмо Ленина было посвящено разбору английской книги, являющейся историей первобытной английской общины². Возможно, что были и еще письма, но содержания их не помню. Шли же письма от Гопфенгауз через надзирателя к Федосееву, затем возвращались к ней, от нее — ко мне. Подлинники же писем хранились у меня.

Воспоминания Н. Л. Сергиевского в записи И. С. Зильберштайна. — Каторга и ссылка, 1930, № 1 (62), с. 13—14.

...При случайном, по совершенно чужому делу, обыске у моего брата³ была найдена связка писем, заключавшая переписку Николая Евграфовича со своими знакомыми (тут были письма В. И. Ульянова, П. Маслова или Балашова и других), и письма Николая Евграфовича ко мне.

Воспоминания о Н. Е. Федосееве. 1882—1895 гг. — В кн.: Федосеев Николай Евграфович. — М.—П., 1923, с. 100..

¹ Иоганн Карл Родбертус-Ягцов (1805—1875) — немецкий вульгарный экономист, идеолог обуржуазившегося прусского Junkerства. Противоречия между трудом и капиталом считал возможным разрешить в рамках капиталистического строя. Всячески пытался опровергнуть учение К. Маркса. — *Ред.*

² Имеется в виду труд английского историка-экономиста У. Д. Эшли «Экономическая история Англии в связи с экономической теорией». — М., 1887. — *Ред.*

³ В 1895 году во Владимире. — *Ред.*

И. Х. ЛАЛАЯНЦ

...В этой своей работе¹ Федосеев первым подошел к вопросу о причинах отмены крепостного права с марксистской точки зрения. Благодаря стараниям Гопфенгауз рукопись эта была добыта от Федосеева из тюрьмы, доставлена в Самару и передана Владимиру Ильичу Ульянову, сильно заинтересовавшемуся в то время личностью Федосеева... От Владимира Ильича рукопись перешла ко мне с его карандашными отметками на полях против некоторых мест. По поводу этой рукописи Владимир Ильич тогда твердо решил вступить в научно-литературную переписку с Федосеевым..

Л а л а я н ц И. Некоторые дополнения к биографии Н. Е. Федосеева. — В кн.: Федосеев Николай Евграфович. — М.—П., 1923, с. 29.

П. И. КУЛЯБКО

...О Владимире Ильиче я первый раз услышала, когда осенью 1893 г. приехала в Самару и познакомилась с его друзьями Исааком Христофоровичем Лалаянцем и Алексеем Павловичем Скляренко. Довольно долгое время я совсем не знала, что тот необыкновенно талантливый и выдающийся марксист, о котором постоянно шел разговор между Лалаянцем и Скляренко, был Владимир Ильич Ульянов. Они называли его «Ильичем» и «Стариком». Владимира Ильича тогда уже в Самаре не было, он уехал в Петербург, но от него часто получались письма всегда на нескольких листках, очень мелко исписанных и на три четверти заполненных трактованием теоретических вопросов. Это как бы составляло продолжение тех совместных занятий, какие установились между Лалаянцем, Скляренко и Владимиром Ильичем во время пребывания

¹ «Об экономических причинах падения крепостного права». — Ред.

его в Самаре. Запомнился такой случай: как-то довольно поздно вечером ко мне пришел Лалаянец, весь сияющий, и показал телеграмму от Ильича в четыре слова: «Я на вашей стороне». Оказывается, что между Скляренко и Лалаянцем шел спор по какому-то важному вопросу и они запросили Ильича срочно, а он ответил телеграммой. Лалаянец старался мне внушить, как это ценно, что Ильич на его стороне: «ведь вы себе совсем не представляете, какой это человек».

Кулябко П. И. Мои встречи с Владимиром Ильичем.— Красная летопись, 1926, № 6 (21), с. 26.

В. А. КАЗАКОВ¹

...Из присяжн. поверенных отмечу А. Н. Хардина и зачисленного к нему помощника Владимира Ильича Ульянова (Ленина). Виделся с ним только в суде, он не брал ведение гражданских дел, а выступал в уголовном заседании суда защитником обвиняемых, что памятно мне потому, что когда он являлся защитником, то раза два было дежурство мое в открытом уголовном заседании суда². Близко с ним я не был знаком. Однажды мне имелась надобность сделать доклад председателю суда В. И. Анненкову по какому-то делу, для чего я вошел в кабинет Председателя, где в то время находились члены суда: В. И. Вейсман, Б. В. Онуфрович и еще 2—3 члена уголовного отдела, они разговаривали о Ульянове (Ленине), как защитнике. Вейсман высказал свое мнение, что Ульянов может быть будущим «светилой», т. к. он хорошо воспитан и с хорошим образованием, каковое мнение Вейсмана разделил и Председатель Анненков, прибавив, что при приеме прошения Ульянова о зачислении его помощником присяжного поверенного он обратил на него особое внимание...

¹ Воспоминания написаны в 1925 году. — *Ред.*

² Так в тексте. Правильно: в открытом заседании уголовного суда. — *Ред.*



Самара. Здание окружного суда.

Спустя несколько месяцев, представился мне случай видеть и говорить с Владимиром Ильичем в квартире моей (дом Попова на Александровской ул., против 1-й мужской гимназии)... Он принес мое заявление присяжного поверенного Хардина с исполнительным листом, по которому требовалось немедленное исполнение. По этому делу надо было предварительно заготовить повестки ответчикам и журнал исполнительного производства. С помощью Владимира Ильича оба мы тотчас сели писать эти бумаги...

*Публикуется впервые. ЦПА
ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 4, оп.
2, д. 1058, л. 1—2.*

Ф. И. КАЗМАНОВ

Особенно сильно тогда всех интересовала община. Помню, в одном из своих рефератов Владимир Ильич целым рядом цифровых сопоставлений доказывал распад русской общины, на которую тогда народники возлагали все свои надежды. Присутствовавшая на этом реферате интеллигенция и, кажется, В. В. Во-

довозов возражали, но Владимир Ильич блестяще защищал свои тезисы о разложении общины.

Этот реферат был его триумфом, и Владимир Ильич сразу вырос тогда в глазах не только своих сторонников, но даже и в глазах противников марксизма.

Владимир Ильич Ленин в Самаре. Воспоминания современников. — Куйбышев, 1960, с. 179.

А. И. КИЦИНСКАЯ

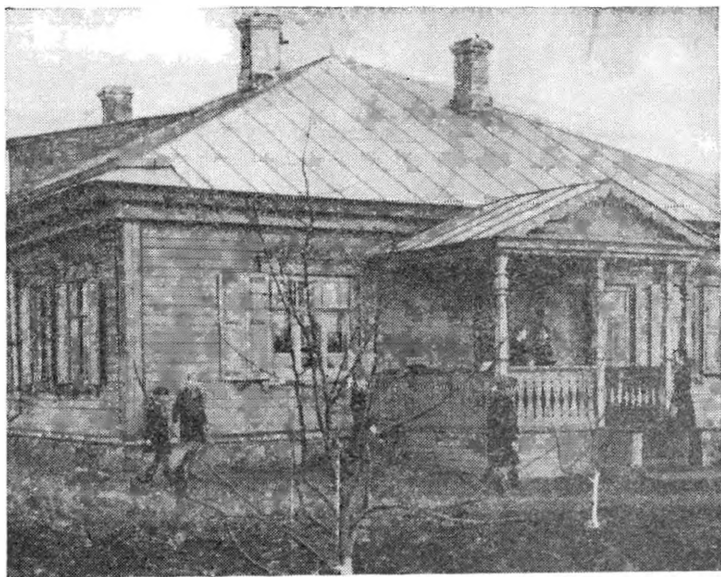
...Никогда не забыть мне первой встречи с Марией Александровной! Помню, я пришла к Марку Тимофеевичу Елизарову (мужу Анны Ильиничны) заниматься по алгебре. Когда кончились занятия, Марк Тимофеевич предложил мне: «Пойдемте пить чай!». Пошли в столовую. Только сели за стол — вошла Мария Александровна. Белые, слегка волнистые волосы выбивались из-под черной шелковой косынки, покрывавшей ее голову... Особое обаяние Марии Александровны сразу сблизило меня с ней и со всей семьей Ульяновых. Такой другой семьи никогда в жизни я больше не встречала.

В ту зиму¹ мне приходилось бывать у Ульяновых часто, так как я давала уроки музыки Марии Ильиничне. Виделась в такие дни и с Владимиром Ильичем. Приходилось встречаться с Владимиром Ильичем и на хуторе близ Алакаевки Самарской губернии, где семья Ульяновых проводила лето.

В Алакаевку я приехала в августе, когда Ульяновы уже готовились к отъезду. Владимир Ильич жил в Самаре, но часто приезжал в Алакаевку на хутор. Помню, как-то был очень холодный день. Мария Александровна, Мария Ильинична и я сидели на террасе, и вдруг совершенно неожиданно на пороге появился Владимир Ильич. От холода он закутался в широкое серое байковое одеяло. Это было так комично, что мы все расхохотались...

Упорно работая, поглощая огромное количество

¹ Речь идет о зиме 1892/93 года. — *Ред.*



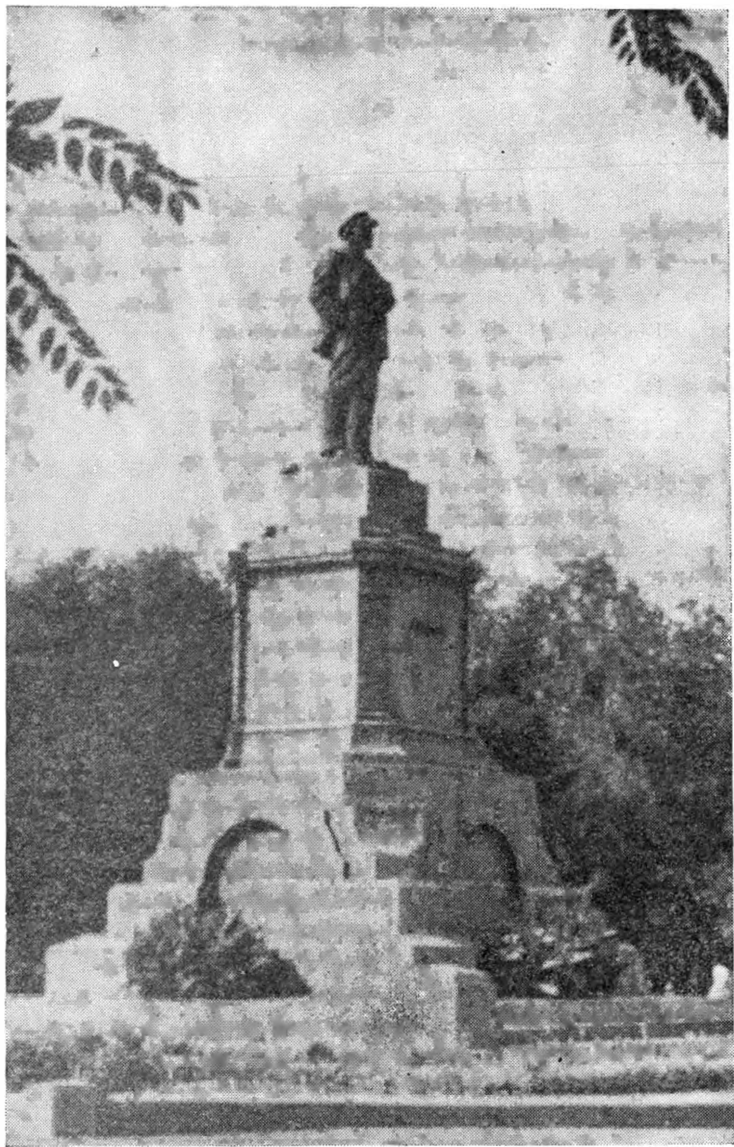
Дом-музей В. И. Ленина в Алакаевке.

литературы, Владимир Ильич в то же время не был нелюдимым. Свободные минуты он старался побыть с семьей, проявляя особую, трогательную заботу о своей матери. К людям старым Владимир Ильич был вообще исключительно внимателен.

Кицинская А. Незабываемое. — Учительская газета, 1941, 22 января, № 10, с. 2.

В. В. СТАРКОВ

Я до сих пор отлично помню первую мою встречу с Владимиром Ильичем. Он появился в Петербурге (в 1893 г.) тогда, когда мы, сравнительно еще маленькой группой, начали работу по пропаганде среди петерских рабочих и в интеллигентских кругах. На меня и на всех моих товарищей по работе Владимир Ильич с самого начала произвел глубочайшее впечатле-



Памятник В. И. Ленину в Куйбышеве.

ние. Во-первых, я должен сказать, что все мы, несмотря на юный возраст, были большими книжниками в смысле теоретической научно-литературной подготовки. К этому вынуждали нас условия нашей работы. Нам, юнцам, адептам нового общественно-революционного течения, приходилось при нашей работе, при борьбе за сферу влияния сталкиваться с корифеями русской общественной мысли, обладающими большим научным багажом. Это вынуждало и нас в свою очередь быть хорошо подкованными. И тем не менее Владимир Ильич поразил нас всех, хотя он был таким же юнцом, как и все мы, тем литературным и научным багажом, которым он располагал...

Затем не меньше, чем теоретической подготовленностью, Владимир Ильич поразил нас также практической зрелостью и, я бы сказал, трезвостью мысли. Это последнее свойство его ума особенно резко подчеркивается его принципиальной прямолинейностью и неуступчивостью, доходящими до «твердокаменности», как со временем стали говорить. Будучи очень твердым в установлении общей принципиальной линии, он был сравнительно очень эластичным в вопросах повседневной тактики, не проявляя в таких случаях излишнего ригоризма...

И, наконец, Владимир Ильич поражал революционным пылом и даже некоторым задором, а также беззаветной преданностью делу революции. Если вообще про задор социал-демократов того времени ходило немало разговоров и публика охотно читала стихотворение, в котором после описания растерянности представителей других течений было сказано: «Юные же марксисты, задирая нос, заявили гордо, что решен вопрос», то все это в значительно большей степени можно было бы отнести к Владимиру Ильичу, чем к любому из нас. Пыл и задор, с которыми Владимир Ильич пускался в бой со сторонниками противных течений, были неиссякаемы.

Старков В. В. Воспоминания о В. И. Ленине (Ульянове). — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 3-х частях. — М.: Политиздат. 1960, Ч. 3 (большой формат), с. 18—19.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА В САМАРЕ И САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ¹ (1889 — 1893)

1889

Январь, 29 (февраль, 10).

Самарский уездный исправник доносит самарскому губернатору, что действительный студент Марк Тимофеев Елизаров по доверенности брата и сестры Ульяновых купил участок земли при д. Алакаевке Богдановской волости Самарской губернии.

1. ГАКО, ф. 3, оп. 104, ед. хр. 28, лл. 31, 31 об.

Апрель, 29 (май, 11).

Ленин получает медицинское свидетельство за № 108, в котором профессор медицинского факультета Казанского университета Н. И. Котовщиков и городской врач А. И. Смирнов указывают, что Владимир Ильич страдает болезнью желудка и что для излечения ему нужно пользоваться щелочными водами и лучше всего водами Vishy (Виши, Франция).

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 41.

Ленин подает казанскому губернатору прошение о разрешении выдать ему заграничный паспорт на выезд за границу для лечения с приложением медицинского свидетельства о своей болезни. На документе имеется резолюция: «Я полагал бы отклонить, так как может ехать на Кавказ (Ессентуки № 17)».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 41.

Май, 3 (15).

Ленин вместе с матерью М. А. Ульяновой и сестрами Ольгой и Марией выезжает из Казани на хутор близ д. Алакаевки Бог-

¹ Составлены на основе материалов кн.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. — М.: Политиздат, 1970, т. 1, с. 41—83. Отдельные даты уточнены на основе данных Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и других партийных и государственных архивов, а также сборников документов и воспоминаний о В. И. Ленине. — *Ред.*

дановской волости Самарской губернии. (Анна Ильинична, как гласноподнадзорная, выехала по проходному свидетельству 2 мая).

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 41.

2. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 228.

Май, 4 (16).

Ленин вместе с матерью М. А. Ульяновой, сестрами Анной, Ольгой и Марией и М. Т. Елизаровым приезжает на хутор при д. Алакаевке.

1. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 229.

Май, 18, 21, 24, 26, 28; июнь, 1, 3, 6, 8, 10.

В «Самарской газете» помещены объявления о желании Ленина давать уроки: «Бывший студент желает иметь урок. Согласен в отъезд. Адрес: Вознесенская ул., д. Саушкиной, Елизарову, для передачи В. У., письменно».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 42.

Июнь, 14 (26).

Ленин дает становому приставу 2-го стана Самарского уезда в с. Красный Яр подписку, что он читал предписание самарского губернатора об отказе департамента полиции в выдаче ему заграничного паспорта, «так как для пользования от указанной мною болезни я могу ехать на Кавказ».

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 42.

2. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 230.

3. Адрес-календарь Самарской губернии на 1890 год «Спутник», 1889.

Июнь, 23 (июль, 5).

В донесении начальника самарского губернского жандармского управления департаменту полиции указывается, что 4 (16) мая на хутор при деревне Алакаевке прибыла семья Ульяновых в составе Владимира Ильича, состоявшего под негласным надзором полиции, Марии Александровны, Анны Ильиничны, состоявшей под негласным надзором полиции, Ольги Ильиничны, Марии Ильиничны и Марка Тимофеевича Елизарова, «человека сомнительной политической благонадежности». В результате наблюдения за семьей Ульяновых чего-либо предосудительного замечено не было.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 42.

Июль, 13 (25).

Арест Н. Е. Федосеева и членов организованных им в Казани марксистских кружков, в том числе и членов кружка, участником которого был Ленин.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 42.

Июль, 28 (август, 9).

Ленин присутствует в селе Тростянке в качестве поручителя на бракосочетании сестры Анны Ильиничны с Марком Тимофеевичем Елизаровым.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 43.

Лето 1889.

Ленин встречается с Д. А. Гончаровым, фельдшером из села Тростянки, исключенным из Казанского университета в мае 1887 года за революционную деятельность. Д. А. Гончаров учился вместе с Александром Ульяновым в Симбирской губернии и знал всех Ульяновых по Симбирску.

1. Воспоминания о В. И. Ленине, 1979, т. 1, с. 147.
2. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 383.

Конец августа.

Ленин сопровождает в Самару на квартиру М. Т. Елизарова (Дворянская ул., д. Шоринова, ныне ул. Куйбышева, № 7) поступивших в гимназию Дмитрия и Марию, а также Ольгу, под чьим присмотром должны были находиться дети, сам же возвращается в Алакаевку.

1. ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 18335, л. 44.
2. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 236.

Сентябрь, 21 (октябрь, 9).

Ленин с М. А. Ульяновой переезжают в Самару на квартиру в доме Кулагина на Полицейской площади (ныне улица Степана Разина, д. 10), снятую М. Т. Елизаровым для двух семейств. Сюда же переезжают сам М. Т. Елизаров, его племянник Е. П. Елизаров, Ольга, Дмитрий и Мария Ульяновы.

1. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 237.

Сентябрь, позднее 21.

Ленин с М. А. Ульяновой выезжает в Казань за оставшимся там движимым имуществом.

2. В. И. Ленин и Татария. — Казань, 1970, с. 438.

Сентябрь, 26 (октябрь, 8).

Ленин с М. А. Ульяновой возвращаются из Казани в Самару. В этот же день из Алакаевки переезжает Анна Ильинична, которой департамент полиции разрешил жить в Самаре под надзором полиции.

1. ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 18335, лл. 45—46.
2. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 237, 240.

Сентябрь, 28 (октябрь, 10).

Пристав 1-й части г. Самары доносит полицмейстеру, что «за переехавшими из быв. имения Сибирякова Анной Ильиной Ульяновой, по мужу Елизаровой, и Владимиром Ульяновым учреждены: за первой, Елизаровой, негласное наблюдение, а за последним самый строгий надзор полиции и что они квартируют во вверенной ему части на Полицейской пл., в доме Кулагина».

1. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 232.

Сентябрь, 28 (октябрь, 10).

М. А. Ульянова обращается с письмом к Н. И. Ильминскому, профессору Казанского университета, хорошо знавшему Илью Николаевича Ульянова, с просьбой помочь Владимиру Ильичу вернуться в Казанский университет.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. 1, с. 44.

Между 28 сентября (10 октября) 1889 г. и 20 августа (1 сентября) 1893 г.

Ленин работает над книгой В. В. (В. П. Воронцова) «Судьбы капитализма в России», делает на ней пометки, вычисления и подчеркивания. Эта книга позднее подвергается им критике в произведениях: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Развитие капитализма в России».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 43.

Позднее 28 сентября (10 октября).

Ленин знакомится с В. А. Ионовым, стоявшим в то время на народовольческих позициях.

1. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, 1979, с. 30.

Ленин знакомится с А. П. Скляренко, одним из первых организаторов революционных кружков в Самаре, и с М. И. Семеновым (Бланом), участником кружка Скляренко.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 43.

Самарское городское полицейское управление вносит Ленина в «Книгу на записку лиц, состоящих под негласным надзором полиции Самарского полицмейстера» с указанием, что он подвергнут строгому надзору полиции, без срока, с 28 сентября 1889 года.

Одновременно Самарское губернское жандармское управление записывает Ленина и всех Ульяновых в «Алфавит лицам, привлекавшимся к дознаниям о государственных преступлениях, поднадзорным, политически неблагонадежным и замеченным в чем-либо предосудительном».

1. ГАКО, ф. 465, оп. 1, ед. хр. 384, лл. 79, 90, 92.

2. ГАКО, ф. 468, оп. 1, ед. хр. 78а, л. 126.

Сентябрь — ранее 20 августа (1 сентября) 1893 г.

Ленин берет из Самарской публичной библиотеки, которая помещалась в доме Христензена на Дворянской улице (ныне ул. Куйбышева, № 95), книги на дом по абонементу А. И. Ульяновой-Елизаровой.

Одновременно он пользуется также абонементом библиотеки Благородного собрания.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 44.

Ленин посещает присяжного поверенного Самарского окружного суда А. Н. Хардина на Саратовской улице в доме Воцакина (ныне ул. Фрунзе, 65), пользуется его богатой библиотекой. Сначала их связывало увлечение шахматами, а затем — совместная работа в адвокатуре.

1. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, 1979, с. 100—101; 150.

2. Адрес-календарь Самарской губернии на 1890 год «Спутник». — Самара, 1889, с. 26.

Октябрь, 10 (22).

Ленин в Самаре вместе с семьей переезжает на Воскресенскую улицу, в дом Каткова (ныне Пионерская ул., д. 6).

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 44.

Позднее 17 (29) сентября.

Ленин узнает о смерти Н. Г. Чернышевского и делает надпись на его фотографии: «17 октября 1889 г. в Саратове».

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 44.

Октябрь, 28 (ноябрь, 9).

Ленин пишет прошение министру народного просвещения о разрешении держать экзамен на кандидата юридических наук экстерном при каком-либо высшем учебном заведении.

На прошении резолюция: «Спросить об нем попечителя и департамент полиции, он скверный человек. Д-т полиции уже, вероятно, знает, что он делает на своей стороне».

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 44.

Октябрь, 31 (ноябрь, 12).

Самарский исправник выносит постановление препроводить всю переписку о Ленине полицмейстеру в Самару в связи с его переездом с хутора при деревне Алакаевке в город.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 45.

Ноябрь, 11 (23).

Министерство народного просвещения запрашивает в департаменте полиции сведения о политической благонадежности Ленина и просит дать заключение о возможности допустить его к экзаменам на степень кандидата юридических наук экстерном при каком-либо высшем учебном заведении.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 45.

Декабрь, 4 (16).

На запрос министерства народного просвещения департамент полиции отвечает, что Владимир Ульянов был исключен из Казанского университета за участие в студенческих беспорядках в декабре 1887 года и что в Казани Ульянов встречался с лицами, политически неблагонадежными, из коих некоторые привлечены к дознанию по обвинению в государственном преступлении.

Ходатайство Владимира Ильича было отклонено.

1. В. И. Ленин и Самары. — Куйбышев, 1966, с. 242—243.

Начало декабря.

Ленин в Самаре на квартире А. П. Скляренко знакомится с А. А. Беляковым — учителем села Царевщины Самарской губернии.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 45.

Ранее 2 (14) декабря — зима 1890.

Ленин проверяет у брата Дмитрия Ильича уроки по иностранным языкам.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 45.

Декабрь, позднее 20 (1 января 1890).

Ленин на квартире А. П. Скляренко встречается с представителем новонародовольцев, объезжавшим Поволжье и приехавшим в Самару с целью организации самарской группы новонародовольцев. Выступает с критикой взглядов новонародовольцев.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 45—46.

Зима 1889—1890.

Ленин в Самаре знакомится через Д. А. Гончарова с А. А. Преображенским, участником земледельческой колонии на хуторе Шарнеля Самарской губернии, расположенном в трех верстах от Алакаевки.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 46.

Конец 1889 — весна 1890.

Ленин работает над «Капиталом» К. Маркса, проводит занятия со слушателями кружка Скляренко.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 46.

Конец 1889—1890.

Ленин в Самаре продолжает изучение произведений Маркса и Энгельса, переводит «Манифест Коммунистической партии», который потом читается в нелегальных кружках Самары и Сызрани. Перевод не сохранился, он был уничтожен матерью одного из участников сызранского кружка из-за боязни обыска.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 46.

Конец 1889 — ранее 20 августа (1 сентября) 1893.

Ленин изучает «Нищету философии», «Анти-Дюринг», «Немецкую идеологию», «Положение рабочего класса в Англии» и др. работы К. Маркса и Ф. Энгельса; многие из них были только на немецком и французском языках.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 46.

Ленин в Самаре посещает семью народовольцев — А. И. Ливанова и В. Ю. Виттен (проживавших в 1892 году в доме Гордеева, на углу Садовой и Предтеченской улиц, дом не сохранился), а также старого народника Н. С. Долгова (жившего в 1893 году в доме Кичаевой на Саратовской улице, ныне ул. Фрунзе, д. 173). Внимательно выслушивает их рассказы о судебных процессах над народниками и народовольцами, о методах конспирации, об условиях тюремной жизни и способах сношения с товарищами, находящимися на свободе.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. 1, с. 46—47.

1890

Январь, 8 (20).

Ленин присутствует в Коммерческом клубе на Дворянской улице (ныне ул. Куйбышева, д. 104) на благотворительном вечере в пользу бедных студентов-самарцев, приехавших на каникулы. Вечер был использован для встречи с передовой революционно настроенной молодежью.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 48.

2. Объявление о вечере. Самарская газета, 1890, № 2, 3 января.

Апрель, 4 (16).

Ленин присутствует на похоронах няни Варвары Григорьевны Сарбатовой на Всесвятском кладбище в Самаре.

1. Архив Куйбышевского Горбюро ЗАГС.

Ранее 8 (20) мая.

Ленин в Самаре вместе с семьей переезжает в дом Рытикова на углу Почтовой и Сокольничьей улиц (ныне угол Рабочей и Ленинской)¹.

1. ЦПА ИМА, ф. 4, оп. 3, ед. хр. 4, лл. 9 об., 10.
2. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 245.

Май, 8—11 (20—23).

Ленин вместе с членами кружка А. П. Скляренко, А. А. Беляковым, И. А. Кузнецовым и самим А. П. Скляренко, а также с приглашенными В. В. Савицким и Н. Я. Полежаевым совершает «кругосветное путешествие» по рекам Волге и Усе.

1. В. И. Ленин, Биографическая хроника, т. 1, с. 48.

Май 8 (11) 8 часов 30 минут утра.

Ленин и его спутники прибывают в большое торговое село Екатериновку, посещают дом А. П. Нечаева. Владимир Ильич беседует с отцом Нечаева о расслоении крестьянской общины, росте капитализма в сельском хозяйстве и разорении основной массы крестьянства.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 48.

Май, 10 (22).

Ленин и его спутники посещают село Царевщину (ныне поселок Волжский), останавливаются в доме Василия Князева на Кряжской улице (ныне Советской), встречаются с крестьянами Амосом Прокофьевичем из села Старого Буяна и Петром Ефремовым из села Кобельмы.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 48—49.

Май, 12 (24).

М. А. Ульянова обращается в департамент полиции с просьбой разрешить сыну Владимиру поступить в один из университетов или держать экстерном государственные экзамены.

М. А. Ульянова выезжает в Петербург.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 49.

Май, 14 (26).

Начальник Самарского губернского жандармского управления запрашивает самарского полицмейстера, куда выехал 9 мая состоящий под негласным надзором полиции Владимир Ульянов и предлагает сообщить его новый адрес.

1. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 244.

Май, 17 (29).

М. А. Ульянова в Петербурге подает прошение министру народного просвещения о разрешении поступить сыну в какой-либо из русских университетов и допустить к экзаменам экстерном за юридический факультет.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 49.

¹ В 1939 году в этом доме был открыт Дом-музей В. И. Ленина. — *Ред.*

Май, 18 (30).

Пристав 3-й части г. Самары сообщает полицмейстеру на запрос начальника Самарского губернского жандармского управления от 14 мая, что Владимир Ульянов живет в доме Рытикова на Сокольничьей улице и что он «дней шесть тому назад выехал в С.-Петербург»¹.

1. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 245.

Май, 19 (31).

В ответ на прошение М. А. Ульяновой департамент народного просвещения разрешил Владимиру Ильичу сдавать экзамены экстерном в испытательной комиссии при одном из университетов, управляемых уставом 1884 года.

1. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 245—247.

Май, 22 (июнь, 3).

Начальник Самарского губернского жандармского управления просит самарского полицмейстера сообщить о деятельности, сношениях, занятиях и политической благонадежности Ленина за время проживания в Самаре.

Приставы 1-й и 3-й частей Самары, которым было поручено исполнение, ответили, что за время, которое Ленин прожил на территории этих частей, он ни в чем предосудительном замечен не был.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 49—50.

Май, 31 (июнь, 12).

Начальник Самарского губернского жандармского управления доносит в департамент полиции, что Ленин за время проживания в Самаре определенных занятий не имел, в политическом отношении за ним замечено ничего не было, но вел знакомство с «лицами сомнительной благонадежности».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 50.

Весна.

В связи со слежкой полиции Ленин с членами кружка А. П. Скляр-енко используют для занятий прогулки на лодке по Волге и реке Самарке. В одну из поездок слушают доклад исключенного из университета В. А. Бухгольца «Основы этического учения о благах», участвуют в дискуссии.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 50.

Июнь, 12 (24).

Ленин пишет прошение министру народного просвещения о разрешении держать экзамены по предметам юридического факультета в испытательной комиссии при Петербургском университете.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 50.

¹ В действительности Ленин в мае 1890 года в Петербург из Самары не ездил. Пристав явно ошибся, приняв отъезд М. А. Ульяновой, которую Владимир Ильич безусловно провожал на вокзал, за отъезд самого Ленина (ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 15, л. 57; ф. 4, оп. 3, ед. хр. 4, лл. 13, 15). — *Ред.*

Между 12 (24) июня 1890 и 5 (17) апреля 1891.

В связи с подготовкой к государственным экзаменам Ленин работает над книгами А. Д. Градовского «Начала русского государственного права» (т. I—III); делает в них подчеркивания и выписки на полях.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 50.

Июль, 1 (13).

В сведениях самарского полицмейстера о лицах, состоявших под негласным надзором полиции в Самарской губернии с 1 января по 1 июля 1890 года, говорится:

Имена, отчества, фамилии и сословие: Владимир Ильич Ульянов, бывший студент.

Время учреждения надзора: 27 декабря 1887 года, проживает на хуторе Алакаевском, Самарского у. Определенных занятий не имеет. Сущность сведений, добытых наблюдением: подозрительный в политическом отношении, требует наблюдений.

1. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 250.

Июль, 9 (21).

Директор департамента полиции в своем отношении на имя самарского губернатора просит довести до сведения М. А. Ульяновой, что в ответ на ее прошение о разрешении сыну Владимиру закончить прерванное образование последнему следует обратиться с прошением о принятии в один из университетов к учебному начальству «и что в случае запроса со стороны последнего департаментом полиции будет дан соответствующий отзыв».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 50—51.

Лето — ранее 19 (31) августа.

Ленин с семьей живет на хуторе при д. Алакаевке; часто вечерами посещает А. А. Преображенского на хуторе Шарнеля. В беседах ведутся споры о положении крестьянства при капитализме. Ленин знакомит Преображенского с книгой Николая — бна (Н. Ф. Даниельсона) «Экономическое развитие России» и со своими выписками.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 51.

Ленин читает на немецком языке книгу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 51.

Ленин в минуты отдыха от занятий по подготовке к государственным экзаменам поет под рояль с Ольгой Ильиничной «Нелюдимо наше море» и один «Свадьбу» Даргомыжского, «Чудесные глазки» на слова Гейне, арию Валентина из оперы «Фауст». Пели вместе «Марсельезу» на французском языке.

1. Воспоминания о В. И. Ленине, т. I, 1979, с. 109—111; 146.

2. Кунецкая Л. Нотная библиотека семьи Ульяновых. Изд. 1-е, 1970, с. 10; изд. 2-е, дополн. и перераб., 1978, с. 16.

Август, 19 (31).

Ленин выезжает с хутора близ деревни Алакаевки в Самару.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 51.

Август, 25 (сентябрь, 6).

Ленин выезжает из Самары в Петербург по Волге через Казань и Нижний Новгород для переговоров о сдаче государственных экзаменов при Петербургском университете за курс юридического факультета.

1. ЦПА ИМА, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 15, л. 65.

2. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 254.

Август, 26 (сентябрь, 7).

Ленин приезжает в Казань и останавливается в «Сибирских номерах», встречается с нужными ему людьми, навещает родных.

1. ПА ОК КПСС ТАССР, ф. 1384, оп. 1, ед. хр. 12, л. 9.

2. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 252.

Сентябрь, 1 (13).

Ленин выезжает из Казани в Нижний Новгород, в гостинице отмечается выбывшим в Симбирск¹.

1. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 253, 495.

Сентябрь, позднее 1 (13).

Ленин впервые приезжает в Петербург, посещает Петербургский университет, знакомится с программами государственных экзаменов, занимается в университетской библиотеке, записывает рекомендованную литературу по многочисленным предметам, знакомится с городом. Адрес его первой квартиры в Петербурге не установлен.

1. Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. — Лениздат, 1969, с. 49, 51.

2. Бондаревская Т., Великанова А., Сулова Ф. Ленин в Петербурге — Петрограде. — Лениздат, 1977, с. 13.

Октябрь, 5 (17).

На запрос самарского полицмейстера пристав 3-й части г. Самары сообщает, что Ленин «по объяснению Елизаровой, находится в С.-Петербурге, где должен пребыть не менее трех месяцев».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 51.

2. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 256.

Между 19 (31) октября 1890 и 10 (22) апреля 1891.

В связи с подготовкой к государственным экзаменам Ленин работает над книгой Ю. Янсона «Теория статистики»; делает в ней подчеркивания и выписки на полях, а на обложке надпись:

«18¹⁹/_X 90 В. Ульянов».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 52.

Ранее 24 октября (5 ноября).

Ленин передает сестре Ольге перевод романа итальянского прогрессивного писателя Нехры «Завтра», сделанного Анной Иль-

¹ В 1890 году железной дороги в Казани не было, поездки в Петербург совершались через Нижний Новгород. (Казань связана с Москвой железной дорогой с 1894 года). — *Ред.*

иничкой и напечатанного в «Самарской газете», с тем, чтобы она попыталась поместить его в одном из петербургских журналов. Несмотря на хлопоты Ольги Ильиничны, напечатать перевод в Петербурге не удалось.

1. Переписка семьи Ульяновых. — М. Политиздат, 1969, с. 39, 40, 61.

2. «Самарская газета», 1890, №№ 160—271.

Ноябрь, 5 (17).

Начальник Самарского губернского жандармского управления просит самарского полицмейстера сообщить ему, прибыл ли из Петербурга в Самару Ленин.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 52.

Ноябрь, 17 (29).

Пристав 3-й части г. Самары доносит полицмейстеру, что Ленин прибыл в Самару и проживает в доме Рытикова на углу Почтовой и Сокольничьей улиц.

1. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 258.

Декабрь, 10 (22)..

Ленин посылает в Петербург письмо О. И. Ульяновой (письмо не разыскано).

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 52.

Ноябрь—декабрь.

Ленин в Самаре знакомится с А. А. Шухтом, народовольцем, позднее ставшим большевиком. Знакомство это продолжалось в Петербурге и в эмиграции.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 52.

2. ГАКО, ф. 3, оп. 173, ед. хр. 121, л. 5.

1891

Ранее 14 (26) января.

Ленин посылает из Самары в Петербург письмо В. В. Баргеву, в котором просит достать в университете справки в связи с предстоящими экзаменами.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 53.

Январь, 23 (февраль, 4).

Ленин получает письмо из Петербурга от сестры О. И. Ульяновой, в котором она сообщает, что лекции профессора Н. М. Коркунова по русскому государственному праву из печати еще не вышли и на них можно подписаться, что прошение о допущении к экзаменам надо подавать после публикации в газете и что весной надо будет сдавать экзамены за два первых курса юридического факультета.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 53.

Начало марта.

Ленин в квартире зубного врача А. А. Кацнельсон на Дворянской улице (ныне ул. Куйбышева, № 127, дом в прежнем виде

не сохранился: надстроен, квартира Кацнельсон переделана в торговое помещение с дверью на улицу) присутствует на нелегальном собрании. Выступает с речью против народника А. П. Роскиевича по вопросу о путях экономического развития России.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 53.

Март, ранее 21 (2 апреля).

Ленин снимается в фотоателье И. А. Шарыгина в Самаре на Панской улице в доме Половодова (дом не сохранился). Фотография требовалась для приложения к прошению в Петербургский университет.

1. Ленин. Собрание фотографий и кинокадров, т. I, 1970, с. 25.

Между 21 и 26 марта (2 и 7 апреля).

Ленин выезжает из Самары в Петербург для сдачи государственных экзаменов при Петербургском университете за курс юридического факультета.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 53—54.

Ранее 26 марта (7 апреля).

В связи с подготовкой к сдаче экзаменов за университетский курс юридического факультета Ленин пишет курсовое сочинение по уголовному праву.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 54.

Март, 26 (апрель, 7).

Ленин подает прошение председателю испытательной юридической комиссии при Петербургском университете о допущении его к сдаче экзаменов экстерном за курс университета. К прошению прилагает фотографическую карточку и сочинение по уголовному праву.

На прошении имеется резолюция: «С разрешения г. министра народного просвещения».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 54.

Между 26 марта и 1 апреля (7 и 13 апреля).

На листе со штампами прописки в Петербурге Ленин делает надпись, что он «приехал из Самары держать экзамен в испытательной юридической комиссии при Императорском С.-Петербургском университете».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 54.

Между 29 марта и 9 мая (10 апреля и 21 мая).

Ленин живет в Петербурге по адресу: Тучкова набережная, дом 12, кв. 47 (ныне набережная Макарова, 20, кв. 47, дом перестроен).

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 54.

Март, 30 (апрель, 4).

Ленина посещает сестра О. И. Ульянова, передает ему записку от М. А. Ульяновой и книгу от М. Т. Елизарова. В своем письме от 1 апреля она сообщает, что комната у Владимира Ильича

удобная, что прошение его о допущении к экзаменам принято и подготовиться к ним он успеет.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 55.

Конец марта — апрель.

Ленин неоднократно посещает сестру О. И. Ульянову в общежитии Высших (Бестужевских) женских курсов, находившихся на 10-й линии Васильевского острова, д. 39, кв. 28 (дом сохранился).

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 55.

Конец марта — ранее 17 (24) мая или осень.

Ленин посещает приват-доцента Петербургского университета С. Ф. Ольденбурга, проживавшего по адресу: Васильевский остров, 6-я линия, д. 17, кв. 16, чтобы узнать подробности о жизни и научной работе брата А. И. Ульянова и о сестре О. И. Ульяновой.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 55.

Апрель, 4—24 (апрель, 16 — май, 6).

Ленин сдает государственные экзамены при Петербургском университете по курсу юридического факультета (весенняя сессия).

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 55.

Апрель, 4 и 5 (16—17).

В малом конференц-зале Академии наук Ленин сдает экзамены по истории русского права и государственному праву. По первому предмету отвечает на вопрос о положении «несвободных», в котором следовало осветить различные формы и степени зависимости холопов в феодальных княжествах древней Руси; по второму — о сословных учреждениях. По обоим предметам им была получена высшая оценка — «весьма удовлетворительно».

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 55.

Апрель, 6 (18).

В свободный от экзаменов день Ленин гуляет по Невскому проспекту, после обеда посещает в общежитии Высших (Бестужевских) женских курсов О. И. Ульянову и вместе с ней наблюдает ледоход на Неве. Вечером посещает своих родственников Песковских.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 56.

Апрель, 8 (20).

О. И. Ульянова сообщает в письме матери М. А. Ульяновой в Самару, что Владимир Ильич сдал два экзамена и по обоим получил «5», что режим дня у него нормальный.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 56.

Апрель, 10 (22).

В малом конференц-зале Академии наук Ленин сдает экзамены по политической экономии и статистике. Отвечает на вопросы о формах заработной платы и о германской статистике XVII века Конринге. Получает высшую оценку: «весьма удовлетворительно».

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 56.

Апрель, 16 и 17 (28—29).

В малом конференц-зале Академии наук Ленин сдает экзамен по энциклопедии права и истории философии права. Отвечает на вопрос о содержании сочинения Платона и законах. Получает высокую оценку: «весьма удовлетворительно».

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 56.

Апрель — ранее 17 (29) мая.

В Царском Селе (ныне г. Пушкин) в доме по Павловскому шоссе (ныне ул. Маяковского, дом не сохранился) Ленин навещает мать А. А. Шухт — Оттилию Егоровну Шухт.

1. ГАКО, ф. 465, оп. 1, ед. хр. 551, лл. 11, 11 об, 12.

Ленин посещает преподавателя Технологического института Л. Ю. Явейна на его квартире по адресу: Подольская ул., д. 2, кв. 6, и берет у него марксистскую литературу, в том числе журнал «Die Neue Zeit» («Новое время») и еженедельник «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik» («Архив социального законодательства и статистики»).

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 56—57.

Апрель, 24 (май, 6).

В малом конференц-зале Академии наук Ленин сдает экзамен по истории римского права. Отвечает на вопрос об «*electa magistratum*» (законах, издаваемых выбранными властями).

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 57.

Конец апреля.

Ленин отвозит в Александровскую больницу (ныне больница «В память 25-летия Октября», Набережная реки Фонтанки, д. 132) сестру О. И. Ульянову, заболевшую брюшным тифом, и регулярно навещает ее.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 57.
2. Воспоминания о В. И. Ленине, т. I, 1979, с. 33—34, 145—147.

Конец апреля — начало мая.

Ленин посылает телеграмму матери в Самару: «Олей брюшной тиф, лежит в больнице, уход хорош, доктор надеется на благополучный исход...»

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 57.

Начало мая.

Ленин посылает вторую телеграмму матери — «Оле хуже. Не лучше ли маме ехать завтра».

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 57.

Май, 8 (20).

Смерть О. И. Ульяновой.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 57.

Май, 9 (21).

Ленин прописывается в Петербурге по адресу: Литовская улица (ныне Лиговский пр.), д. 41/83, угол Невского, пр. Мебли-

рованные комнаты (ныне гостиница «Октябрьская»), где живет до 17 мая.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 57.

2. Бондаревская Т., Великанова А., Суслова Ф. Ленин в Петербурге—Петрограде, 1977, с. 19.

Май, 10 (22).

Ленин вместе с матерью М. А. Ульяновой участвует в похоронах сестры О. И. Ульяновой на Волковском кладбище, на Литейских мостках, в Петербурге. На похоронах также присутствовали Е. И. и М. Л. Песковские, В. А. Залежская, близкая подруга З. П. Неворова (Кржижановская) и другие подруги-бестужевки.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 58.

2. Воспоминания о В. И. Ленине, т. I, 1979, с. 33—34.

3. Бондаревская Т., Великанова А., Суслова Ф. Ленин в Петербурге—Петрограде, 1977, с. 21, 22.

Май, 17 (29).

Ленин вместе с М. А. Ульяновой выезжает из Петербурга в Самару.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 58.

2. Воспоминания о В. И. Ленине, т. I, 1979, с. 33—34.

Май, позднее 20 (июнь, 1).

Ленин в Самаре знакомится через В. А. Ионова с А. И. Ерамовым, одним из организаторов революционных кружков в Сызрани.

1. Воспоминания о В. И. Ленине, т. I, 1979, с. 148—150.

Май, 28 (июнь, 9).

Ленин приезжает на хутор близ деревни Алакаевки, где живет до 1(13) сентября, время от времени выезжает в Самару.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 58.

Начальник Самарского губернского жандармского управления просит самарского полицмейстера уведомить его о времени прибытия В. И. Ленина из Петербурга в Самару, предлагает учредить за ним негласный полицейский надзор.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 58.

Май, 29 (июнь, 10).

Самарский уездный исправник докладывает самарскому губернатору о приезде В. И. Ленина и А. И. Ульяновой-Елизаровой на хутор близ деревни Алакаевки и об учреждении за ними полицейского надзора.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 58.

Сентябрь, 1(13).

Ленин выезжает из Алакаевки в Самару.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 58.

Сентябрь, позднее 1(13).

Ленин вместе с семьей А. А. Шухта выезжает из Самары в

Петербург для сдачи оставшейся части экзаменов в Петербургском университете.

1. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 495.
2. Огонек, 1940, № 10, с. 4.

Сентябрь, 7 — ноябрь, 11 (сентябрь, 19 — ноябрь, 23).

Ленин в Петербурге живет на Екатерингофском проспекте (ныне проспект Римского-Корсакова), д. 3, кв. 8 (дом не сохранился).

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 59.
2. Бондаревская Т., Великанова А., Сулова Ф. Ленин в Петербурге—Петрограде, 1979, с. 24.

Между 7 сентября и 11 ноября (19 сентября и 24 ноября).

Ленин работает в читальном зале библиотеки Академии наук в Петербурге; записывает в книге учета посетителей и читателей свою фамилию, домашний адрес и тему изучаемого предмета: «Политическая экономия и статистика».

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 59.

Между 10 и 15 сентября (23 и 27 сентября).

Ленин в зале совета Петербургского университета (Университетская наб., 7, ныне Ленинградский Государственный университет им. А. А. Жданова) сдает письменный экзамен — сочинение по уголовному праву и получает высший балл — «весьма удовлетворительно».

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 59.
2. Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. — Л., 1969, с. 63, 66.

Первая половина сентября — ранее 11 ноября.

Ленин в Петербурге на квартире преподавателя Технологического института Л. Ю. Явейна (Подольская улица, д. 2, кв. 6) встречается с некоторыми петербургскими марксистами, получает марксистскую литературу.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 59.

Между 16 и 21 сентября (28 сентября и 3 октября).

В малом конференц-зале Академии наук Ленин сдает устный экзамен по уголовному праву и судопроизводству; отвечает на вопросы о защите в уголовном процессе и о краже документов. Получает высшую оценку — «весьма удовлетворительно».

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 59.

Сентябрь — ранее 11(23) ноября.

Ленин посещает занятия подпольного марксистского кружка петербургских рабочих, выступает после докладчика, доказывает необходимость борьбы не только за экономические права, но прежде всего за политические свободы. Впечатление от выступления Владимира Ильича было очень сильным.

1. Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. — Л., 1969, с. 70.

Между 24 сентября и 3 октября (6 и 15 октября).

- В малом конференц-зале Академии наук Ленин сдает устный

экзамен по римскому праву. Отвечает на вопрос о дарении, его существе и отношениях, из него вытекающих, о недозволенных действиях, о влиянии времени на происхождение и прекращение права, об исчислении времени и о давности и ее видах; получает оценку — «весьма удовлетворительно».

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 60.

Между 4 и 11 (16—23) октября.

Ленин сдает устные экзамены по гражданскому праву и судопроизводству и торговому праву и судопроизводству в малом конференц-зале Академии наук.

По гражданскому праву отвечает на вопрос об исполнении, купле-продаже и поставке, т. е. о разного рода видах передаточных договоров; по торговому праву — о торговых книгах. Получает высшие оценки: «весьма удовлетворительно».

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 60.

Между 12 и 19 (24 и 31) октября.

В малом конференц-зале Академии наук с 7 ч. вечера Ленин сдает устные экзамены по полицейскому и финансовому праву. По полицейскому праву он отвечает на вопрос о «науке полиции и ее содержании»; по финансам — о бюджете. Получает высшие оценки: «весьма удовлетворительно».

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 60.

Октябрь, 20 (ноябрь, 1).

Ленин приходит на прием к вице-директору департамента полиции по вопросу о временном выезде за границу. Просьба была отклонена.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 60.

Октябрь.

Ленин посещает в Царском Селе семью А. А. Шухта.

1. Бондаревская Т. и др. Ленин в Петербурге—Петрограде. — Л., 1977, с. 23.

Между 2 и 9 (14 и 21) ноября.

В малом конференц-зале Академии наук с 7 ч. вечера Ленин сдает устные экзамены по церковному и международному праву. По церковному праву Владимир Ильич отвечает на вопрос об истории русского церковного законодательства; по международному — о праве нейтралитета. Получает оценки: «весьма удовлетворительно».

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 60—61.

Ноябрь, 11(23).

Ленин выезжает из Петербурга в Самару.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 61.

Ноябрь, 14(26).

Ленин возвращается из Петербурга в Самару.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 61.

Позднее 14 (26) ноября.

Ленин знакомится с М. П. Голубевой — участницей револю-

ционного движения 80-х годов, якобинкой, вначале придерживавшейся народнических взглядов и ставшей под влиянием Владимира Ильича социал-демократкой. Бывает у нее на квартире — в доме Кириллова на Дворянской улице (ныне ул. Куйбышева, д. 65).

1 В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 61.

Ноябрь, 15(27).

Испытательная комиссия юридического факультета Петербургского университета присуждает Ленину диплом первой степени.

1 В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 61.

Ноябрь, 22 (декабрь, 4).

Испытательная комиссия при Петербургском университете выдает Ленину свидетельство за № 205 на получение диплома первой степени,

1 В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 61.

Начало декабря.

Ленин присутствует на докладе В. В. Водовозова о германской социал-демократии, выступает в качестве оппонента, «оспаривая слишком «парламентаристскую»... точку зрения последнего». Доклад происходил в квартире Водовозова на Сокольничьей улице (ныне Ленинская ул., д. 87).

1 В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 61—62.

Не позднее 1891.

Ленин на собрании самарского кружка А. П. Скляренко выступает с изложением работы Эшли «Экономическая история Англии».

1 В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 62.

Конец 1891.

Ленин выступает в кружке рабочих самарских железнодорожных мастерских с рефератом «Об общине, ее судьбах и путях революции».

1 В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 62.

1891 -- ранее 20 августа (1 сентября) 1893.

Ленин в Самаре посещает заведующего статистическим бюро губернской земской управы народника И. М. Красноперова, который жил на Троицкой улице в доме Коробовых (ныне Галактионовская улица, д. 39, дом сохранился, позднее надстроен). Красноперов редактировал земские статистические сборники, выходившие в Самаре.

1 В. И. Ленин в Самаре. Биограф. хроника, т. I, с. 62.

В ночь с 31 декабря 1891 на 1 января 1892 (с 13 на 19 января 1892).

Ленин с товарищами из кружка Скляренко и из железнодорожного кружка участвует во встрече Нового года на квартире зубного врача Анны Абрамовны Кацнельсон на Дворянской улице в доме Хреновой (дом не сохранился, на его месте в 1907 году

была выстроена гостиница Ивановых, ныне кинотеатр «Художественный», ул. Куйбышева, д. 103).

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 62.
2. ГАКО, ф. 465, оп. I, ед. хр. 638, л. 20 об.

1892

Январь, 4(16).

Присяжный поверенный А. Н. Хардин подает в Самарский окружной суд рапорт с просьбой о зачислении В. И. Ленина его помощником.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 63.

Январь, 14(26).

Ленин получает от управления Петербургского учебного округа университетский диплом первой степени.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 63.

В тот же день или позднее Ленин вносит поправку «Ильин» вместо «Иванов» в своем дипломе.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 63.

Январь, 30 (февраль, 11).

По решению общего собрания отделений Самарского окружного суда Ленин зачисляется помощником присяжного поверенного к А. Н. Хардину.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 63.

Позднее 30 января (11 февраля).

Ленин посещает квартиру судебного следователя Я. Л. Тейтеля в доме Рыбакова на углу Предтеченской и Садовой улиц (ныне Некрасовской и Садовой, д. 85/72), где встречается с сыном декабриста В. И. Анненковым, являвшимся в то время председателем Самарского окружного суда.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 63—64.

Февраль, 28 (март, 11).

Ленин подает прошение в Самарский окружной суд о выдаче ему свидетельства на право быть поверенным.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 64.

Март, 5(17).

Ленин выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника по делу крестьянина В. Ф. Муленкова, обвинявшегося в «богохульстве» и оскорблении «государя императора и его наследника».

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 64.

Март, 11(23).

Ленин выступает на заседании Самарского окружного суда в качестве защитника по делу крестьянина М. В. Опарина и отставного рядового Т. И. Сахарова, обвинявшихся в краже 300 рублей.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 64.

Апрель, 15(27).

Ленин представляет в канцелярию Самарского окружного суда квитанцию губернского казначейства о взносе 78 рублей на получение свидетельства на право ведения чужих судебных дел.

1. В. И. Ленин и Самара. — Куйбышев, 1966, с. 269.

На рапорте присяжного поверенного О. Г. Гиршфельда, сообщавшего председателю Самарского окружного суда о том, что обвиняемые выразили желание иметь своим защитником помощника присяжного поверенного В. Ульянова, Ленин делает надпись: «Означенные защиты подсудимых Тишкина, Зорина, Уждина, Зайцева, Красильникова, Гайского и Муленкова принять на себя согласен. Пом. прис. В. Ульянов».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 64—65.

Апрель, 16(28).

Ленин дважды выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника: по делу крестьян-бедняков И. И. Уждина, К. Ф. Зайцева, И. В. Красильникова и др., обвинявшихся в покушении на кражу хлеба из амбара местного богатея Копьякова и по делу крестьянина В. Ф. Муленкова, который впал в полную нищету и обвинялся в нескольких мелких кражах.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 65.

Апрель, 18(30).

Ленин выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника по делу запасного рядового Е. Я. Тишкина и крестьянина И. Ф. Зорина, обвинявшихся в краже.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 65.

Май.

Ленин вместе с М. Т. Елизаровым — мужем А. И. Ульяновой — посещает Сызрань и деревню Бестужевку, где жил брат Елизарова. В Сызрани при переправе на левый берег Волги в лодке купец Арефьев, арендовавший переправу, потребовал возвращения их на берег для переправы на его пароме. Протестуя против этого самоуправства, Ленин и Елизаров вынуждены были подчиниться, но по приезде в Самару Владимир Ильич подал земскому начальнику 2-го участка Сызранского уезда жалобу на Арефьева.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 65.

Весна.

Ленин встречается с приятельницей М. П. Голубевой, представительницей группы русских яacobинцев А. И. Романовой, впоследствии перешедшей на сторону меньшевиков.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 65.

Июнь, 1(13).

Ленин подает прошение директору департамента полиции, в котором просит поставить в известность председателя Самарского окружного суда об отсутствии препятствий со стороны департамента к выдаче ему свидетельства на право быть поверенным. В ответ на это прошение департамент полиции сообщил,

что отзыв будет дан на запрос председателя Самарского окружного суда.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 66.

Июнь, 5(17).

Ленин выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника по делу крестьянина Самарской губернии Николаевского уезда села Вязовки Каменно-Бродской волости М. С. Бамбурова, обвинявшегося в краже различных носильных вещей. Доказав, что подсудимый действовал под влиянием «крайности и неимению средств к пропитанию», Ленин добился смягчения приговора.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 66.

Июнь, 9(21).

Ленин выступает в качестве защитника на заседании Самарского окружного суда по делу крестьян П. Г. Чернова, Ф. И. Кукулева, С. В. Лаврова и др., обвинявшихся в краже; ходатайствует о смягчении наказания.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 66.

Июнь, 11(23).

Ленин подает прошение председателю Самарского окружного суда с просьбой запросить департамент полиции об отсутствии с его стороны препятствий к выдаче свидетельства на право быть поверенным.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 66.

Июнь, 13(25).

Ленин приезжает на хутор близ деревни Алакаевки Богдановской волости Самарского уезда. Время от времени выезжает в Самару.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 66.

Июнь, 15(27).

Ленин выезжает в Сызранский уезд (за 100 верст от Самары), где у земского начальника второго участка (г. Сызрань) разбиралось дело купца Арефьева. Из-за ходатайства адвоката Арефьева о необходимости представить документы, доказывающие право Арефьева на монополию перевоза, дело было отложено.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 67.

Июнь, 18(30).

Председатель Самарского окружного суда запрашивает департамент полиции о возможности выдачи Ленину свидетельства на право быть поверенным. На запросе имеется надпись: «Оставить Ульянова под негласным надзором и уведомить о неимении препятствий к выдаче свидетельства на право хождения по делам. 2 июля».

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 67.

Июль, 4(16).

Департамент полиции уведомляет председателя Самарского окружного суда, что к выдаче Ленину свидетельства на право ходатайства по чужим делам с его стороны препятствий нет.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 67.

Июль, 23 (август, 4).

По постановлению общего собрания отделений Самарского окружного суда Ленин получает право на ведение чужих судебных дел в течение 1892 года, о чем 5 августа 1892 года было дано объявление в газете «Самарские губернские ведомости» и сообщено в «Самарской газете» в разделе «Местная хроника» (Новый адвокат).

1. Самарские губернские ведомости, 1892, № 6, 5 августа.
2. Самарская газета, 1892, № 168, 5 августа.

Июль, 27 (август, 8).

Ленин получает свидетельство на право ведения чужих судебных дел в Самарском окружном суде в течение 1892 года.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 67.

Сентябрь, 8 (20).

Ленин выезжает с хутора близ деревни Алакаевки в Самару.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 68.

Лето 1892 — ранее 20 августа (1 сентября) 1893.

Ленин пишет рефераты с критикой взглядов идеологов либерального народничества — В. П. Воронцова, Н. К. Михайловского и С. Н. Южакова; читает их в нелегальных кружках. Эти рефераты явились подготовительным материалом для работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 68.

Сентябрь, 15(27).

Ленин выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника по делу самарского мещанина Н. И. Гусева, обвинявшегося в истязании своей жены. Владимир Ильич в своем выступлении отказался сделать заявление о смягчении наказания для подсудимого.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 68.

Сентябрь, 17(29).

Ленин выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника по делу рабочего, прусского подданного В. Х. Садлоха, и сына солдата С. С. Репина, 13 лет, обвинявшихся в краже вещей из сундука купца Коршунова. Мальчик был оправдан, Садлох осужден на один год заключения в исправительном арестантском отделении.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 68.

Сентябрь, 25 (октябрь, 7).

Ленин вторично выезжает в Сызранский уезд по делу купца Арефьева. Обвиняемый и его адвокат не явились. Рассмотрев дело заочно, земский начальник вынес решение выдержать Арефьева месяц под арестом, а его штурмана Семенова — одну неделю.

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 68.

Позднее сентября 1892 — ранее 20 августа (1 сентября) 1893.

Ленин знакомится с работами Н. Е. Федосеева: «О купчих

крестьянских землях до 1861 года» и «Пореформенный быт в произведениях художественной литературы», делает на них свои замечания. Эти работы были привезены в Самару М. Г. Гопфенгауз, другом и помощницей Н. Е. Федосеева, приезжавшей для установления связи между Владимиром Ильичем и Федосеевым.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 69.

Октябрь, 19(31).

Ленин расписывается: «Самара, октябрь 19 дня 1892 года. Пом. пр. пов. В. Ульянов» на предписании самарского губернатора от 16 (28) июня 1892 года о том, что отзыв о нем департамента полиции может быть дан по запросу судебного ведомства.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 69.

Октябрь, 26 (ноябрь, 7).

Ленин выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника по выбору подсудимых, по делу мещан В. И. Алашеева, А. А. Карташева и Д. А. Перушкина, обвинявшихся в краже стальных рельсов у купца Духинова и чугунного колеса у купчихи Бахаревой в Самаре.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 69.

Ноябрь, 17(29).

Ленин делает надпись на заявлении крестьянина деревни Светловки Петропавловской волости Самарской губернии Ф. Е. Лаптева: «Защиту Лаптева принимаю. Пом. прис. пов. В. И. Ульянов».

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 69.

Ноябрь, 18(30).

Ленин выступает на утреннем заседании Самарского окружного суда в качестве защитника по делу отставного рядового В. П. Красноселова, обвинявшегося в краже.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 70.

Ноябрь, 19 (декабрь, 1).

Ленин на заседании Самарского окружного суда выступает в качестве защитника по делу крестьянина Ф. Е. Лаптева, обвинявшегося в оскорблении своего отца; просит суд дело отложить, так как подсудимый обещает представить двух дополнительных свидетелей. Дело в суде не разбиралось в связи с тем, что отец с сыном помирились.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 70.

Ноябрь, 24 (декабрь, 6).

В письме в Петербург, по-видимому В. В. Водовозову, Ленин сообщает подробности продажи крестьянам земским начальником Бугурусланского уезда помещиком Аксаковым недоброкачественного хлеба в неурожайном 1891 году, описывает выборы гласного от крестьян на уездном земском собрании, дает характеристику прав земским учреждениям в связи с введением положения о земских начальниках.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 70.

Не ранее ноября.

Ленин читает повесть А. П. Чехова «Палата № 6». Сообщая свое впечатление о повести сестре Анне Ильиничне, Владимир Ильич говорит: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палату № 6».

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 70.

Декабрь, 4(16).

Присяжный поверенный А. Н. Хардин дает доверенность В. И. Ленину на ведение судебного дела купца И. С. Чекмарева.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 70.

Декабрь, 8(20).

На заседании Самарского окружного суда Ленин в качестве защитника ответчика И. С. Чекмарева по делу несостоятельного должника И. И. Кузнецова просил слушание дела отложить до 19 января 1893 года ввиду представления истцом новых документов.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 71.

Декабрь, 17(29).

Ленин выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника по делу отставного прапорщика Языкова, служившего начальником станции Безенчук Оренбургской железной дороги, и отставного рядового Кузнецова, служившего на той же станции стрелочником. Языков и Кузнецов обвинялись в том, что в результате нарушения правил, установленных для сохранения путей сообщения, на станции произошла железнодорожная авария.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 71.

1892

Под руководством Ленина образуется кружок самарских марксистов (А. П. Скляренко, М. И. Семенов, М. И. Лебедева, И. А. Кузнецов и др.). Кружок ведет активную пропаганду марксизма, оказывает большое влияние на передовую молодежь Поволжья.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 71.

1892 — не позднее весны 1893.

Ленин выступает в самарском марксистском кружке с рефератом о книге К. Маркса «Нищета философии».

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 71.

1893

Январь, 4(16).

Ленин получает от присяжного поверенного А. Н. Хардина доверенность на ведение судебного дела купца Л. И. Брискера.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 72.

Январь, 5(17).

Ленин подает прошение в Самарский окружной суд, в котором просит выдать ему свидетельство на право ведения чужих судебных дел в течение 1893 года.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 72.

Самарское губернское казначейство выписывает Ленину квитанцию о получении 75 рублей за свидетельство на право ведения чужих судебных дел в 1893 году.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 72.

Январь, 7(19).

Общим собранием отделений Самарского окружного суда вынесено постановление о выдаче Ленину свидетельства на право ведения чужих судебных дел в 1893 году.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 72.

Январь, 8(20).

Ленин получает свидетельство на право ведения чужих судебных дел в Самарском окружном суде в течение 1893 года.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 72.

Январь, 12—13 (24—25).

Ленин выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника по делу Брискера, обвинявшегося в присвоении 12 317 рублей 58 копеек, принадлежавших купцу Константинову. Суд, несмотря на безупречную юридическую аргументацию Ленина о невиновности Брискера, удовлетворил иск Константинова. Однако по апелляционной жалобе ответчика Саратовская судебная палата по гражданскому департаменту признала аргументацию Ленина и 19 (31) мая в иске Константинова отказала.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 73.

Январь, 19 (31).

Ленин получает доверенность от крестьянина А. К. Палалева на ведение его судебного дела о присоединении усадьбы и получении имущества умершей сестры А. К. Мороченковой. 18 (30) мая суд, заслушав дело об иске С. И. Мороченкова к А. К. Палалееву, решил дело в пользу последнего.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 73.

Январь 1893—1894.

Между В. И. Лениным и Н. Е. Федосеевым через посредство М. Г. Гопфентауз устанавливается переписка. Ленин просматривает его рукопись «Об экономических причинах падения крепостного права», делает свои замечания.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 73.

Начало марта.

Ленин на квартире народника Н. С. Долгова встречается с И. Х. Лалаянцем, высланным из Казани в Самару под надзор полиции. Лалаянец стал деятельным членом марксистского кружка.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 73.

Март, 12.

Ленин на заседании Самарского окружного суда выступает по поданной им в Правительствующий сенат кассационной жалобе в качестве защитника по делу осужденного 18 ноября 1892 года отставного рядового В. П. Красноселова, обвинявшегося в краже денег у самарского мещанина С. В. Сурошникова. При вторичном разборе дела Красноселов был судом оправдан.

1. ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 38, л. 62—63, 88, 91, 95, 97, 97 об.

Не ранее марта.

Ленин работает над книгой В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство»; делает в ней пометки, вычисления и подчеркивания. Книга подробно разбирается им в статьях «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «По поводу так называемого вопроса о рынках», а позднее — в работе «Развитие капитализма в России».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 74.

Не позднее весны 1893.

Ленин работает над книгой народника Н. А. Карышева «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики, т. II. Крестьянские внеадельные аренды», делает пометки и подчеркивания. Книга упоминается Лениным в работах: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»; позднее подвергает ее критике в книге «Развитие капитализма в России».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 74.

Апрель, 24 (май, 6).

На заседании Самарского окружного суда Ленин выступает в качестве защитника по делу мещанина В. Г. Юдина, обвинявшегося «в покушении на кражу».

1 В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 74.

Май 12 (24).

На заседании Самарского окружного суда В. И. Ленин выступает в качестве защитника самарского мещанина В. Т. Крылова, обвинявшегося в краже.

1 В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 74.

Позднее 20 мая (1 июня) — ранее 31 августа (12 сентября).

Ленин работает над статьей Н. А. Карышева «Народнохозяйственные наброски», опубликованной в журнале «Русское богатство» № 5 за 1893 год; делает в ней подчеркивания и запись на полях: «Сиречь, расширять и упрочивать товарное хозяйство(см. α), и в то же время устранить экспроприацию крестьянства (см. β), порождаемую этим товарным хозяйством. О, хитроумный г. Карышев!».

1. В. И. Ленин. Биогр. хроника, т. I, с. 74—75.

Весна.

Ленин выступает в кружке самарских марксистов с рефератом «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» по

поводу книги В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», а затем пишет статью на эту же тему. Эта статья является первой из сохранившихся работ Ленина.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 75.

Весна или лето.

Ленин изучает «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» Николая — она (Н. Ф. Даниельсона); критикует книгу в письме Н. Е. Федосееву, выступает с рефератом о ней в самарском марксистском кружке.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 75.

Ранее 22 июня (4 июля).

Ленин вместе с семьей выезжает из Самары на хутор близ деревни Алакаевки.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 75.

Конец июня — ранее 12 (24 августа).

А. П. Скляренко и И. Х. Лалайц неоднократно посещают Ленина на хуторе близ деревни Алакаевки.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 75.

На хуторе близ деревни Алакаевки Ленин встречается и беседует с крестьянами ряда окрестных сел, в частности с крестьянином Д. Я. Кисликовым из села Гвардейцы. В последующие годы Кисликов вел революционную пропаганду среди крестьян.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 75.

Июль, 23 (август, 4).

Ленин составляет от имени матери М. А. Ульяновой договор о продаже С. Р. Данненбергу хутора близ деревни Алакаевки Богдановской волости Самарской губернии. Продажа не состоялась. До 1897 года хутор сдавался в аренду.

- В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 76.

2. ГАКО, ф. 322, от. I, д. 619, л. 56.

Июль.

В Адрес-календаре Самарской губернии на 1894 год, вышедшем в середине 1893 года, в списке адвокатуры указан помощник присяжного поверенного Владимир Ильич Ульянов.

1. Адрес-календарь Самарской губернии на 1894 год. Самара, 1893, с. 26.

Август, 12(24).

Ленин вместе с семьей переезжает с хутора близ деревни Алакаевки в Самару.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 76.

Ранее 12 (24) августа.

Собирая и изучая материал о крестьянском хозяйстве, Ленин вместе с А. А. Преображенским составляет опросный бланк для подворного обследования села Неяловки Гростянской волости Самарского уезда.

1. В. И. Ленин. Биограф. хроника, т. I, с. 76.

Позднее 12(24) августа.

Ленин выступает в Самарском окружном суде в качестве защитника по делу Графова.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 76.

Август, 16(28).

В связи с намерением перевестись в Петербургский судебный округ Ленин подает прошение председателю Самарского окружного суда, в котором просит выдать удостоверение, что он состоит помощником присяжного поверенного и в течение 1892 и 1893 годов получал свидетельство на право ведения судебных дел.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 76.

Август, 18(30).

Ленин получает удостоверение, выданное Самарским окружным судом, о том, что он с 30 января (11 февраля) 1892 года состоит помощником присяжного поверенного Самарского окружного суда и что в 1892 и 1893 годах ему были выданы свидетельства на право ведения судебных дел.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 76.

Ранее 20 августа (1 сентября).

Ленин пишет работу «Обоснование народничества в трудах В. В.» по поводу книги В. В. (В. П. Воронцова) «Судьбы капитализма в России» и выступает в самарском марксистском кружке с рефератом на эту же тему. (Рукопись не разыскана.)

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 77.

Ленин составляет карточку подворного обследования трех волостей Самарского уезда (Дубово-Уметской, Воскресенской и Томиловской), которое производил А. П. Скляренко.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 77.

Август, 20 (сентябрь, 1).

Ленин выезжает из Самары в Петербург.

1. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. I, с. 77.

ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА В ГОРОДЕ КУЙБЫШЕВЕ И КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ленинские места в городе Куйбышеве

1. Сохранившиеся.

1. Квартира М. Т. Елизарова (сентябрь 1889 г.) — Дворянская ул., дом Шоринова (ныне — ул. Куйбышева, 7).

2. Первая квартира Ульяновых (сентябрь—октябрь 1889 г.) — Полицейская площадь, дом Кулагина (ныне — ул. Степана Разина, 10).

3. Вторая квартира Ульяновых (октябрь 1889 — май 1890 г.) — Воскресенская ул., дом Каткова (ныне — Пионерская ул., 6).

4. Третья квартира Ульяновых (май 1890 — август 1893 г.) — угол ул. Сокольничьей и Почтовой, дом Рытикова (ныне — угол Ленинской и Рабочей, 135/37. Дом-музей В. И. Ленина).

5. Самарский окружной суд, Алексеевская площадь (ныне — Куйбышевский областной суд, ул. Куйбышева, 60).

6. Александровская публичная библиотека. Дворянская ул., дом Христензена (ныне — городская библиотека политической книги, ул. Куйбышева, 95).

¹ В 90-е годы прошлого века в Самаре не было нумерации домов. Адреса устанавливались по фамилиям их владельцев. В скобках указаны современные адреса. — *Ред.*

7. Коммерческий клуб. Дворянская ул., дом Соколова (ныне — Облвоенкомат, ул. Куйбышева, 104).

8. Библиотека Благородного собрания. Дворянская ул., дом Ушаковой (ныне — Дом культуры областного управления профтехобразования, ул. Куйбышева, 131).

9. Квартира А. П. Скляренко (1893 г.) — Садовая ул., дом Немцева, (ныне — Садовая ул., 225).

10. Квартира М. П. Голубевой (1891—1892 гг.) — Дворянская ул., дом Кириллова (ныне — ул. Куйбышева, 65).

11. Квартира Я. Л. Тейтеля (1892 г.) и И. Х. Лалаянца (1893 г.) — уг. Предтеченской и Садовой улиц, дом Рыбакова (ныне — угол Некрасовской и Садовой, 85/72).

12. Квартира Н. С. Долгова (1893 г.) — Саратовская ул., дом Кичаевой, (ныне — ул. Фрунзе, 173).

13. Квартира А. Н. Хардина (1889—1893 гг.) — Саратовская ул., дом Воцакина (ныне — ул. Фрунзе, 65).

14. Квартира И. М. Красноперова (1891—1893 гг.) — Троицкая ул., дом Коробовых (ныне Галактионовская ул., 39).

15. Квартира В. П. Водовозовой (1891—1892 гг.) — Сокольничья ул., дом Сычурова (ныне — Ленинская ул., 87).

16. Квартира зубного врача А. А. Кацнельсон (1891 г.) — Дворянская ул., дом Кузнецова (ныне — ул. Куйбышева, 127).

17. Квартира художника Ф. Е. Бурова (1892—1893 гг.) — Заводская ул., дом Жильцова (ныне — ул. Венцека, 28).

18. Ресторан Корнилова (1892—1893 гг.)¹ — Алексеевская пл., д. Бутулина (ныне — ул. Куйбышева, 79).

19. Редакция газеты «Самарский Вестник» (1895 г.) — Алексеевская пл., дом Назарова (ныне — ул. Куйбышева, 58).

20. Женская гимназия, в которой училась М. И. Ульянова (1889—1893 гг.) угол Казанской и Успенской улиц (ныне — областная станция юных туристов — угол ул. Обороны и Комсомольской, 38/16).

21. Мужская гимназия, в которой М. А. Ульянова сдавала экзамены на звание учительницы (1863 г.) и учился Д. И. Ульянов (1889—1893 г.) угол Заводской и Саратовской улиц, дом Воцакина (ныне угол ул. Венцека и Фрунзе, 45/65).

22. Квартира М. И. и М. А. Ульяновых (1901—1902 гг.) — Сокольничья ул., 112, дом Урванцева (ныне — Ленинская ул., 122).

23. Квартира Ульяновых (1902—1903 гг.) — Самарская ул., 116, дом Петровой (ныне — Самарская ул., 126).

¹ В. И. Ульянов, работая в Самарском суде, часто обедал здесь — *Ред.*

24. Струковский сад (городской сад им. А. М. Горького).

25. Вокзал железнодорожной станции Самара (железнодорожный вокзал ст. Куйбышев).

2. Не сохранившиеся

1. Квартира А. И. и В. Ю. Ливановых — уг. Садовой и Предтеченской, дом Гордеева (на его месте дом № 83/90, уг. Садовой и Некрасовской улиц).

2. Квартира А. П. Скляренко (1892 г.) — Садовая ул., дом Белгородского (на его месте дом № 154, Садовая улица).

3. Квартира А. А. Кацнельсон (1891—1892 гг.) — Дворянская ул., дом Хреновой (на его месте кинотеатр «Художественный»).

4. Квартира О. Г. Гиршфельда (1892 г.) — Дворянская ул., уг. Успенской, дом Прагер (на его месте дом № 28/34, уг. ул. Куйбышева и Комсомольской).

5. Фотография Шарыгина, в которой В. И. Ленин снимался в 1891 г. — уг. Панской и Саратовской, дом Половодова (на его месте гостиница «Центральная»).

Адреса участников марксистского кружка и знакомых В. И. Ленина.

1. Квартира А. А. Белякова — (март 1892 г.) — Предтеченская ул., дом Усова (ныне — Некрасовская ул., 7).

2. Квартира А. А. Белякова (август 1892 г.) — Николаевская ул., дом Кузнецова (ныне — Чапаевская ул., 141).

3. Квартира В. А. Ионова (1889—1891 гг.) — Предтеченская ул., дом Липаева (ныне — Некрасовская ул., 39).

4. Квартира М. И. Семенова (Блан) (1892 г.) — Сокольничья ул., дом Кузнецова (ныне — Ленинская ул., 204).

5. Квартира А. М. Лукашевич (1892 г.) — уг. Самарской и Москательной ул., дом Извозчикова (ныне — уг. Самарской и Льва Толстого, № 76/84).

6. Квартира А. А. Шухта (1890—1891 гг.) — уг. Сокольничьей и Ярмарочной, дом Троицкого (ныне — уг. Ленинской и Ярмарочной, 214/26).

ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА НА ТЕРРИТОРИИ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Ставрополь (г. Тольятти), 1877.
2. Алакаевка. Дом Ульяновых, 1889—1893.
3. Самара (г. Куйбышев). 1889—1893, 1897, 1900.
4. Село Тростянка. 1889.
5. Село Красный Яр. 1889.
6. Село Екатериновка. 1890.
7. Село Жигули. 1890.
8. Село Большая Царевщина (пос. Волжский). 1890.
9. Молодецкий курган на Волге. 1890.
10. Деревня Бестужевка. Дом П. Т. Елизарова. 1892 г.
11. г. Сызрань. Дом А. И. Ерамасова. 1892, 1900 гг.
12. Переправа через Волгу у Батраков (г. Октябрьск). 1892 г.
13. Станция Смышляевка. 1889—1893.

Краткие сведения об авторах

Адоратский Владимир Викторович (1878—1945) — профессиональный революционер, большевик, ученый-марксист, академик. Окончил юридический факультет Казанского университета. С 1904 года член Коммунистической партии. Будучи за границей с 1911 по 1917 год, неоднократно выполнял поручения В. И. Ленина. После Великой Октябрьской социалистической революции работал заместителем заведующего Центральным архивным управлением, заместителем директора и директором Института Маркса—Энгельса—Ленина, руководил Институтом философии Академии наук СССР. В последние годы жизни был главным редактором Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

Анненкова Мария Владимировна — дочь председателя Самарского окружного суда В. И. Анненкова.

Беляков Алексей Александрович (1869—1927) — родился в селе Царевщина Самарской губернии. Окончил самарскую учительскую семинарию, работал учителем в с. Кобельма, а затем в с. Дубовый Умет Самарского уезда. Летом 1889 года арестован за пропаганду среди крестьян народнических идей. После выхода из тюрьмы работал в Самаре репетитором, посещал кружок Скляренко. Доклады и рефераты В. И. Ленина оказали решающее влияние на А. А. Белякова, он стал марксистом.

В июне 1893 года А. А. Беляков поступил на строительство Западно-Сибирской железной дороги и уехал в Челябинск, где включился в деятельность марксистского кружка. Он избирается в бюро первой на Урале социал-демократической организации «Уральский рабочий союз», сотрудничает в омской газете «Степной край». Летом 1898 года А. А. Белякова за революционную деятельность отправляют на три года в Архангельск в административную ссылку.

Член партии с 1903 года, А. А. Беляков принимал активное участие в дореволюционной большевистской печати. В 1905 году сотрудничал в первой легальной большевистской газете «Новая жизнь», выходившей в Петербурге, а в 1906 году направлен в Выборг с поручением организовать печатание большевистской литературы, в том числе массовой нелегальной рабочей газеты «Вперед».

В 1917 году он комиссар Николаевской железной дороги и Александровского завода, в 1918—1920 годах — председатель Кавказского краевого комитета РКП(б), затем уполномоченный ВЦИК и редактор экономического отдела «Известий ВЦИК».

В феврале 1919 года по указанию В. И. Ленина постановлением Совета Оборона А. А. Беляков командирован от НКПС (Наркомпуть) в Транспортный ВЧК для урегулирования взаимоотношений между ВЧК, ЖЧК и КПС.

В 1922 году откомандирован в Бухару в качестве советника и руководителя по экономическим вопросам. В составе делегации Бухарской компартии был на III конгрессе Коминтерна.

В 1925 году, возвратившись из Азии, А. А. Беляков ведет редакторскую работу в Госиздате, в издательстве «Долой неграмотность», является членом редколлегии журнала «Журналист».

В последние годы жизни работал в Институте Ленина, продолжая также свою журналистскую деятельность.

Голубева Мария Петровна (1861—1936) — профессиональный революционер, член Коммунистической партии с 1901 года.

Закончила Костромскую учительскую семинарию и Высшие женские курсы Герье в Москве. С 1881 по 1896 год состояла в организации якобинцев-бланкистов. В 1889 году была арестована по делу этой организации и после тюремного заключения в г. Орле выслана под гласный надзор полиции в Самару, где в 1891 году познакомилась с В. И. Лениным. Под его влиянием произошел заметный отход ее от якобинства к марксизму. В январе 1894 года в Москве она явилась свидетельницей диспута марксистов с народником В. П. Воронцовым. Это помогло ей сделать следующий шаг к марксизму.

В 1895 году поселилась в Саратове, где принимала участие в работе марксистских кружков. Весной 1901 года стала агентом газеты «Искра».

Она изыскивала средства для газеты, налаживала транспорт, осуществляла связь Саратовской искровской группы с приезжавшими представителями «Искры», развозила газету по городам Поволжья. Осенью 1902 года избрана в состав Саратовского комитета РСДРП. После II съезда партии — большевичка, активно вела борьбу с меньшевиками, участвовала в организации рабочих собраний, меевок, в выпуске прокламаций, вела переписку с В. И. Лениным.

В 1904 году переехала в Петербург и включилась в подготовку III съезда партии, избрана членом Петербургского комитета.

В период революции 1905 года ее квартира была штабом по подготовке вооруженного восстания. Здесь проходили заседания Петербургского комитета РСДРП, дежурили члены комитета, приходили делегации от районов, а когда в Петербург приехал В. И. Ленин, квартира Голубевой стала одним из мест его встреч с членами ЦК и Петербургского комитета. В годы реакции ЦК партии поручил Марии Петровне, учитывая ее талант конспиратора, перевозку партийной литературы из Финляндии и организацию нелегальной типографии в Петербурге.

В 1917 году М. П. Голубева вела работу среди солдат и рабочих. После победы Великой Октябрьской социалистической революции выполняла ряд партийных поручений в Центральном совете фабрично-заводских комитетов, в комиссариате юстиции Северной области.

В 1918—1919 годах работала в Петроградской Чрезвычайной комиссии.

С 1920 года М. П. Голубева — в аппарате ЦК РКП(б) и Бюро жалоб при СНК СССР. Уйдя на пенсию в 1928 году, работала в Обществе старых большевиков, в музее Революции.

Казаков Владимир Александрович — работал в Самарском окружном суде с декабря 1870 до февраля 1906 года в должности судебного исполнителя. В октябре 1925 года прислал в Институт Ленина «Воспоминание мое о Ленине Владимире Ильиче».

Казманов Филадельф Иванович (1870—1926). Сын одного из участников процесса 193-х, студента технологического института Ивана Казманова. Член подпольного кружка «Мельница» в Самаре (1893), пропагандировал революционную литературу. В начале 1894 года арестован. Дело получило название «Дело Казманова и Скляренко». Выслан в Архангельск на три года. По возвращении из ссылки работал в газетах, служил статистиком.

Кицинская Александра Ивановна — учительница. Окончила Самарскую гимназию. Давала уроки музыки М. И. Ульяновой, бывала у Ульяновых в Самаре и Алакаевке.

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872—1959) — видный деятель революционного движения России, член КПСС с 1893 года, друг и соратник В. И. Ленина, крупный советский ученый-энергетик, академик, Герой Социалистического Труда.

Родился в Самаре. Окончив с отличием Самарское реальное училище, в 1889 году поступил на химическое отделение Петербургского технологического института. На втором курсе Г. М. Кржижановский стал членом центрального подпольного марксистского кружка студентов-технологов. В октябре 1893 года состоялась первая встреча Г. М. Кржижановского и других участников кружка с В. И. Лениным. Эта встреча преопределила его дальнейшую судьбу революционера-профессионала.

Один из самых деятельных помощников В. И. Ленина по созданию «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Кржижановский входил в центральную группу «Союз», возглавляемую Лениным. Вел пропагандистскую работу среди рабочих за Нарвской заставой.

В декабре 1895 года арестован. В Бутырской тюрьме написал ряд революционных песен, перевел с польского «Варшавянку», ставшую любимой песней русского пролетариата.

В 1897 году сослан на три года в Восточную Сибирь, в село Тесинское Минусинского округа. Постоянно поддерживал связь с Владимиром Ильичем, который отбывал ссылку в 50 верстах от Тесинского — в с. Шушенском.

В августе 1899 года участвовал в созванном Лениным в селе Ермаковском совещании 17 ссыльных социал-демократов, где подписал ленинский «Протест российских социал-демократов», направленный против так называемого «Кредо» «экономистов».

Отбыв ссылку, Г. М. Кржижановский вместе с женой З. П. Невзоровой-Кржижановской, по поручению В. И. Ленина, в январе 1902 года обосновался в Самаре и создал Бюро русской организации «Искры».

В июле 1903 года переехал в Киев. На II съезде РСДРП заочно

избран членом ЦК партии. Активный участник первой русской революции. В октябре 1905 года возглавлял забастовочный комитет Юго-Западной железной дороги.

В Москве и Петербурге работал в большевистской печати — в газете «Волна», в журнале «Мысль».

В 1910 году заведовал Московской кабельной электросетью и вел подпольную партийную работу.

В 1917 году в дни Февральской революции был членом большевистской фракции Московского Совета, активно участвовал в Октябрьской социалистической революции.

После Октябрьской социалистической революции был председателем Комитета государственных сооружений ВСНХ, председателем Главэнерго (1919 год). В 1920 году, по рекомендации В. И. Ленина, назначен председателем Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). В соответствии с ленинскими указаниями руководил разработкой первого научного перспективного плана восстановления и развития народного хозяйства на базе электрификации — план ГОЭЛРО.

С 1921 по 1930 год Г. М. Кржижановский работал председателем Госплана. Принимал участие в разработке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства.

За выдающиеся достижения в области энергетики в 1929 году избран действительным членом Академии наук СССР и УССР. С этого же времени на протяжении десяти лет Глеб Максимилианович — вице-президент АН СССР. 14 лет был членом Центрального Комитета партии, 10 лет (1927—1937 годы) членом ВЦИК и ЦИК СССР. С 1930 по 1932 год — председатель Главного управления энергетического хозяйства Наркомтяжпрома.

В 1932—1936 годах — председатель Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР и заместитель наркома просвещения РСФСР.

В 1937 году трудящиеся Куйбышевской области избрали Г. М. Кржижановского депутатом Верховного Совета СССР. Он активно участвовал в разработке плана электрификации страны на 1959—1965 годы и до конца своих дней оставался руководителем Энергетического института АН СССР, который сам основал в 1930 году. В январе 1957 года удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Крупская Надежда Ковстантиновна. (14(26) февраля 1869—27 февраля 1939) — соратник, жена и друг В. И. Ленина, видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, профессиональный революционер (партийные клички: Минога, Рыба и др.), член КПСС с 1898 года. Революционную деятельность начала в 1889 году в марксистских студенческих кружках Петербурга. В 1891—1896 годах вела пропаганду марксизма, учительствуя в вечерне-воскресной школе для рабочих. Одновременно активно участвовала в деятельности социал-демократической организации Петербурга, где в начале 1894 года познакомилась с В. И. Лениным. В 1895 году была одним из организаторов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В августе 1896 года была арестована и в 1898 году приговорена к ссылке на три года в Уфимскую губернию. Первые два года ссылки отбывала в селе Шушенском вместе с В. И. Ле-

ниным, потом — год в Уфе. По окончании ссылки, в 1901 году, уехала за границу, где стала секретарем редакции газеты «Искра». Принимала деятельное участие в подготовке к работе II и III съездов партии. Секретарь большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». В 1905—1907 годах работала в секретариате ЦК партии в России, в 1911 году — в партийной школе в Лонжюмо. После Пражской конференции (1912 год) налаживала связи с газетой «Правда», с большевистской фракцией Государственной думы. Была одним из организаторов и ведущим редактором легального большевистского журнала «Работница».

В годы первой мировой войны помогала Ленину в сплочении международной социал-демократии против империалистической войны. В 1915 году была членом большевистской делегации на Международной женской конференции в Берне. Вела работу среди русских военнопленных, находившихся в плену в Германии и Австрии. В то же время большое внимание уделяла разработке с марксистских позиций вопросов педагогики и народного образования и в 1915 году закончила свой труд «Народное образование и демократия», который высоко ценил В. И. Ленин.

Все годы эмиграции вела обширную конспиративную переписку с партийными организациями в России, ведала отправкой им нелегальной литературы, посылкой партийных товарищей на работу в Россию. В ее руках были сосредоточены все адреса и явки.

После Февральской революции 1917 года вместе с В. И. Лениным вернулась в Россию, работала в секретариате ЦК партии, а затем в Выборгском районе Петрограда. Вела большую агитационно-массовую работу среди рабочих, солдат, женщин, молодежи, разъясняя им политику большевистской партии. Активно участвовала в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции.

После победы Октября вела большую партийную и государственную работу. Активный участник осуществления ленинского плана строительства социализма: индустриализации СССР, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции. Руководитель политико-просветительной работы среди трудящихся масс. Один из организаторов работы среди женщин, молодежи, пионеров. Много сделала для развития международного женского движения. Член коллегии Народного комиссариата просвещения (с 1917 года), с 1929 года — заместитель наркома просвещения РСФСР. Председатель Главполитпросвета (1920—1930 годы). Почетный член Академии наук СССР (1931 год), доктор педагогических наук (1936 год).

Автор около трех тысяч статей, брошюр, книг по истории партии, пропаганде марксизма-ленинизма, партийной и советской работе, о жизни и деятельности В. И. Ленина, о женском и молодежном движении, пионерской организации, коммунистическом воспитании, народном образовании.

Участник всех партийных съездов (кроме I и V). С 1924 года — член ЦКК ВКП(б), с 1927 года — член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК с 1918 года и ЦИК СССР всех созывов, депутат и член Президиума Верховного Совета СССР первого созыва.

Награждена орденом Ленина (1933 год) и орденом Трудового Красного Знамени (1929 год).

Кулябко Прасковья Ивановна (1874—1959) — профессиональный революционер. Шестнадцатилетней девушкой примкнула к нелегальному кружку народнического направления в Саратове. Приехав в 1893 году в Самару для поступления в фельдшерскую школу, познакомилась с А. П. Скляренко и И. Х. Лалаянцем. Под их влиянием стала марксисткой и активно включилась в революционную работу, перепечатывала на гектографе работы Маркса, Плеханова и распространяла их среди молодежи. В 1894 году вместе с группой самарских марксистов арестована. В 1895 году вместе с И. Х. Лалаянцем поселилась в Пензе, затем по совету В. И. Ленина переехала в Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Была членом Екатеринославского комитета РСДРП. Активно работала в искровой группе в Воронеже. В 1902 году эмигрировала за границу, встречалась с В. И. Лениным. По его заданию после II съезда РСДРП возвратилась в Россию для информации местных партийных организаций об итогах работы съезда.

В 1904 году Кулябко работала в Одесском комитете РСДРП и Русском бюро ЦК, секретарем Петербургского комитета РСДРП, участвовала в подготовке III съезда партии.

В годы Советской власти работала в Ленинграде в партийных и профсоюзных органах с 1925 года — в Ленинградском Истпарте. Во время Великой Отечественной войны — политорганизатор среди населения Ленинграда.

Лалаянц Исаак Христофорович (1870—1933) — родился в г. Кизляре Терской области (ныне Дагестанская АССР). Учился в Казанском реальном училище. Член марксистского кружка Н. Е. Федосеева. В 1889 году арестован и выслан из Казани. Вернувшись в 1892 году в Казань, вел революционную пропаганду среди рабочих и учащейся молодежи. В январе 1893 года вновь арестован и выслан в Самару под надзор полиции. В марте 1893 года познакомился с В. И. Лениным, вошел в созданный им марксистский кружок.

Осенью 1895 года выехал в Екатеринослав, где принимал участие в создании местного «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», подготовке I съезда РСДРП. Здесь же в начале 1900 года при участии И. Х. Лалаянца и И. В. Бабушкина вышла в свет нелегальная социал-демократическая газета «Южный рабочий».

В апреле 1900 года снова арестован, а в 1902 году выслан в Восточную Сибирь. Из ссылки бежал за границу. Здесь его приняли в члены «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии». Заведовал типографией ленинской «Искры» в Женеве.

После II съезда РСДРП — большевик. Как член Одесского комитета РСДРП участвовал в организации Южного бюро ЦК РСДРП. Летом 1904 года арестован и приговорен к высылке в Вологодскую губернию сроком на пять лет. Из ссылки ему удалось бежать.

В 1906 году участвовал в первой конференции военно-боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе. После конференции приехал в Куоккалу, где встретился с В. И. Лениным.

В декабре снова арест. После двух лет предварительного заключения приговорен к шести годам каторги, которую отбывал

в Петербургской тюрьме и Шлиссельбургской крепости. По окончании срока каторги в 1913 году отправлен этапом на вечное поселение в Восточную Сибирь.

С 1922 года работал в Главполитпросвете Наркомпроса РСФСР. Автор воспоминаний «У истоков большевизма».

Маслов Петр Павлович (1867—1946) — русский экономист, социал-демократ, автор работ по аграрному вопросу, в которых он пытался ревизовать марксизм. В 1889 году был арестован по делу марксистского кружка Н. Е. Федосеева в Казани и заключен на три года в тюрьму. Работал в газете «Самарский вестник», сотрудничал в журналах «Научное обозрение», «Жизнь», «Начало». После раскола РСДРП примкнул к меньшевикам, активно работал в их печатных изданиях. После Октябрьской революции Маслов отошел от политической деятельности, вел педагогическую и научную работу в ряде высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений Омска, Иркутска, Читы и Москвы.

В 1929 году был избран действительным членом Академии наук СССР. В последние годы жизни занимался изучением экономики социалистического сельского хозяйства.

Мицкевич Сергей Иванович (1869—1944) — один из старейших деятелей Коммунистической партии, член партии с 1893 года. Впервые с В. И. Лениным встретился в августе 1893 г. Через С. И. Мицкевича В. И. Ленин поддерживал контакты с московскими социал-демократами. В сентябре 1893 года Мицкевич был одним из организаторов первой в Москве марксистской группы, ставшей ядром московского «Рабочего союза».

Активный участник Февральской и Великой Октябрьской социалистической революции.

Делегат IX съезда РКП(б), член коллегии Истпарта при ЦК РКП(б), один из основателей государственного музея Революции и первый его директор (1924—1934 годы).

Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — видный русский ученый-востоковед. Вместе с А. И. Ульяновым работал в научном отделе студенческого научно-литературного общества. В 1894 году защитил магистерскую диссертацию «Буддийские легенды» (ч. I). С 1901 года — академик. В 1917 году — министр просвещения Временного правительства. В течение 25 лет (1904—1929) состоял неизменным секретарем Академии наук. Ольденбургу принадлежат труды по фольклору, этнографии, искусству народов России, Западной Европы, ряда стран Востока.

Преображенский Алексей Андреевич (1863—1938) — активный деятель Самарской большевистской организации со дня ее возникновения.

Родился во Владимире. Увлеченный народническими идеями, в 1885 году пошел «в народ». С группой товарищей купил в Богдановской волости Самарской губернии, недалеко от Алакаевки, хутор Шарнеля с участком и организовал там земледельческую колонию. Однако, как и другие подобные «коммуны», она распа-

лась, что освободило А. А. Преображенского в значительной степени от народнических иллюзий об общине и крестьянстве.

В 1889 году познакомился с В. И. Лениным и всей семьей Ульяновых, поселившейся в Алакаевке. Владимир Ильич дает Преображенскому литературу, помогая разобраться в марксизме, Алексей Андреевич знакомит молодого Ульянова с интересными крестьянами-самоучками. По просьбе В. И. Ленина Преображенский в 1893 году провел подворное обследование в с. Неяловке Тростянской волости Самарского уезда и отправил статистические материалы в Петербург, куда уехал В. И. Ленин.

Общение с В. И. Лениным благотворно сказалось на идейных взглядах А. А. Преображенского. Он окончательно отошел от народничества и стал марксистом-ленинцем. Вместе с В. П. Арцыбушевым активно участвовал в деятельности Самарской группы содействия «Искре», в Бюро Русской организации «Искры», позднее — в Восточном бюро ЦК РСДРП. Содержал конспиративную квартиру, где бывали представители Центра М. И. Ульянова, А. И. Ульянова-Елизарова и др. После II съезда партии А. А. Преображенский — большевик.

В годы реакции, наступившей после поражения революции 1905—1907 годов, в трудных условиях вел партийную работу по собиранию и сплочению большевистских сил в Самаре.

После Октябрьской революции продолжал работать в управлении Самаро-Златоустовской железной дороги, отдавал много сил восстановлению разрушенного народного хозяйства. Разработав вместе с председателем Самарского губсовнархоза Г. С. Соколовым мероприятия по подъему сельского хозяйства в губернии, А. А. Преображенский в феврале 1921 года по этому вопросу выезжал в Москву к В. И. Ленину и имел с ним беседу в Кремле.

В 1922 году по предложению В. И. Ленина А. А. Преображенский, как хороший специалист, был назначен управляющим одного из первых в стране совхоза «Горки».

21 июля 1923 года В. И. Ленин навестил Алексея Андреевича и прожил у него три дня. В «Горках» А. А. Преображенский часто встречался с В. И. Лениным.

Самойлов Н. — близкий знакомый присяжного поверенного самарского окружного суда А. Н. Хардина.

Семенов Матвей Иванович (Блан) (1867—1940) — родился в селе Спасском Бугульминского уезда Самарской губернии.

По окончании Самарского реального училища поступил в Петровскую сельскохозяйственную академию в Москве. Однако вскоре за участие в студенческом революционном движении был исключен из академии и выслан в Самару. Оказавшись снова в Самаре, М. И. Семенов знакомится с А. П. Скляренко — организатором кружка революционно настроенной молодежи.

В 1887 году членами кружка были выпущены прокламации по поводу студенческих волнений, которые М. И. Семенов и его друзья расклеили по всему городу.

За издание нелегальных прокламаций выслан в Бугульму. Вернувшись в Самару осенью 1889 года, М. И. Семенов позна-

комился с В. И. Лениным, под влиянием которого вскоре порвал с народничеством и стал на позиции марксизма.

В 1892 году принимал активное участие в работе самарского марксистского кружка, образованного под руководством В. И. Ленина.

В марте 1894 года, уже после отъезда В. И. Ленина в Петербург, все члены кружка, в том числе и Семенов, были арестованы. В 1895 году его выслали из Самары и запретили проживание в столичных и фабричных городах.

Поселившись в Саратове, М. И. Семенов продолжал заниматься революционной деятельностью.

В ряды РСДРП вступил в 1904 году. Принимал активное участие в первой русской революции. По решению Саратовского комитета партии работал в боевой рабочей дружине, организовывал хранение оружия и обучение дружинников.

Был одним из организаторов газет «Волна» и «Приволжская газета», в которых печатался под псевдонимом М. Блан.

В 1912 году переезжает в Москву. После февраля 1917 года работает в большевистской фракции Совета Суцеско-Марьинского района Москвы, в октябре 1917 года организует советские учреждения в Краснопресненском районе.

После Великой Октябрьской социалистической революции был на руководящей советской и планово-хозяйственной работе в г. Москве. Работал комиссаром финансов, председателем страхового отдела ВСНХ, начальником Госстраха, в Госплане СССР и т. д.

Сергиевский Николай Львович — близкий друг Н. Е. Федосеева.

Старков Василий Васильевич (1869—1925) — участник революционного движения в России. Родился в семье служащего в деревне Каменная Сарма, ныне Ершовский район Саратовской области. С 1889 года учился в Петербургском технологическом институте (окончил в 1894 году); в 1890 году вошел в марксистский кружок студентов-технологов. В 1893 году познакомился с В. И. Лениным; участвовал в создании Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», член центральной группы «Союза». В 1895 году арестован, в 1897 году сослан в Минусинский уезд. С 1900 года работал в Красноярске, Омске, Киржаче, Брянске, с 1904 года в Баку заведовал электростанцией. В годы реакции (1907—1910) от партийной деятельности отошел, но поддерживал связи с большевиками. С 1907 года — директор электростанции в Москве. В 1920 году работал в Наркомвнешторге, с 1921 года был заместителем торгпреда СССР в Германии.

Ульянова-Елизарова Анна Ильинична (13(25) августа 1864—20 октября 1935) — старшая сестра В. И. Ленина, верная его соратница, видный деятель Коммунистической партии.

Осенью 1883 года Анна Ильинична с братом Александром уехала в Петербург, где поступила на Высшие (Бестужевские) женские курсы, вошла в Поволжское землячество студентов, а в 1886 году впервые приняла участие в политической демонст-

рации, организованной студентами в 25-летнюю годовщину смерти Н. А. Добролюбова. 1 марта 1887 года арестована по делу А. И. Ульянова о покушении на жизнь царя Александра III. Выслана на 5 лет в деревню Кокушкино Казанской губернии.

Весной 1889 года ей разрешили переехать с семьей в Самарскую губернию на хутор при деревне Алакаевке. Точас по приезде за нею был установлен строгий надзор полиции. Летом этого же года вышла замуж за Марка Тимофеевича Елизарова. На зиму переезжала в Самару, на что каждый раз требовалось разрешение губернатора. Переводила рассказы и повести с итальянского языка, которые печатались в «Самарской газете».

Осенью 1893 года переехала в Москву и установила связь с московскими социал-демократами. В 1895—1897 годах, когда В. И. Ленин находился в петербургской тюрьме, выполняла роль связной между ним и оставшимися на свободе его товарищами по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

Осенью 1898 года вошла в первый Московский комитет РСДРП. Вела обширную переписку с Лениным, отбывавшим сибирскую ссылку, занималась изданием его книг «Экономические этюды и статьи» и «Развитие капитализма в России». Летом 1900 года уехала за границу, где участвовала в группах содействия «Искре» в Париже и в Берлине.

Осенью 1902 года вернулась в Россию, приезжала в Самару с поручениями от В. И. Ленина для Бюро Русской организации «Искры». Весной 1903 года снова приехала в Самару и здесь оставалась до октября 1903 года, принимая деятельное участие в работе Бюро Русской организации «Искры».

В октябре переехала в Киев, где обосновался ЦК партии. В ночь с 1 на 2 января 1904 года вместе с Марией Ильиничной и Дмитрием Ильичем Ульяновыми была арестована по делу Центрального и Киевского комитетов РСДРП. По освобождении из тюрьмы уехала к мужу в Саблино, под Петербург, работала в Петербургском комитете партии, вела переписку с заграничным центром большевиков, и участвовала в распространении большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий».

Еще дважды приезжала в Самару: в конце 1906 года и летом 1907 года, привозила для Самарского комитета РСДРП партийную литературу. Останавливалась у М. Т. Елизарова, который в это время жил в Самаре и редактировал большевистские газеты «Самарская Лука» и «Прибой». Летом 1907 года посетила Алакаевку, которую Марк Тимофеевич охарактеризовал ей как самую революционную деревню в районе.

В 1908—1909 годах готовила к печати книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В 1909 году Елизаровы переехали в Саратов, а в 1913 году — в Петербург.

В 1912—1914 годах сотрудничал в большевистских органах «Правда», «Просвещение», член редколлегии журнала «Работница». Неоднократно подвергалась арестам и ссылке.

В 1917 году — секретарь редакции газеты «Правда» и редактор журнала «Ткач». В 1918—1921 годах работала в Наркомсобесе и Наркомпросе по охране детства. С 1921 года — в Истпарте, член редколлегии журнала «Пролетарская революция».

Принимала активное участие в организации Института Ленина и была его научным сотрудником.

Автор ряда историко-революционных работ и воспоминаний о В. И. Ленине.

Ульянова Мария Ильинична (6(18) февраля 1878 — 12 июня 1937) — младшая сестра В. И. Ленина, член Коммунистической партии с 1898 года.

В 1889 году приехала вместе с семьей в Самару, поступила здесь в женскую гимназию. В 1893 году семья Ульяновых переехала в Москву. Окончив в 1896 году Московскую женскую гимназию, Мария Ильинична поступила на Высшие женские курсы. Начала приобщаться к революционному движению, принимала участие в нелегальных студенческих собраниях. В 1897—1899 годах училась в Брюссельском университете. В 1899 году была арестована по делу Московской партийной организации и выслана в Нижний Новгород. Вернувшись в Москву, возобновила свою работу в Московском комитете РСДРП.

1 марта 1901 года снова арестована и в ноябре того же года выслана на два года в Самару под гласный надзор полиции. Установила связь с жившими в Самаре под полицейским надзором искровцами — Ф. В. Ленгником, К. К. Газенбушем и др. В январе 1902 года была избрана помощником секретаря Бюро Русской организации «Искры». С февраля 1902 года до октября 1903 года с небольшим перерывом работала в Самарской губернской земской управе счетоводом на строительстве Семейкинского шоссе и сельскохозяйственного училища в Кинеле.

Попытка летом 1902 года поехать вместе с матерью за границу к В. И. Ленину, чтобы подробно информировать его о положении дел в Бюро, окончилась неудачей: департамент полиции не разрешил ей эту поездку.

Летом 1903 года, живя в Морквашах (Самарская губерния), активно участвовала в подготовке ко II съезду РСДРП, выезжала в Сызрань, Симбирск, Нижний Новгород. В октябре 1903 года вместе с А. И. Ульяновой-Елизаровой переехала в Киев, где обосновалась подпольный Центральный Комитет. От имени ЦК вела переписку с местными социал-демократическими организациями, в том числе и с Самарским комитетом РСДРП и Восточным бюро ЦК РСДРП. В январе 1904 года арестована.

После освобождения из тюрьмы, вместе с Марией Александровной переехала под Петербург, в Саблино. Здесь связалась с Петербургской партийной организацией, принимала в ее работе активное участие. Выезжала в Швейцарию к В. И. Ленину. В 1905 году ей был поручен ответственный пост секретаря Петербургского комитета РСДРП.

Летом 1907 года по поручению ЦК приезжала в Самару.

В 1908 году уехала за границу и в Париже сдала экзамен на звание учительницы французского языка. В 1910 году вместе с Марией Александровной ездила в Стокгольм на свидание с Владимиром Ильичем. В конце этого года переехала с матерью в Саратов, где жили Елизаровы. Вместе с Анной Ильиничной вела большую работу в Саратовском комитете РСДРП. В мае 1912 года арестована и выслана под надзор полиции в Вологду, где пробыла до осени 1914 года.

Где бы ни была в годы войны Мария Ильинична — в Москве, на фронте, — она всюду своей главной партийной работой считала помощь Владимиру Ильичу. С марта 1917 года до весны 1929 года Мария Ильинична была членом редколлегии и ответственным секретарем газеты «Правда», одним из организаторов рабселькоровского движения.

В 1927 году М. И. Ульянова приезжала в Самару, снова побывала в Алакаевке, где нашла, как она потом писала, самый сердечный прием у местных крестьян. В 1929 году перешла на работу в Институт Ленина. Работая в Институте Ленина, составила и подготовила к печати письма Ленина к родным, представляющие большую ценность для изучения биографии В. И. Ленина. Написала книгу о своем отце Илье Николаевиче Ульянове и биографические очерки о матери — Марии Александровне Ульяновой, брате Александре и сестре Ольге.

Автор ряда работ о партийной и советской печати, воспоминаний и статей о В. И. Ленине.

Делегат VI, XIII—XVII съездов партии, на XIV, XV и XVI съездах избиралась членом ЦКК ВКП(б), с 1932 года была членом Президиума ЦКК ВКП(б), членом коллегии НК РКИ СССР. На XVII съезде партии избрана в Комиссию советского контроля при Совнаркоме СССР, возглавляла Бюро жалоб и НК РКИ. Была членом ЦИК СССР.

Ульянов Дмитрий Ильич (4(16) августа 1874—16 июля 1943) — младший брат, единомышленник и боевой соратник В. И. Ленина по революционной борьбе. Член Коммунистической партии с 1901 года.

Родился в Симбирске. В 1889—1893 годах учился в мужской классической гимназии в Самаре.

Марксистское мировоззрение Дмитрия Ильича начало складываться еще в ранней юности под непосредственным влиянием Владимира Ильича. Жизнь в Самаре имела особое значение в его идейном развитии. Дмитрий Ильич был знаком с А. П. Скляренко, В. А. Ионовым, И. Х. Лалаянцем и другими членами марксистского кружка, присутствовал при беседах Владимира Ильича с ними.

По окончании гимназии вместе с матерью и сестрами переехал в Москву, поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1897 году арестован по делу московского «Рабочего союза», выслан под негласный надзор полиции в Тулу. Завершить медицинское образование удалось только в 1901 году в Юрьевском (Тартусском) университете. Был активным агентом «Искры».

В январе 1902 года участвовал в Самаре в совещании искровцев и в марте по заданию Бюро Русской организации «Искры» выехал в Одессу.

В декабре 1902 года по решению заграничного центра «Искры» переехал в Самару. Как агент «Искры», выезжал в Тулу для участия в подготовке II съезда партии и был избран делегатом съезда от Тульского комитета РСДРП.

После съезда был направлен в Киев, где работал агентом ЦК. В январе 1904 года арестован по делу Центрального и Киевского комитетов партии.

По освобождении из тюрьмы, где просидел 11 месяцев, приехал к Елизаровым в Саблино под Петербургом. В апреле 1905 года устроился санитарным врачом в Симбирске. Вскоре стал членом Симбирского комитета партии, затем работал врачом в Серпуховском уезде (с. Лыпитино), а с 1911 года — в Феодосии.

Во время войны 1914—1918 годов — военный врач, ведет большевистскую пропаганду среди солдат.

Октябрьская революция 1917 года застала его в Крыму. Принимал активное участие в борьбе за установление Советской власти. Во время гражданской войны был членом Евпаторийского комитета большевиков и членом Ревкома, а затем заместителем председателя Крымского Совета Народных Комиссаров. В 1920—1921 годах — член Крымского обкома партии. С конца 1921 по 1930 год работал в Москве — в Наркомздраве, затем — в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова и в лечебно-санитарном управлении Кремля.

С начала Великой Отечественной войны Дмитрий Ильич с семьей был эвакуирован из Москвы сначала в Ульяновск, а затем, в конце лета 1942 года, в г. Куйбышев. Здесь он посещал Дом-музей В. И. Ленина, оставил подробное описание комнат, по которому в 1970 году была восстановлена обстановка квартиры Ульяновых. В апреле 1943 года вернулся в Москву.

Принимал активное участие в работе Центрального музея В. И. Ленина, автор ряда воспоминаний, статей, очерков о В. И. Ленине.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Адоратский В. В. 202, 248, 250
Аккер М. И. 149
Алашев В. И. 240
Александр II 64
Александр III 259
Александр Ильич см. Улья-
нов А. И.
Алексеев В. И. 11
Альбрехт В. А. 189
Альбов 72
Амос Прокопьевич 121, 140,
152, 153, 154, 155, 156, 224
Андреев В. Е. 101
Андреев В. М. (Максимыч) 70,
79
Анна Ильинична см. Ульянова-
Елизарова А. И.
Анненков В. И. 172, 173, 206,
211, 236, 248, 250
Анненков И. А. 206,
Анненкова М. В. 206, 248, 250
Антоков Хан-Гирей 141
Аргутинский-Долгоруков 177,
179
Арефьев А. Н. 5, 32, 33, 34, 35,
36, 37, 237, 238, 239
Аржановы 58, 94
Арцыбушев В. П. 105, 257
Ауэрбах Б. 72

Б

- Бабушкин И. В. 255
Балабин А. 119
Балашов 102, 209
Бальбуциновский А. П. см.
Скляренко А. П.
Бальзак О. 72

- Бамбуров М. С. 238
Бастиа Ф. 71
Бахарева 240
Бебель А. 188
Белгородский 248
Белинский В. Г. 72
Беяев 71
Беяков А. А. 7, 92, 103, 107,
133, 141, 154, 177, 183, 187,
191, 222, 224, 248, 250, 251
Берви-Флеровский В. В. 71
Бернс Р. 72
Бертенев В. В. 228
Беспаловы 58
Блюменталь И. И. 192, 193
Богданович П. Н. 64
Богданович Ю. Н. 64
Богомолы 60
Бокль Г. Т. 71
Бондаревская Т. 227, 231, 232,
233, 234
Браун Г. 45, 88
Брискер Л. И. 241, 242
Брянчанинов А. С. 19
Бугров 176
Булгаков С. Н. 45
Буров Ф. Е. 68, 184, 247
Бутулин 247
Бухалов 173
Бухгольц В. А. 7, 78, 184, 185,
225
Бушуев Н. В. 69
Буянов А. Г. 72, 99
Бэн А. 71
Бюхнер Ю. 71

В

- В. В. см. Воронцов В. П.
Вахромов И. 139

Вахрушев 100
Вебер М. 71
Вейсман В. И. 211
Великанова А. 227, 231, 232, 233
Верморель О. 71
Викен Б. 211
Виттен В. Ю. (Виттен В. И.) 43,
65, 66, 93, 107, 223
Водовозов В. В. 18, 25, 26, 44,
77, 87, 91, 92, 94, 106, 108,
109, 170, 172, 173, 174, 177,
178, 179, 180, 192, 212, 235,
240
Водовозова В. П. 247
Водовозова Е. Н. 25
Войнаральский П. И. 64, 65
Волнухин П. 189
Волховский Ф. В. 65
Вольтман В. Н. 70, 139
Воронцов В. П. (В. В.), 6, 19,
45, 47, 49, 50, 71, 73, 95, 97,
103, 113, 131, 135, 144, 164,
207, 221, 239, 245, 251
Воцакин 221, 247
Вреден Э. Р. 71
Вундт 71
Вышнеградский И. А. 149

Г

Газенбуш К. К. 260
Гартман Э. 71, 184
Гегель Г. В. Ф. 71, 89
Гейне Г. 38, 72, 226
Гильдебрант Б. 71
Гиршфельд О. Г. 237, 248
Голубева (Яснева) М. П. 7, 19,
26, 44, 90, 91, 104, 105, 106,
169, 178, 193, 194, 234, 237,
247, 249, 251, 252
Гонеггер 71

Гончаров Д. А. 17, 118, 119,
220, 223
Гопфенгауз М. Г. 83, 186, 187,
189, 209, 210, 240, 242
Гордеев 223, 248
Грлов 71
Горький А. М. 205, 206
Градовский А. Д. 226
Грачев А. 189
Грачевский М. Ф. 65
Грачевы 58
Графов 245
Григорьев М. Г. 101, 202, 204
Гуно Ш. Ф. 39
Гурко 94
Гусев Н. И. 239

Д

Даниельсон Н. Ф. (Николай—
он) 19, 72, 86, 88, 89, 97, 106,
120, 121, 131, 135, 159, 163,
209, 226, 244
Данилевский 74
Данилин 21, 22
Данненберг С. Р. 244
Даргомьжский А. С. 38, 286
Дитятин И. И. 71, 83
Дмитрий Ильич см. Ульянов
Д. И.
Добролюбов Н. А. 72, 259
Долгов Н. С. 43, 66, 67, 68,
104, 105, 124, 125, 126, 162,
164, 173, 223, 242, 247
Дрэпер 71
Духинов 240
Дюфрен 30

Е

Елизаров Е. П. 220
Елизаров М. Т. 10, 15, 17, 19,

20, 21, 25, 26, 29, 33, 34, 36,
49, 51, 52, 80, 87, 107, 114,
127, 192, 213, 218, 219, 220,
229, 237, 246, 259, 262

Елизаров П. Т. 51, 249

Ерамазов А. И. (Монах) 19,
20, 21, 79, 80, 81, 232, 249

Ерфилович 140, 152, 153, 154, 155
156, 224

Ефименко А. Я. 71, 83

Ж

Желябов А. И. 65, 161

Жильцов 247

З

Зайчневский П. Г. 90, 105

Зайцев К. Ф. 237

Залежская В. А. 232

Зибер Н. И. 71, 87, 89

Зильберштайн И. С. 209

Златовратский 72

Золя Э. 72

Зомбарт В. 45

Зорин И. Ф. 237

Зубилов 117

Зубрилин 12

И

Иванов И. И. 173

Иванов И. К. 86

Иванов П. 139

Ивановы 235

Иванчин-Писарев А. И. 64

Иванюков 71

Извозчиков 248

Ильминский Н. И. 220

Ионов В. А. 19, 26, 27, 49, 79,

80, 100, 192, 221, 232, 248,
261

Ионов С. А. 79, 80

Исаев А. А. 71

К

Каблуков Н. А. 88

Казаков В. А. 211, 250, 252

Казманов И. 99

Казманов Ф. И. 99, 100, 101,
212, 250, 252

Казманова Е. И. 80, 99, 100

Казманова З. И. 99, 100

Калинин А. 227, 233

Кант И. 71

Кареев Н. И. 50, 71 97

Карлейль Д. У. 71

Каронян С. (Петропавловский
Н. Е.) 11

Карташев А. А. 240

Карышев Н. А. 45, 71, 88, 243

Катков 221

Каутский К. 83, 86

Кауфман И. 87, 89

Кацельсон А. А. 133, 162, 164,
180, 186, 228, 235, 247, 248

Квятковский А. В. 64

Керчикер И. А. 101

Кириллов 234, 247

Кисликов Д. Я. 121

Кищинская А. И. 213, 214, 250,
252

Кичаева 223, 247

Классон Р. Э. 196

Клеменц Г. А. 7, 65

Клеменц Д. А. 65

Ключевский В. О. 71, 82, 83

Князев В. А. 140, 143, 152, 153
155, 156, 224

Коваляк С. Ф. 65

Ковальский И. М. 43, 66

Колумб см. Лалаянц И. Х.
Конринг 230
Константинов 242
Копьяков 237
Коркунов Н. М. 228
Корнилов 180, 247
Коробов 235, 247
Короленко В. Г. 168
Коршунов 239
Косич А. И. 26
Костомаров Н. И. 71
Котовщиков Н. И. 218
Кравцов И. П. 139
Крамер 173
Красильников И. В. 237
Красин Г. Б. 195
Красноперов И. М. 66, 67, 107,
173, 235, 247
Красноселов В. П. 240, 242, 243
Кржижановский Г. М. 7, 15, 32,
196, 197, 201, 252, 253
Кржижановская-Невзорова З. П.
16, 55, 232, 252
Кривенко С. Н. 47, 95, 103, 131,
163
Кривошея В. В. 84, 188
Крупская Н. К. 7, 12, 194, 196,
250, 253
Крылов В. Т. 243
Кузнецкая Л. 226
Кузнецов И. А. 141, 145, 150,
151, 162, 185, 189, 190, 224
Кузнецов И. И. 241
Кузнецов 247, 248
Куклев Ф. И. 238
Кулагин 220
Кулишер 71
Кулябко П. И. 210, 211, 253,
255
Кувецкая Л. 40
Куркин В. 189
Курлин А. Г. 70, 139, 140

Курлины 58
Кэрн Г. Ч. 71

Л

Лавель А. 71
Лавров П. А. 71
Лавров С. В. 238
Лазарев Е. Е. 65, 137
Лалаянц И. Х. 7, 18, 26, 27, 101,
102, 103, 123, 124, 192, 210,
211, 242, 244, 247, 255, 261
Ланге А. 71
Лаптев Ф. Е. 240
Лассаль Ф. 71
Лебедева М. И. 19, 76, 81,
100, 162, 190, 241
Левитов А. 72
Лекки Г. 71
Ленгник Ф. В. 260
Лепешинский П. Н. 32
Лесевич 71
Летурно 71
Либкнехт В. 44, 188
Либкнехт К. 78
Ливанов А. И. 43, 49, 50, 65, 66,
92, 107, 162, 164, 172, 173,
223, 248
Ливанова В. И. см. Витген
В. Ю.
Ливен 175, 176
Липаев 248
Луи-Блан 71
Лукашевич А. М. 107, 248
Лучицкий И. В. 71
Льюис Д. Г. 71
Любецкой 173

М

Маколей Т. Б. 71
Маланья Перевалова см. Пе-
ровская С. А.

Мавдель С. 227, 233
Маркс К. 37, 42, 47, 53, 72,
81, 87, 88, 89, 105, 106, 107,
111, 121, 129, 131, 132, 134,
137, 159, 164, 165, 172, 179,
185, 193, 194, 195, 197, 199,
200, 201, 204, 207, 223, 241,
255

Мартов Л. 114

Маслов П. П. 101, 206, 207, 209,
254, 256

Метелкин Т. 189

Милле Ж. Ф. 71

Миные Ф. О. А. 71

Миролубов В. С. 137, 138

Михайлов А. Д. 64

Михайловский Н. К. 6, 19, 47,
50, 66, 88, 90, 91, 92, 97, 131,
137, 144, 239

Михайловский-Гарин Н. Г. 173

Мицкевич С. И. 105, 204, 254,
256

Молешот Я. 71

Монтескье П. Л. 71

Мордовцев Д. Л. 71

Морозов Н. А. 65

Мороченков С. И. 242

Мороченкова А. К. 242

Муленков В. Ф. 236, 237

Муравский М. Д. 65

Мышкин И. Н. 65

Мэн 71

Н

Навроцкий А. А. 148

Назаров 247

Наумов Н. И. 72

Немцов 128

Нечаев А. П. 139, 141, 142, 146,
150, 224

Нечаев С. Г. 43, 68

Нечаев П. Л. 142, 143, 144, 145,
148, 224, 249

Николаев П. Ф. 90

Ницше Ф. 184

О

Олесов Р. 139

Ольденбург С. Ф. 208, 230, 254,
256

Ольденбургский А. П. 94

Онуфрович 211

Опарин М. В. 236

Орлов 10

Орлов А. И. 105

Осинов 173

Осинович А. (Новгородский
А. С.) 72

Остринин Я. 123

П

Павлов-Сильвинский Н. П. 82

Палалеев А. К. 242

Перовская С. Л. 65, 153, 161

Перушкин Д. А. 240

Перцев 93

Песковские Е. И. и М. Л. 230,
232

Петрова 247

Писарев Д. И. 72

Платон 230

Плеханов Г. В. 88, 165, 175, 190,
200, 255

Поздняк 173

Позерн К. К. 205

Позерн М. С. 205

Полежаев Н. Я. 141, 150, 151,
224

Половодов 229, 248
224

Попов А. В. см. Складенко
А. П.

Попов В. И. 68, 69

Португалов В. О. 57, 124, 125,
162

Посников А. С. 71

Постников В. Е. 45, 48, 49, 72,
73, 95, 96, 99, 103, 131, 136,
159, 243, 244

Прагер 248

Преображенский А. А. 7, 11,
17, 116, 117, 118, 121, 223,
226, 244, 254, 256, 257

Пугачев Е. И. 63

Пятницкий 69

Р

Разин С. Т. 63, 148, 149

Рамсон 117

Репин С. С. 239

Реутовский Н. К. 120

Рикардо Д. 71

Рогачев Д. М. 65

Родбертус-Ягцов И. К. 209

Романов Л. Г. 105

Романова А. И. 90, 91, 105, 108,
237

Россинович А. П. 162, 163, 164,
228

Россов Н. Д. 90, 177, 179

Руссо Ж. 71

Рыбаков 236, 247

Рытиков 127, 157, 158, 224, 225,
228, 246

Рябов П. 189

С

Сабунаев М. В. 188

Савиновы 58

Савицкий В. В. 141, 150, 151,
152, 156, 162, 172, 173, 224

Садлоха В. Х. 239

Сажин М. П. 65

Салтыков-Щедрин М. Е. 83, 187

Самойлов А. И. 50, 51, 62, 74,
92, 100, 255

Самойлов Н. 204, 205, 257

Сарбатова В. Г. 15, 223

Сахаров Г. И. 236

Свербеев А. Д. 12

Семевский 71

Семенов 239

Семенов М. И. (Блан) 7, 8, 56,
57, 59, 68, 75, 76, 77, 78, 84,
89, 99, 103, 187, 221, 241, 248,
255, 257, 258

Семенов Т. И. 99

Сергеевич В. И. 71, 83

Сергиевский Н. Л. 209, 255,
258

Сибиряков К. М. 10, 11, 12, 17,
116, 117, 119

Скабичевский 72

Скворцов П. Н. 42, 43, 131,
202, 204

Скляренко (Бальбуциновский)

А. П. (Попов А. В.) 6, 7, 18, 20,
26, 27, 49, 50, 61, 66, 68, 69,
70, 72, 73, 74, 75, 76, 78, 79,
80, 83, 84, 86, 90, 92, 93, 99, 100,
101, 102, 103, 107, 127, 128,
129, 130, 132, 133, 134, 135,
137, 138, 139, 140, 141, 142,
146, 150, 151, 152, 157, 158,
159, 160, 161, 162, 166, 170,
172, 174, 178, 180, 181, 182,
183, 184, 185, 186, 187, 189,
190, 192, 193, 210, 211, 221,
222, 223, 224, 225, 235, 241,
244, 245, 247, 248, 252, 255,
257, 261

Скребницкий А. И. 27

Слещов 72

Смирнов А. 70, 218

Смирнов 90

Смит А. 71

Смулевский 72

Соловьев А. К. 21, 64
Соловьев С. 71
Соколов 247
Соколов А. И. 69
Соколов В. И. 86
Соколов Г. С. 257
Спенсер Г. 71, 73
Старков В. В. 32, 214, 216, 255,
258
Стендаль 72
Струве П. Б. 45, 98
Субботины 58
Сурошников С. В. 243
Суслова Ф. 227, 231, 232, 233
Сычуrows 247

Т

Тейлор Ф. У. 71
Тейтель Я. Л. 206, 236, 247
Тихомиров Л. А. 65
Тишкин Е. Я. 237
Токвилль А. 71
Толстой Л. Н. 168
Толстой Л. Л. 168
Торгонская 55
Троеперстов 105
Троицкий 248
Тьерри О. 71
Тэно Э. 71

У

Угловые 58
Уждин И. И. 237
Ульянов А. И. (Александр Улья-
нов) 26, 28, 67, 104, 161,
177, 197, 198, 208, 220, 230,
258, 259, 261
Ульянов Д. И. 5, 14, 21, 22,
23, 40, 127, 160, 220, 222, 247,
259, 261, 262

Ульянов И. Н. 28, 220
Ульянова-Елизарова А. И. 5, 6,
7, 12, 13, 19, 20, 22, 33, 42,
48, 49, 52, 55, 61, 68, 106,
107, 111, 127, 161, 192, 193,
204, 208, 213, 219, 220, 221,
232, 237, 255, 256, 257, 258,
260
Ульянова М. А. 19, 105, 106,
117, 127, 159, 160, 161, 213,
218, 219, 220, 224, 225, 226,
229, 230, 232, 244, 247, 260,
261
Ульянова М. И. 5, 10, 13, 15,
19, 20, 33, 40, 107, 111, 127,
160, 213, 219, 220, 247, 252,
257, 258, 259, 260, 261
Ульянова О. Д. 40
Ульянова О. И. 12, 15, 16, 28,
37, 38, 39, 40, 54, 208, 218,
219, 220, 226, 228, 229, 230,
231, 232, 261
Ульяновы-Елизаровы см. Елиза-
заров М. Т. и Ульянова-Ели-
зарова А. И.
Успенский Г. И. 10, 15, 60, 69,
72, 119
Урванцев 247
Усов 248
Ушакова 247

Ф

Федосеев Н. Е. 12, 83, 84, 131,
186, 187, 188, 189, 202, 203,
204, 209, 210, 219, 239, 240,
242, 244, 255, 256, 258
Федотов В. 89, 100
Фигнер В. Н. 64
Фигнер Е. Н. 64
Филадельфов В. В. 65, 137
Филиппов К. Д. 22
Фишер Куно 71

Х

- Хардин А. Н. 21, 30, 31, 45,
62, 204, 205, 206, 211, 212,
221, 236, 241, 247, 257
Хренова 235, 248
Христензен 221, 246

Ч

- Чайковский Н. В. 43
Чеботаревский 173
Чекмарев И. С. 241
Чельшевы 58
Чернов П. Г. 238
Чернышевский Н. Г. 71, 72,
106, 131, 133, 166, 222
Черняев 69
Чехов А. П. 241
Чивирядзе см. Лалаянц И. Х.
Чигорин М. И. 30, 31
Чичерин Б. Н. 71, 82
Чупров А. И. 71

Ш

- Шапов 71
Шарыгин И. А. 82, 229, 248
Шаховский 175
Швейцер А. 72
Шекспир В. 72
Шелгунов Н. В. 166
Шеффле А. Э. 71
Шихобаловы 58

Шишко Л. Э. 65

Шкатов Н. 139

Шлоссер Ф. Х. 71

Шопенгауэр А. 71, 184

Шпильгаген Ф. 72

Шухт А. А. 5, 228, 231, 232,
234, 248

Шухт О. Е. 231

Щ

Щербатов 175

Э

- Энгельс Ф. 42, 44, 46, 73, 81,
88, 89, 129, 132, 159, 165, 185,
194, 199, 201, 223, 226
Эшли У. Д. 81, 209

Ю

- Юдин В. Г. 243
Южаков С. Н. 6, 45, 47, 49, 50,
86, 90, 163, 239
Юренков М. 100

Я

- Явейн Л. Ю. 44, 231, 233
Языков 241
Якубова А. А. 16, 55
Якубович П. Ф. 161, 162
Яксон Ю. Э. 227
Яснева М. П. см. Голубева
М. П.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
М. И. Ульянова. Из самарского (алакаевского) периода (1889—1893 годы)	10
Д. И. Ульянов. В Алакаевке	23
Шахматы	28
Случай с купцом Арефьевым	32
Любовь к музыке	37
А. И. Ульянова-Елизарова. Ленин (Ульянов) Владимир Ильич	42
Воспоминания об Ильиче	46
М. И. Семенов (Блан). Самара и подпольные кружки ленинского периода	56
М. П. Голубева. Моя первая встреча с Владимиром Ильичем	105
Последний караул	109
А. А. Преображенский. О пребывании В. И. Ленина в Самарской губернии	116
И. Х. Лалаянц. Из воспоминаний «О моих встречах с В. И. Лениным за время 1893—1900 годов»	123
А. А. Беляков. Юность вождя.	133
Отрывки из воспоминаний	192
Приложения	217
Даты жизни и деятельности В. И. Ленина в Самаре и Самарской губернии (1889—1893).	
Ленинские места в городе Куйбышеве и Куйбышевской области	246
Краткие сведения об авторах.	250
Указатель имен.	263

ИБ № 302

В. И. ЛЕНИН В САМАРЕ

Сборник воспоминаний

Составитель и научный редактор
Ряса Павловна Поддубная.

Редактор Б. М. Косенков.
Художественный редактор
Е. В. Альбокринов
Технический редактор З. К. Яшина.
Корректор Л. И. Березина.

Сдано в набор 16.10.79. Подписано к печати 23.05.80. ЕО04953.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1 тип. Гарнитура «Балтика». Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л: 15,95. Тираж 30 000 экз.
Цена 65 коп. Заказ 5900.

Куйбышевское книжное издательство,
г. Куйбышев, ул. Спортивная, 5/27.

Тип. изд-ва «Волжская коммуна»,
г. Куйбышев, пр. Карла Маркса, 201.

Рецензент — старший научный сотрудник
Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Д. С. Кислик.

Л45 **В. И. Ленин** в Самаре. Сборник вос-
поминаний /Составление, предисловие и
комментарий Р. П. Поддубной. — Куй-
бышевское книжное издательство,
1980. — 240 с., с илл.

В сборник включены воспоминания родных и сорат-
ников В. И. Ленина о самарском периоде его жизни и
деятельности (1889—1893 годы). В рассказах людей,
близко знавших Владимира Ильича, ярко показано
идейное становление великого борца за дело рабочего
класса, вождя грядущих.

Для широкого круга читателей.

В 10103-024 1-80 0103020000 ЗК26.3
М148(03)-80